

НАУЧНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

САЯНО-АЛТАЯ

SAYAN-ALTAI SCIENTIFIC REVIEW

№ 1 (45) 2025

Исторические науки / Historical sciences

Филологические науки / Philological sciences

ISSN 2304-7488

Редакционная коллегия:

Главный редактор:

Чертыков В.К., Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории, Россия

Ответственный секретарь:

Челтыгмашева Л.В., Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории, Россия

Члены редакционной коллегии:

Самрина Е.В., Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории, Россия

Семашкевич В.Э., Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории, Россия

Чебоचाкова И.М., Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории, Россия

Челтыгмашева Л.В., Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории, Россия

Чистобаева Н.С., Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории, Россия

Редактор переводов:

Мечтанова Д.И., Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории, Россия

Международный редакционный совет:

Абумова О.Д., Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова, Россия

Арбачакова Л.Н., Институт филологии СО РАН, Россия

Ахматова. М.А., Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х. М. Бербекова, Россия

Бакчиев Т.А., Национальная академия «Манас», Кыргызская Республика

Борисов А.А., Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, Россия

Булгутова И.В., Бурятский государственный университет им. Д. Банзарова, Россия

Гергилев Д.Н., Сибирский федеральный университет, Россия

Даван Тая, Университет Внутренней Монголии, Китайская Народная Республика

Дацышен В.Г., Институт демографических исследований РАН, Россия

Донгак У.А., Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тува, Россия

Ефимова Л.С., Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова, Россия

Ефремов Н.Н., Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, Россия

Жаркын Турсун, Институт древней истории Академии общественных наук, Китайская Народная Республика

Жумагулов С.Б., Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, Республика Казахстан

Зарбалиев Х.М., Азербайджанский государственный университет языков Азербайджанской Республики, Азербайджанская Республика

Карамашева В.А., Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории, Россия

Килуновская. М.Е., Институт истории материальной культуры РАН, Россия

Кузьмина Е.Н., Институт филологии СО РАН, Россия

Курас Л.В., Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, Россия

Editorial Board:

Editor-in-Chief:

Valery K. Chertykov, Khakass Research Institute for Language, Literature, and History, Russia

Executive secretary:

Larisa V. Cheltygmasheva, Khakass Research Institute for Language, Literature, and History, Russia

Members of the Editorial Board:

Elena V. Samrina, Khakass Research Institute for Language, Literature, and History, Russia

Vladislav E. Semashkevich, Khakass Research Institute for Language, Literature, and History, Russia

Irina M. Chebochakova, Khakass Research Institute for Language, Literature, and History, Russia

Larisa V. Cheltygmasheva, Khakass Research Institute for Language, Literature, and History, Russia

Nadezhda S. Chistobaeva, Khakass Research Institute for Language, Literature, and History, Russia

Translator-reviser:

Diana I. Mechtanova, Khakass Research Institute for Language, Literature, and History, Russia

International Editorial Board:

Olga D. Abumova, N. F. Katanov Khakass State University, Russia

Lyubov N. Arbachakova, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Russia

Mariyam A. Akhmatova, Kabardino-Balkarian State University named after H. M. Berbekov, Russia

Talantaaly A. Bakchiev, National Academy «Manas», Kyrgyzstan

Andrian A. Borisov, Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Russia

Irina V. Bulgutova, D. Banzarov Buryat State University, Russia

Denis N. Gergilev, Siberian Federal University, Russia

Taya Dawan, University of Inner Mongolia, China

Vladimir G. Datsyshen, Institute for Demographic Research of the Russian Academy of Sciences, Russia

Uran A. Dongak, Tuvan Institute for the Humanities and Applied Socioeconomic Research under the Government of the Republic of Tuva, Russia

Lyudmila S. Efimova, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Russia

Nikolai N. Efremov, Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Russia

Jarkyn Tursun, Institute of Ancient History of Chinese Academy of Social Sciences, China

Sagymbai B. Zhumagulov, L.N. Gumilyov Eurasian National University, Republic of Kazakhstan

Habib M. Zarbaliyev, Azerbaijan State University of Languages of the Republic of Azerbaijan, Azerbaijan

Viktoriya A. Karamasheva, Khakass Research Institute for Language, Literature, and History, Russia

Marina E. Kilunovskaya, Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences, Russia

Evgeniya N. Kuzmina, Institute of Philology of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Russia

Leonid V. Kuras, Institute for Mongolian, Buddha, and Tibet Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Russia

Кызласов И.Л., Институт археологии РАН, Россия

Магай Жером, Музей доисторической антропологии, Княжество Монако

Мамбеталиев К.И., Международный университет Ала-Тоо, Кыргызская Республика

Морозова О.Н., Амурский государственный университет, Россия

Мыльникова Л.Н., Институт археологии и этнографии СО РАН, Россия

Нам И.В., Томский государственный университет, Россия

Николаева Н.Н., Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, Россия

Ооржак Б.Ч., Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва, Россия

Осава Такаши, Университет Осаки, Япония

Раджабов К.К., Институт истории Академии наук Республики Узбекистан, Республика Узбекистан

Семенова В.Г., Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова, Россия

Слюсаренко И.Ю., Институт археологии и этнографии СО РАН, Россия

Султангареева Р.А., Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы, Россия

Тэн Хай, Датунский университет, Китайская Народная Республика

Уртегешев Н.С., Институт филологии СО РАН, Россия

Функ Д.А., Институт этнологии и антропологии РАН, Россия

Хамдамов У.А., Институт узбекского языка, литературы и фольклора Академии наук Республики Узбекистан, Республика Узбекистан

Хуббитдинова Н.А., Уфимский федеральный исследовательский центр РАН; Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы, Россия

Цагаан Турбат, Национальный университет Монголии, Монголия

Цэндэдамбын Батбаяр, Институт истории и этнологии Академии наук Монголии, Монголия

Чугункова А.Н., Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова, Россия

Шапауов А.К., Казахский национальный университет искусств, Республика Казахстан

Шульга П.И., Институт археологии и этнографии СО РАН, Россия

Учредители:

Министерство образования и науки Республики Хакасия
ГБНИУ РХ «Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории»

Адрес редакции:

655017, г. Абакан, ул. Щетинкина, 23
ГБНИУ РХ «ХакНИИЯЛИ»
Телефон: +7 (3902) 22-31-71
www.sayan-altai.ru
Email: chertykov@sayan-altai.ru

Техническая поддержка:

Бадаев В.Г.
Email: badaev@sayn-altai.ru
ISSN 2304-7488

Отпечатано в типографии ГБУ РХ «Хакасское книжное издательство им. В. М. Торосова». 655017, Россия, г. Абакан, ул. Советская, 173.

Подписной индекс в каталоге Почты России – ПН098

© Министерство образования и науки Республики Хакасия, 2025
© ГБНИУ РХ «ХакНИИЯЛИ», 2025

Журнал включен в Российский индекс научного цитирования

The journal is included in the Russian Science Citation Index
The electronic version of the journal is available on the platform of the Scientific Electronic Library: www.elibrary.ru

Igor L. Kyzlasov, Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Russia

Jerome Magail, Museum of Prehistoric Anthropology, the Principality of Monaco

Kuban I. Mambetaliev, Ala-Too International University, Kyrgyzstan

Olga N. Morozova, Amur State University, Russia

Lyudmila N. Mylnikova, Institute of Archaeology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Russia

Iraida V. Nam, Tomsk State University, Russia

Natalya N. Nikolaeva, Institute for Mongolian, Buddha, and Tibet Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Russia

Bailak Ch. Oorzhak, Tuvan Institute of Humanities and Applied Socio-Economic Research under the Government of the Republic of Tuva, Russia

Takashi Osawa, Osaka University, Japan

Kahramon K. Radjabov, Institute of History of the Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan, Uzbekistan

Valentina G. Semyonova, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Russia

Igor Yu. Slyusarenko, Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Russia

Rozaliya A. Sultangareeva, Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmullah, Russia

Teng Hai, Shanxi Datong University, China

Nikolai S. Urtegeshev, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Russia

Dmitry A. Funk, N.N. Miklukho-Maklai Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, Russia

Ulugbek A. Khamdamov, Institute for Uzbek Language, Literature, and Folklore of the Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan, Uzbekistan

Nerkes A. Khubbitdinova, Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences; Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmullah, Russia

Turbat Tsagaan, Institute of Archaeology of the Mongolian Academy of Sciences, Mongolia

Batbayar Tsedendambyn, Institute of History and Ethnology of the Academy of Sciences of Mongolia, Mongolia

Alyona N. Chugunkova, N.F. Katanov Khakass State University, Russia

Alibi K. Shapauov, Republic of Kazakhstan

Pyotr I. Shulga, Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Russia

Founders:

Ministry of Education and Science of the Republic of Khakassia
Khakass Research Institute for Language, Literature, and History

Editorial office address:

23 Shchetinkin Str., 655017 Abakan, Russian Federation
Khakass Research Institute for Language, Literature, and History
Tel.: +7 (3902) 22-31-71
www.sayan-altai.ru
Email: chertykov@sayan-altai.ru

Technical support:

Vladislav G. Badaev
Email: badaev@sayn-altai.ru

Электронная версия журнала размещена на платформе Научной электронной библиотеки: www.elibrary.ru

Printed by «V.M. Torosov Khakass Book Publishing House». 173 Sovetskaya Str., Abakan, Russia, 655017.

Журнал зарегистрирован в ФС по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС 77-48678)

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Археология

В. С. Зубков

Неолит Хакасско-Минусинской котловины:
основные итоги и задачи изучения4

Т. Н. Прудникова

Земледельческая культура времени хунну
в Туве19

История

Д. М. Маншеев

Земледелие тункинских бурят
во второй половине XIX века26

А. П. Шекшеев

Материальное обеспечение коммунистов-
функционеров Енисейской Сибири в 1920-е гг.31

Этнография

В. П. Кривоногов

Челканцы: современные этнические процессы41

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Языкознание

А. С. Кызласов

Влияние диалектной среды на функционирование
устной формы хакасского языка (по материалам
комплексной экспедиции ХАКНИИЯЛИ
в 2022 г.)56

О. А. Нурыева

Семантическое ядро «вода» в письменных
памятниках туркменского языка70

Фольклористика

Н. В. Майнагашева

Образы богатырей и богатырок
в героическом сказании хакасов76

Е. С. Торокова

Хакасский фольклор в записях и переводах
А. А. Кузнецовой83

Литературоведение

Л. В. Челтыгмашева

Идейно-художественное своеобразие повестей
Николая Тюкпиекова92

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

CONTENTS

HISTORICAL SCIENCES

Archaeology

Valery S. Zubkov

The Neolithic Age of the Khakass-Minusinsk Basin:
main results and objectives of the study4

Tatyana N. Prudnikova

Agricultural culture of the Xiongnu period
in Tuva20

History

Dorja M. Mansheev

Agriculture of the Tunka Buryats in the second half
of the 19th century26

Aleksandr P. Sheksheev

Material support for the communists – functionaries
of Yenisei Siberia in the 1920s31

Ethnography

Viktor P. Krivonogov

The Chelkans: modern ethnic processes41

PHILOLOGICAL SCIENCES

Linguistics

Artyom S. Kyzlasov

Influence of the dialect environment on the functioning
of the oral form of the Khakass language (based on the
materials of the combined language expedition
of Khakass Research Institute for Language, Literature,
and History in 2022)56

Ogulsapar A. Nuryyeva

Semantic core “water” in written monuments
of the Turkmen language70

Folklore studies

Natalya V. Mainagasheva

Images of heroes and hero maidens in the Khakass'
heroic legend76

Yevgeniya S. Torokova

Khakass folklore in recordings and translations
by A. A. Kuznetsova83

Literary studies

Larisa V. Cheltygmasheva

Ideological and artistic distinctness of Nikolai
Tyukpiekov's novels92

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Археология

DOI 10.52782/KRIL.2025.1.45.001

УДК 903

НЕОЛИТ ХАКАССКО-МИНУСИНСКОЙ КОТЛОВИНЫ: ОСНОВНЫЕ ИТОГИ И ЗАДАЧИ ИЗУЧЕНИЯ

В. С. Зубков

Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова, пр. Ленина, 90, Абакан 655017, Россия; email: zubkoffval2013@mail.ru

В публикации содержится краткий обзор изучения неолита Хакасско-Минусинской котловины с середины 1960-х гг. до начала XXI в., в исследовании которого заметную роль сыграли Л. П. Зяблин, А. В. Виноградов, Н. Ф. Лисицын, Л. Р. Кызласов. Важным результатом проведенных работ стало выделение в данном регионе позднего неолита с керамикой и более раннего его этапа – докерамического неолита (С. А. Васильев). В научный оборот вводятся материалы 3-го культурного слоя стоянки Читыгол III, которые, по мнению автора статьи, характеризуют каменную индустрию докерамического неолита. Намечены актуальные задачи в изучении неолита Хакасско-Минусинской котловины, на разрешение которых необходимо обратить первоочередное внимание.

Ключевые слова: Хакасско-Минусинская котловина, керамический неолит, стоянка Унук, докерамический неолит, стоянка Читыгол III.

THE NEOLITHIC AGE OF THE KHAKASS-MINUSINSK BASIN: MAIN RESULTS AND OBJECTIVES OF THE STUDY

Valery S. Zubkov

N. F. Katanov Khakass State University, 90 Lenin Ave., Abakan, 655017, Russia; email: zubkoffval2013@mail.ru

The publication contains a brief review of the research of the Neolithic Age in the Khakass-Minusinsk Basin from the mid-1960s to the beginning of the 21st century, in the study of which L. P. Zyablin, A. V. Vinogradov, N. F. Lisitsyn, and L. R. Kyzlasov played a significant role. An important result of the performed work was identification of the Late Neolithic Age with ceramics in this region and its earlier stage – the Preceramic Neolithic (S. A. Vasilev). The materials of the 3rd cultural layer of Chitygol III settlement site are introduced into scientific discourse, which, according to the author of the article, characterize the stone industry of the Preceramic Neolithic. Relevant tasks are set in the study of the Neolithic of the Khakass-Minusinsk Basin, the resolution of which must be given priority attention.

Keywords: Khakass-Minusinsk Basin, ceramic Neolithic, Unyuk site, Preceramic Neolithic, Chitygol III settlement site.

Введение

До настоящего времени на территории Хакасско-Минусинской котловины и ее горно-таежного обрамления число известных археологических местонахождений, где присутствует неолитическая керамика и каменная

индустрия неолитического облика, невелико. Неолит является наименее изученной археологической эпохой на территории Хакасско-Минусинской котловины. В настоящей статье изложены как итоги изучения неолитической эпохи на данной территории, так и актуальные вопросы, требующие своего исследования.

Неолит с керамикой

Целенаправленный поиск и изучение неолитических памятников началось в данном регионе только во второй половине 1960 – начале 1980-х гг., и связано это с деятельностью Л.П. Зяблина, Н.Ф. Лисицына и А.В. Виноградова.

В 1967–1968 гг. под руководством Л.П. Зяблина на надпойменной террасе правого берега р. Енисей ниже д. Краснотуранск были проведены раскопки древнего поселения Унюк. Эти раскопки носили спасательный характер, и уже в 1969 г. территория памятника была полностью затоплена водами водохранилища Красноярской ГЭС. Памятник имел два культурных слоя: верхний содержал находки таштыкской археологической культуры, а отделенный от него стерильной прослойкой лесса темно-серого цвета нижний слой по керамическому комплексу и составу каменной индустрии был отнесен к неолиту [Зяблин, 1973, с. 68]. Раскопами вскрыто более 1000 кв.м. Коллекция находок составила около 2000 фрагментов керамики и около 2000 каменных артефактов. Впервые в распоряжении исследователей оказалась значительная археологическая коллекция, полученная в достаточно четкой стратиграфической позиции. Л.П. Зяблин отметил, что в керамическом комплексе преобладают круглодонные сосуды яйцевидной формы. В орнаментации сосудов «можно видеть различные композиции из оттисков гребенки, «отступающей лопатки» (палочки) в виде горизонтальных елочек, рядов ломаных линий, горизонтальных линий, в сочетании с рядами глубоких ямок у венчиков, гладких штампов и неглубоких тычков палочки... наибольшее сходство, порой полное совпадение, керамика неолитического слоя Унюка имеет с керамикой приангарских и прибайкальских неолитических стоянок» [Зяблин, 1973, с. 69]. Каменные орудия – наконечники стрел, копий, ножей, скребков, вкладышей «по общему облику ретуши и формам нужно признать поздненеолитическими» [Зяблин, 1973, с. 71–72].

После раскопок на поселении Унюк Л.П. Зяблиным были проведены археологиче-

ские разведки с целью поиска неолитических местонахождений на территории степных районов Минусинской котловины. В частности, в 1972 г. были обследованы песчаные выдува близ д. Усть-Кындырла Бейского района Республики Хакасия и собран подъемный материал, среди которого были и каменные орудия неолитического облика – наконечники стрел, скребки, вкладыши [Зяблин, 1973, с. 213]. В следующем 1973 г. Л.П. Зяблиным было открыто и исследовано поселение на береговой дюне на оз. Малый Кызыкуль, где им найдена керамика унюкского типа. В этом же году местным краеведом М.С. Скобовым на береговых дюнах на оз. Карасево Минусинского района Красноярского края были собраны в нескольких пунктах археологические находки – многочисленные фрагменты керамической посуды и каменные артефакты. Эти местонахождения осмотрели Л.П. Зяблин и А.В. Виноградов, которые датировали собранную коллекцию эпохой неолита. Значительная часть этих материалов поступила в фонды Минусинского краеведческого музея им. Н.М. Мартыанова [Виноградов, 2022, с. 18].

В 1982 г. А.В. Виноградов защитил диссертацию «Неолит и ранний бронзовый век Минусинской котловины», основанную на материалах неолитического слоя поселения Унюк и дюнных стоянок, обнаруженных на берегах оз. Карасево, Вьюжное и Малый Кызыкуль, содержащих смешанные керамические материалы. Он выделил в неолите Хакасско-Минусинской котловины две керамические традиции. Первая – керамика унюкского типа – сосуды простой оваловидной формы, круглодонные, реже с уплощенным дном, в керамике кипринского этапа орнаментированные по всей поверхности горизонтальными или вертикально-зигзаговыми рядами оттисков отступающей лопатки или гребчатого штампа. Дополнительно по венчику наносился поясок круглых ямок и различного вида наклонные насечки по внутреннему и внешнему краю венчика. Аналогии этой керамики А.В. Виноградов находит в VI и VII слоях поселения Казачка на р. Кан, в слое 2-А поселения Усть-Белая на Ангаре и в слое III

стоянки Няша под г. Красноярском¹. Вторая традиция – керамика карасевского типа (ранняя группа) – сосуды простой, слабо профилированной формы с широким устьем, с округлым или приостренным, реже уплощенным или плоским дном. Орнамент горизонтально-линейный, выполнен отступающей косо поставленной гребенкой, наколами приостренной палочки или мелкозубчатым штампом, дополнительный орнамент – в виде одного или нескольких рядов фигурных ямок, нанесенных поверх основного орнамента. Близкие аналогии эта керамика имеет, по мнению А.В. Виноградова, в керамике кипринского этапа неолита Обь-Иртышья и в керамике ранней бронзы Барабинской лесостепи. На севере от Минусинской котловины подобная керамика встречена на стоянке Няша [Виноградов, 1982, с. 9–11]

Каменная индустрия неолита представлена преимущественно находками из неолитического слоя поселения Унюк. Здесь, помимо большого числа отходов расщепления камня – сколов и отщепов, были обнаружены два микронуклеуса, предназначенные для снятия призматических микропластинок. Среди орудий имеются: топоры и тесла (9 экз.), изготовленные с помощью шлифовки из кремнистого сланца, серпентина и нефрита; наконечники стрел (23 экз.) небольших размеров, по форме треугольные (преобладают); ножи (16 экз.) как однолезвийные, так и двулезвийные [Виноградов, 2022, с. 34–37].

В 1977–1983 гг. Н.Ф. Лисицын в рамках деятельности Среднеенисейской археологической экспедиции ЛОИА АН СССР провел археологические разведки на территории степных районов Минусинской котловины. В результате на побережье степных оз. Толстый Мыс, Интикуль и Джирим на севере Хакасии в Ширинской степи и в Койбальской степи на оз. Черном близ с. Сабинка на юге Хакасии были обнаружены стоянки с разрушенным культурным слоем, на территории которых собран подъемный материал, представленный исключительно каменными

артефактами. Значительная часть собранных археологических коллекций по технико-типологическим показателям была датирована Н.Ф. Лисицыным неолитом: наконечник копья листовидной формы, тесла со струйчатой ретушью, конические и карандашевидные ядрища (стоянка на оз. Интикуль); наконечники стрел и дротика, топоры и мелкие призматические ядрища (с оз. Джирим); наконечники стрел, топорик, тесла, концевые скребки (с Черного озера). Несмотря на тщательные поиски, здесь не зафиксирована не только неолитическая керамика, но и фрагменты посуды более позднего времени [Лисицын, 1988]. «Своеобразие природных условий Хакасии позволяло неолитическим племенам в лесном и лесостепном поясе создавать поселения на период сезонной охоты и рыболовства». Местонахождения, обнаруженные на берегах степных озер Хакасии, исследователь рассматривал как следы «кратковременных охотничьих походов неолитического населения с базовых сезонных лагерей, расположенных в лесном и лесостепном поясе Минусинской котловины, вглубь степей. При этих в рассчитанных на несколько дней перемещениях не было необходимости нести с собой на большие расстояния хрупкую керамику. О кратковременности таких экспедиций «говорят отсутствие каких-либо следов культурного слоя, малочисленность находок, типично охотничий характер орудий, в котором нет изделий бытового назначения». Исследователь пришел к выводу, что, помимо поиска стоянок неолита в пределах долин крупных рек, следует это делать и на побережье многочисленных озер Минусинской котловины [Лисицын, 1988, с. 19].

Э.Б. Вадецкая, критически проанализировав корпус источников по неолиту Минусинской котловины, который сформировался к середине 1980-х гг., пришла к следующим обоснованным выводам: 1) «в Минусинской котловине нет, безусловно, неолитических могил и лишь одно поселение (2-й слой поселения Унюк. – В.З.) относится к позднему неолиту»; 2) неолитический материал малочислен

¹ «Унюкский неолитический комплекс находит аналогии, особенно в керамике, среди материалов Прибайкалья и Красноярско-Канской лесостепи. Возможно, этот комплекс отражает культуру какой-то группы пришлого населения» [Бобров, Молодин, 2022, с. 218].

и не опубликован и нет по этой причине «возможности провести сравнительный анализ каменной индустрии раннего неолита, позднего неолита, а также энеолита» [Вадецкая, 1988, с. 73]. Она также обратила внимание на то, что сложно отличить «энеолитические каменные орудия от неолитических... в энеолите не только не наблюдается еще упадка каменной индустрии, но даже, наоборот, наблюдается ее дальнейший некоторый прогресс, поскольку знакомство человека с металлом произошло не по линии замены основных категорий каменных орудий» [Вадецкая, 1988, с. 73]¹.

В середине 1980-х гг. Л. Р. Кызласовым на основе анализа каменного инвентаря и керамики было предложено выделить в неолите Хакасско-Минусинской котловины 3 археологических культуры позднего неолита: оглахтинская (стоянки Оглахты II, III), расположенная на левобережье Енисея; среднеенисейская (поселения Кызыкуль, Бузунова, Потрошилово и др.) и унюкская культуры (выделена на основе материалов поселения Унюк), расположенные на правобережье Енисея. Время существования этих культур – конец IV – середина III тыс. до н. э. [Кызласов, 1986, с. 25, 65–69]. Выделение этих культур, в первую очередь оглахтинской и среднеенисейской, было сделано без достаточных на то оснований, так как имевшийся в распоряжении исследователя археологический материал малочислен и типологически невыразителен [Вадецкая, 1988, с. 72–73; Зубков, 2005, с. 29–30].

Докерамический неолит

Отсутствие находок раннеэнеолитической керамики на территории Хакасско-Мину-

синской котловины и открытие археологических комплексов с каменным инвентарем неолитического облика, но без керамики, расположенных на севере Саянского каньона вблизи выхода р. Енисей на степные просторы Минусинской котловины (неолитический слой Майнинской стоянки, 1-й слой стоянки Уй II), привели С. А. Васильева к мысли о существовании на территории Хакасско-Минусинской котловины этапа докерамического неолита. Этот этап должен заполнить пробел между единым блоком культур финального плейстоцена – раннего голоцена и собственно неолита с керамикой в условиях безусловного господства присваивающих форм хозяйственной деятельности.² По мнению С. А. Васильева, общими чертами для каменной индустрии докерамического неолита является господство пластинчатой техники, основанной на призматических нуклеусах, сосуществующих с торцовыми и клиновидными формами. Среди типично неолитических форм присутствуют наконечники стрел с выемкой в основании, наконечники стрел с боковой выемкой, небольшие скребки, пластинчатые вкладыши. Датировка этих комплексов – V тыс. до н. э. [Васильев, 1995, с. 11–12; Васильев, 2000, с. 72–73].

Существование на территории Хакасско-Минусинской котловины докерамического неолита не исключается, так как появление глиняной посуды не вытекает из внутренней логики развития каменной индустрии неолита и возникает в древних обществах независимо от последней. В 2001–2009 гг. отрядами Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова и Хакасской археологической экспедиции под руководством автора статьи было открыто и исследовано несколько местонахождений, на которых были выявлены

¹ В этой связи весьма показательны материалы из раскопок горного поселения Чебаки, где вместе с керамикой окуневской культуры встречены каменные изделия – шлифованные топоры, тесла, отбойники, так называемые грузила и многочисленные кремневые наконечники стрел миндалевидной формы с закругленным основанием, подтреугольной формы с прямым или слегка выпуклым основанием, наконечники стрел ромбовидной и напильниковидной формы [Готлиб, Подольский, 2008, с. 61–62]. Это свидетельствует о достаточно устойчивом бытовании традиции изготовления и использования каменных орудий в хозяйственной деятельности населения раннего бронзового века.

² Термин «докерамический неолит» впервые начали использовать при описании археологических материалов раннеголоценовых памятников применительно к культурам Передней Азии с производящим типом хозяйства.

стратифицированные культурные слои с каменной индустрией неолитического облика, но без керамики. К числу подобных местонахождений относятся: две стоянки на левом берегу р. Большая Есь – Читыгол II (2-й и 3-й культурный слой) и Читыгол III (3-й культурный слой), расположенных в 2,7 км выше улуса Тюрт-Тас (Аскизский район); стоянка Куйбышево I (2-й культурный слой) и стоянка Большой Арбат I (2-й культурный слой) – правый берег р. Большой Арбат в 0,5 км к северу от п. Большие Арбаты (оба местонахождения расположены на территории Таштыпского района Республики Хакасия) (рис. 1).

Стоянки докерамического неолита располагаются на первой 5–7 м надпойменной речной террасе (Куйбышево I, 2-й культурный слой; Читыгол III, 3-й культурный слой), или второй 8–12 м террасе (Большой Арбат I, 2-й культурный слой), либо на древних конусах выноса в устье широкого лога, имеющего южную экспозицию (Читыгол II, 2-й и 3-й культурные слои). Археологический материал приурочен к покровным делювиальным отложениям раннего и среднего голоцена.

Многочисленная и достаточно представительная коллекция каменных артефактов была получена в результате исследований стоянки Читыгол III (3-й культурный слой). Открыта в 2002 г., а в 2003–2005 гг. проведены раскопки. Общая площадь раскопа составила 225 кв. м. В данном слое содержались только каменные артефакты. Находки 3-го культурного слоя залегают на глубине 0,45–0,58 м от современной поверхности в подошве легко оглиненной гумусированной супеси темно-серого цвета и в кровле подстилающей ее супеси бурого цвета.

Общее количество находок – 1409 предметов, из которых отщепы – 969 ед., отщепы с ретушью утилизации по одному краю – 56 ед., пластинчатые сколы – 36 ед., призматических микропластинок – 245 ед. Раскопанный участок памятника свидетельствует о том, что на его территории производился процесс активного расщепления камня.

Найден 41 целый нуклеус и 10 нуклеусов представлены фрагментами изделий. Большинство нуклеусов сработаны до пре-

дела. Преобладают одноплощадочные монофронтальные нуклеусы. Фронт снятия призматических микропластинок располагался чаще всего с торца нуклеуса (на узкой его стороне). По своим размерам их следует отнести к микронуклеусам. Высота нуклеусов в месте расположения фронта снятия пластин составляет от 3,6 до 1,8 см (рис. 2, 3: 7–14). Нуклеусы служили для получения призматических микропластинок. Длина целых микропластинок не превышала 4,5–5 см, при максимальной ширине 0,7–0,9 см. Из общего числа микропластинок 19 ед., вероятно, являлись вкладышами, так как имеют ретушь по краю, чаще всего с дорсальной стороны (рис. 3: 1–5; рис. 4: 1–4, 6–10).

Набор каменных орудий включает 54 предмета (3,4% от общего числа находок).

Ножи (20 экз.). Преобладают ножи из крупных галечных сколов овальной или полулунной формы (13 экз.). Рабочий край овально-выпуклый и оформлялся на продольной стороне заготовки (рис. 5: 1–7). В качестве ножей также могли использовать крупные пластинчатые сколы, которые имеют ретушь утилизации по одному или двум продольным краям (рис. 4: 9, 10; рис. 7: 1, 2). **Скребки** (24 экз.) однолезвийные, изготовлены из отщепов или пластинчатых сколов. Лезвия овально-выпуклые и оформлены крутой дорсальной ретушью (рис. 6: 1–5, 7, 8). **Резцы** (3 экз.): один угловой и два срединных. Все изготовлены из пластинчатых сколов (рис. 4: 11–13). **Острия-проколки** (5 экз.) из пластинчатых сколов.

В коллекции имеется: 1 наконечник стрелы треугольной формы с угловато-асимметричной выемкой в его основании; фрагмент топора, обработанный с двух сторон ударной ретушью (рис. 7: 3).

Материалы 3-го культурного слоя стоянки Читыгол III по своей типологии и геолого-стратиграфической позиции вполне соотносятся с неолитическим слоем Майнинской стоянки и 1 слоем стоянки Уй II. Следует отметить, что в вышележащем 2-м культурном слое стоянки Читыгол III, кроме каменных артефактов, была обнаружена афанасьевская и окуневская керамика.

Среди других местонахождений отметим стоянку Куйбышево I, которая расположена на первой надпойменной 6–7-метровой террасе правого берега р. Джебаш в 90–100 м к юго-востоку от безымянного ручья. В советское время эта терраса была занята д. Куйбышево, которая ныне уже не существует. Раскопом в 2008–2009 гг. вскрыта площадь в 100 кв.м. К эпохе докерамического неолита нами отнесен 2-й культурный слой. Археологический материал обнаружен в верхней части отложений суглинка коричневатого-желтого цвета на глубине от 0,53 до 0,70 м от современной поверхности. Материалы этой стоянки опубликованы [Зубков, 2013], поэтому укажем, что в каменной индустрии преобладают одноплощадочные, монофронтальные нуклеусы небольших размеров, предназначенные для получения призматических микропластинок и пластичатых сколов, которые также имеются в коллекции. Снятие пластин чаще всего производилось с торцевой части нуклеуса. В числе каменных орудий, выполненных на пластинчатых сколах, отметим: нож двулезвийный из крупного пластинчатого скола; дистальный фрагмент крупной пластины из яшмовидной породы красно-коричневого цвета с ретушью утилизации по обоим краям; дистальная часть треугольной в плане формы пластины, обработанной дорсальной ретушью, возможно, наконечник стрелы или проколка. Каменная индустрия 2-го культурного слоя Куйбышево I датируется временем докерамического неолита в пределах VI–V тыс. до н.э. В вышележащем 1-м культурном слое данной стоянки найдена афанасьевская керамика (энеолит – ранний бронзовый век).

Основные итоги

За последние 15–20 лет не произошло существенного пополнения источниковедческой базы для изучения эпохи неолита в пределах Хакасско-Минусинской кот-

ловины и ее горно-таежного обрамления. Неолитические захоронения здесь неизвестны, и лишь на одном поселении – Унюк имеется собственно неолитический слой, представленный как каменной индустрией, так и фрагментами керамической посуды, залегающий в достаточно четкой геостратиграфической позиции. К этому следует добавить, что мезолит, как самостоятельная археологическая эпоха, предшествующая неолиту на территории Минусинской котловины, также не выделена и не имеет развернутой характеристики. Первый опыт выделения мезолита для данного региона был сделан Н.Ф. Лисицыным еще в 1980 г. на ограниченном фактическом материале и носил предварительный характер [Лисицын, 1980]¹.

Первоочередной задачей является целенаправленный поиск и изучение однослойных и многослойных памятников раннего и среднего голоцена с четкой стратиграфической позицией археологических комплексов в диапазоне от докерамического неолита до неолита с керамикой. С учетом накопленного опыта изучения неолитических памятников в пределах Хакасско-Минусинской котловины, видимо, необходимо основные усилия исследователей сосредоточить на археологическом обследовании подтаежных и предгорных территорий.

Остается слабоизученным вопрос о природно-климатических условиях, в которых происходил переход от финала позднего палеолита (раннеголоценовых каменных индустрий) до раннего – докерамического неолита. Ранняя граница докерамического неолита еще не определена.

Получены новые археологические материалы, которые дают возможность усилить позиции сторонников выделения в неолите Хакасско-Минусинской котловины этапа докерамического неолита. Н.Ф. Лисицын в монографическом исследовании, посвященном позднему палеолиту Чулымо-Енисейского

¹ В недавно вышедшем обобщающем труде по археологии Сибири время от верхнего палеолита до начала неолита выделено как «переходный период» и подчеркнуто, что главный признак начала неолита – распространение керамической посуды. «Однако, несмотря на то, что область применения термина «мезолит» для сибирских памятников в настоящее время заметно сократилась, полностью отказываться от него пока, видимо, преждевременно» [История Сибири, 2022, с. 13, 209, 195].

междуречья, писал: «Конец палеолита большинство исследователей связывают с появлением керамики. Мезолит как переходная между палеолитом и неолитом эпоха может иметь право на существование в очень узких хронологических рамках «докерамического неолита» [Лисицын, 2000, с. 125].

Поздний неолит – неолит с керамикой, видимо, охватывает IV – начало III тыс. до н.э. Появление керамической посуды в Минусинской котловине исследователи связывают с приходом на Средний Енисей нового населения как с запада (с территории Западной Сибири), так и с севера и северо-востока (из района Красноярско-Канской лесостепи)¹. На финальной ступени своего существования поздненеолитическое население, вероятно, сосуществует (соседствует) с носителями афанасьевской культуры энеолита. «На данный момент объективных данных для датирования керамики унюкского и карасевского типов, отнесенных А.В. Виноградовым к позднему неолиту, нет...» [Поляков и др., 2022, с. 230, прим. 9]. Хронологическое разделение докерамического и керамического неолита в настоящее время не обеспечено ни стратиграфическими наблюдениями, ни данными радиоуглеродного датирования.

Финал неолитической эпохи Хакасско-Минусинской котловины «ограничен» приходом на эту территорию носителей афанасьевской и окуневской культур. Допускается сосуществование окуневцев и носителей поздненеолитической культуры – вероятно, монголоидов. Хронология афанасьевской культуры, по данным радиоуглеродного анализа, – XXX–XXV вв. до н.э. [Поляков и др., 2022, с. 14]. Сейчас совершенно неясно, каким было взаимодействие поздненеолитического и афанасьевского населения.

Для территории Хакасско-Минусинской котловины актуальной является разработка таких вопросов, как определение общих культурно-хронологических границ неолита, так и содержательная характеристика отдельных его этапов.

Список сокращений

АО – Археологические открытия
 ИАЭТ СО РАН – Институт археологии и этнографии СО РАН
 ИИМК РАН – Институт истории и материальной культуры РАН
 КСИА – Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии АН СССР

Литература

- Бобров В.В., Молодин В.И.** История изучения неолита Сибири // История Сибири: в 4 томах. Т. 1. Каменный и бронзовый век / отв. ред. М.В. Шуньков. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2022. С. 213–225.
- Вадецкая Э.Б.** Современные представления о состоянии источников по неолиту Минусинской котловины // КСИА. 1988. Вып. 199. С. 68–74.
- Васильев С.А.** К вопросу о бескерамическом неолите Сибири // Южная Сибирь в древности / Археологические изыскания. СПб., 1995. Вып. 24. С. 10–16.
- Васильев С.А.** Поздние комплексы стоянок майнинской группы и проблемы развития древних культур в голоцене на Верхнем Енисее // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. Барнаул, 2000. С. 72–74.
- Виноградов А.В.** Неолит и ранний бронзовый век Минусинской котловины: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1982. 18 с.
- Виноградов А.В.** Неолит и ранний бронзовый век Минусинского края (по материалам керамических комплексов древних поселений). СПб.: ИИМК РАН, 2022. 272 с.
- Готлиб А.И., Подольский М. Л.** Све – горные сооружения Минусинской котловины. СПб.: Элексис принт, 2008. 222 с.
- Зубков В.С.** Неолит Хакасско-Минусинской котловины: источниковая база и интерпретация археологических материалов // Актуальные проблемы истории Саяно-Алтая и сопредельных территорий. Материалы международной научно-практической конференции. Абакан: Изд-во Хакасского гос. ун-та, 2005. С. 25–31.
- Зубков В.С.** О керамическом и докерамическом неолите Хакасско-Минусинского края // Современные проблемы археологии России. Т. I. Материалы Всероссийского археологического съезда (23–28 октября 2006 г., Новосибирск). Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006. С. 265–267.
- Зубков В.С.** Стоянка Куйбышево I на реке Джебаш // Научное обозрение Саяно-Алтая. 2013. № 1 (5). С. 192–199.

¹ В настоящее время А.В. Виноградовым полностью опубликованы археологические материалы керамических комплексов, послужившие основой его диссертационного исследования [Виноградов, 2022].

- Зяблин Л. П.** Абаканский отряд в поисках неолита // АО 1972 года. М.: Наука, 1973. С. 213–214.
- Зяблин Л. П.** Неолитическое поселение Унюк на Верхнем Енисее // Проблемы археологии Урала и Сибири: сб., посвящ. памяти В. Н. Чернецова. М.: Наука, 1973. С. 65–73.
- Зяблин Л. П.** Поиски неолита в районе Минусинска // АО 1973 года. М.: Наука, 1974. С. 204.
- История Сибири: в 4 томах. Т. 1. Каменный и бронзовый век / отв. ред. М. В. Шуньков. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2022. 660 с.
- Кызласов Л. Р.** Древнейшая Хакасия. М.: Изд-во МГУ, 1986. 295 с.
- Лисицын Н. Ф.** Каменный век Минусинской котловины: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1980. 17 с.
- Лисицын Н. Ф.** Стоянки каменного века степной зоны Хакасско-Минусинской котловины // КСИА. 1981. Вып. 165. С. 119–122.
- Лисицын Н. Ф.** К вопросу о неолите Хакасии // КСИА. 1988. Вып. 193. С. 16–20.
- Лисицын Н. Ф.** Поздний палеолит Чулымо-Енисейского междуречья. СПб.: Центр «Петербургское востоковедение», 2000. 232 с.
- Поляков А. В., Смирнов Н. Ю., Фрибус А. В.** Предисловие редакторов // Виноградов А. В. Неолит и ранний бронзовый век Минусинского края (по материалам керамических комплексов древних поселений). СПб.: ИИМК РАН, 2022. С. 10–16.

References

- Bobrov V. V., Molodin V. I.** Istoriya izucheniya neolita Sibiri [History of the study of the Neolithic Age in Siberia]. In: History of Siberia: in 4 volumes. Vol. 1. The Stone and Bronze Ages/Edited by M. V. Shunkov. Novosibirsk, Publishing House of the Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, 2022, pp. 213–225. (In Russian)
- Gotlib A. I., Podolsky M. L.** Sve – gornye sooruzheniya Minusinskoi kotloviny [Sve-mining structures of the Minusinsk Basin]. Saint-Petersburg, Eleksis Print, 2008, 222 pp. (In Russian)
- Istoriya Sibiri: v 4 tomakh. T. 1. Kamennyi i bronzovyi vek [History of Siberia: in 4 volumes. Vol. 1. The Stone and Bronze Age. Edited by M. V. Shunkov]. Novosibirsk, the Institute of Archeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, 2022, 660 pp. (In Russian)
- Kyzlasov L. R.** Drevneishaya Khakasiya [Ancient Khakassia]. Moscow, Moscow State University Press., 1986, 295 pp. (In Russian)
- Lisitsyn N. F.** K voprosu o neolite Khakasii [On the question of the Neolithic in Khakassia]. Brief Reports of the Institute of Archaeology. 1988, issue 193, pp. 16–20. (In Russian)
- Lisitsyn N. F.** Kamennyi vek Minusinskoi kotloviny [The Stone Age of the Minusinsk Basin]. The author's summary of the thesis for the degree of the Candidate of Historical Sciences, Leningrad, 1980, 17 pp. (In Russian)
- Lisitsyn N. F.** Pozdnii paleolit Chulymo-Eniseiskogo mezhdurech'ya [The Late Paleolithic of the Chulym-Yenisei Interfluve]. Saint-Petersburg, Center for Petersburg Oriental Studies, 2000, 232 pp. (In Russian)
- Lisitsyn N. F.** Stoyanki kamennogo veka stepnoi zony Khakassko-Minusinskoi kotloviny [Stone Age sites of the steppe zone of the Khakass-Minusinsk Basin]. Brief Reports of the Institute of Archaeology. 1981, issue 165, pp. 119–122. (In Russian)
- Polyakov A. V., Smirnov N. Yu., Fribus A. V.** Predislovie redaktorov [The Editors' Preface. Vinogradov A. V. The Neolithic and Early Bronze Age of the Minusinsk Region (based on materials from ceramic complexes of ancient settlements)]. Saint-Petersburg, the Institute of the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences, 2022, pp. 10–16. (In Russian)
- Vadetskaya E. B.** Sovremennye predstavleniya o sostoyanii istochnikov po neolitu Minusinskoi kotloviny [Modern ideas about the state of sources on the Neolithic Age of the Minusinsk Basin]. Brief Reports of the Institute of Archaeology. 1988, issue 199, pp. 68–74. (In Russian)
- Vasiliev S. A.** K voprosu o beskeramicheskom neolite Sibiri [On the question of the ceramic-free Neolithic of Siberia]. Southern Siberia in Antiquity. Archaeological Research. Saint-Petersburg, 1995, issue. 24, pp. 10–16. (In Russian)
- Vasiliev S. A.** Pozdnie komplekсы stoyanok maininskoi gruppy i problemy razvitiya drevnikh kul'tur v golotsene na Verkhnem Enisee [Late complexes of the Maina group sites and the problems of the development of ancient cultures in the Holocene on the Upper Yenisei]. Preservation and study of the cultural heritage of Altai. Barnaul, 2000, pp. 72–74. (In Russian)
- Vinogradov A. V.** Neolit i rannii bronzovyi vek Minusinskogo kraia (po materialam keramicheskikh kompleksov drevnikh poselenii) [The Neolithic and Early Bronze Age of the Minusinsk Region (based on materials from ceramic complexes of ancient settlements)]. Saint-Petersburg, the Institute of the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences, 2022, 272 pp. (In Russian)
- Vinogradov A. V.** Neolit i rannii bronzovyi vek Minusinskoi kotloviny [The Neolithic and Early Bronze Age of the Minusinsk Basin]. The author's summary of the thesis for the degree of the Candidate of Historical Sciences. Leningrad, 1982, 18 pp. (In Russian)
- Zubkov V. S.** Neolit Khakassko-Minusinskoi kotloviny: istochnikovaya baza i interpretatsiya arkheologicheskikh materialov [The Neolithic of the Khakass-Minusinsk Basin: source base and interpretation of archaeological materials]. In: Relevant problems of the history of Sayan-Altai and adjacent territories. Proceedings of the International Scientific and Practical Conference. Abakan, Khakass State University Press., 2005, pp. 25–31. (In Russian)
- Zubkov V. S.** O keramicheskom i dokeramicheskom neolite Khakassko-Minusinskogo kraia [On the ceramic

and pre-ceramic Neolithic of the Khakass-Minusinsk Region]. In: Modern problems of Russian Archaeology. Vol. 1. Proceedings of the All-Russian Archaeological Congress. Novosibirsk, the Institute of Archeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, 2006, pp. 265–267. (In Russian)

Zubkov V.S. Stoyanka Kuibyshevo I na reke Dzhebash [Kuibyshevo I settlement site on the Dzhebash River]. Sayan-Altai Scientific Review. 2013, no. 1(5), pp. 192–199. (In Russian)

Zyablin L.P. Abakanskii otryad v poiskakh neolita [The Abakan detachment in search of the Neolithic].

Archaeological discoveries in 1972. Moscow, Nauka, 1973, pp. 213–214. (In Russian)

Zyablin L.P. Neolitischeskoe poselenie Unyuk na Verkhnem Enisee [The Neolithic settlement of Unyuk on the Upper Yenisei]. In: Problems of archaeology of the Urals and Siberia: collection dedicated to the memory of V.N. Chernetsov. Moscow, Nauka, 1973, pp. 65–73. (In Russian)

Zyablin L.P. Poiski neolita v raione Minusinska [Search for the Neolithic near Minusinsk]. Archaeological discoveries in 1973. Moscow, Nauka, 1974, p. 204. (In Russian)

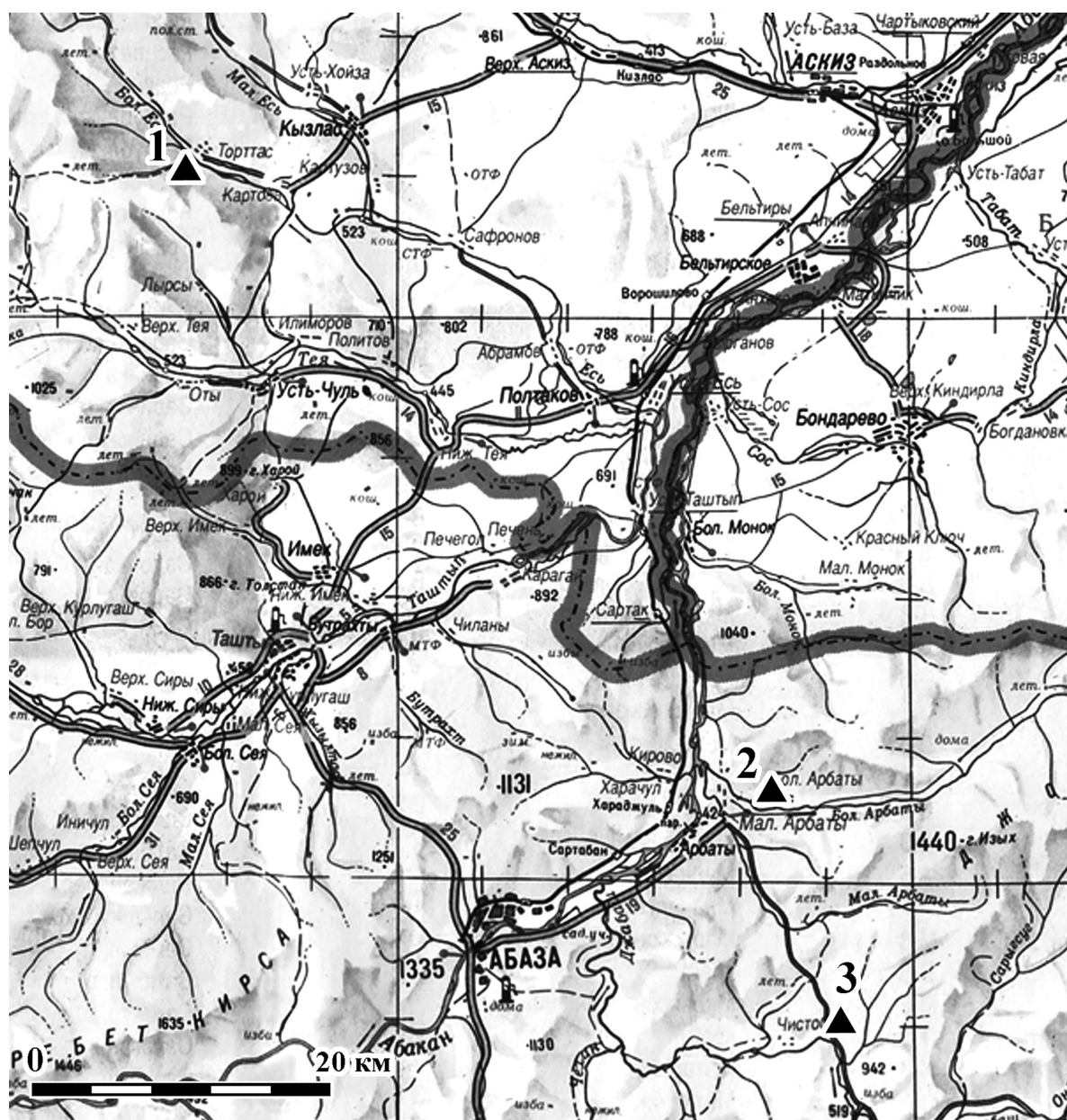

Рис. 1. Топографическая карта с обозначением археологических памятников докерамического неолита в Аскизском и Таштыпском районах Республики Хакасия: 1 – Читыгол II, III; 2 – Большой Арбат I; 3 – Куйбышево I

Fig. 1. Topographic map with the designation of archaeological sites of the Pre-ceramic Neolithic in the Askiz and Tashtyp districts of the Republic of Khakassia: 1 – Chitygol 2, 3; 2 – Bolshoi Arbat 1; 3 – Kuibyshevo 1

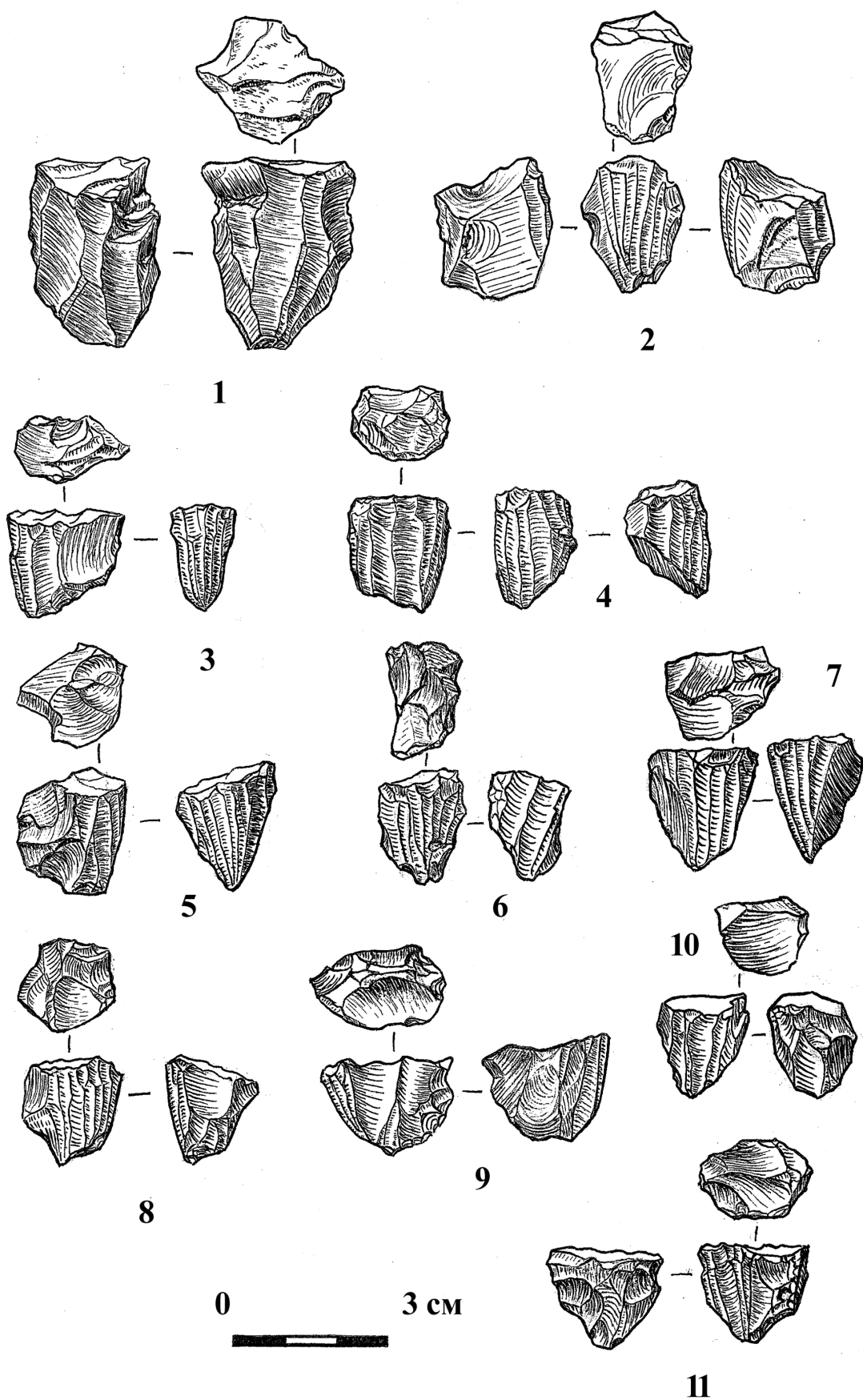

Рис. 2. Читыгол III 3-й культурный слой: 1–11 – нуклеусы

Fig. 2. Chitygol 3. The 3rd cultural layer: 1–11 – nuclei

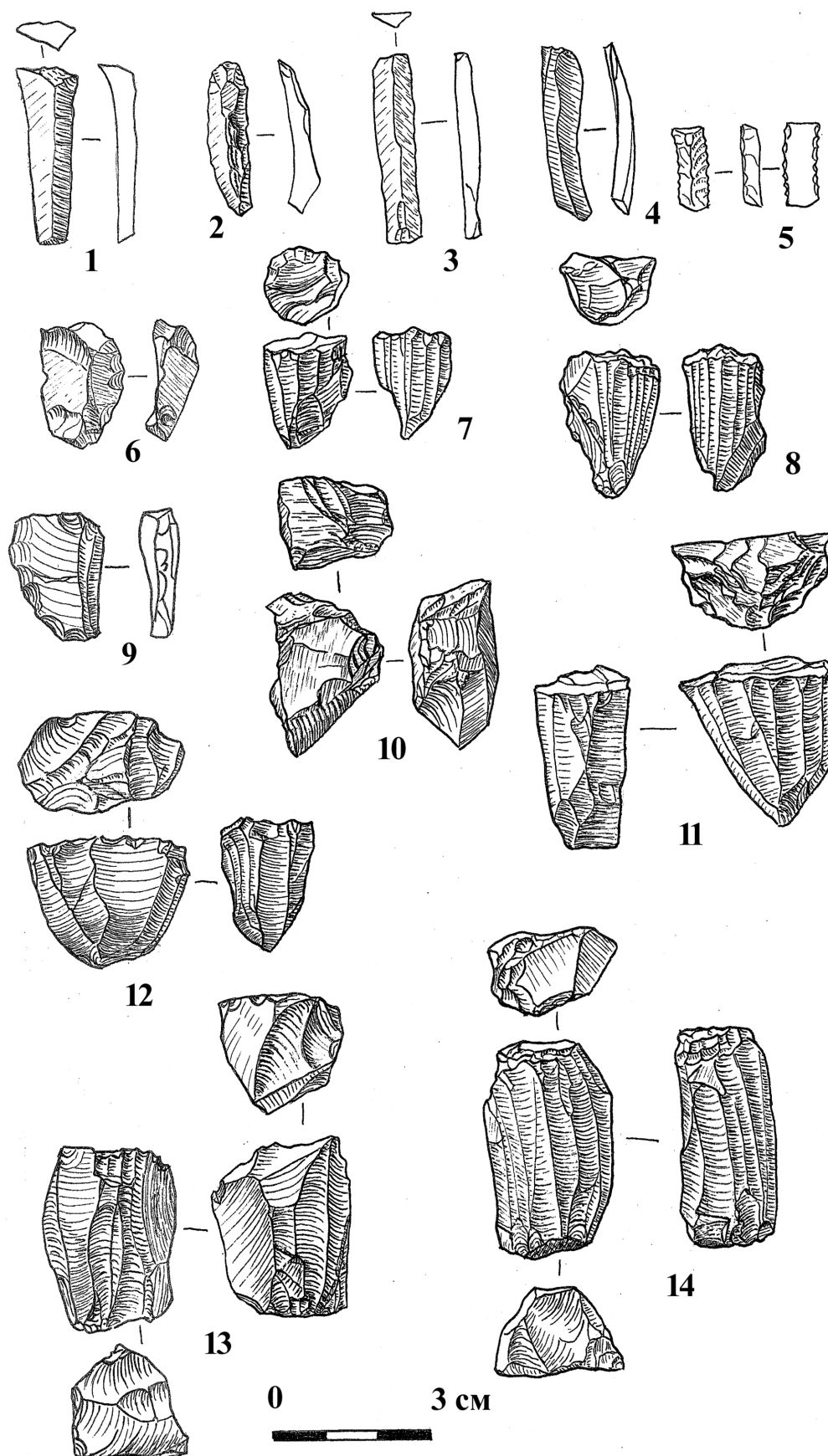

Рис. 3. Читыгол III 3-й культурный слой: 1–4 – микропластинки; 5 – микропластинка-вкладыш; 6 – скребок; 7–14 – нуклеусы

Fig. 3. Chitygol 3. The 3rd cultural layer: 1–4 – microplates; 5 – microplate-insert; 6 – scraper; 7–14 – nuclei

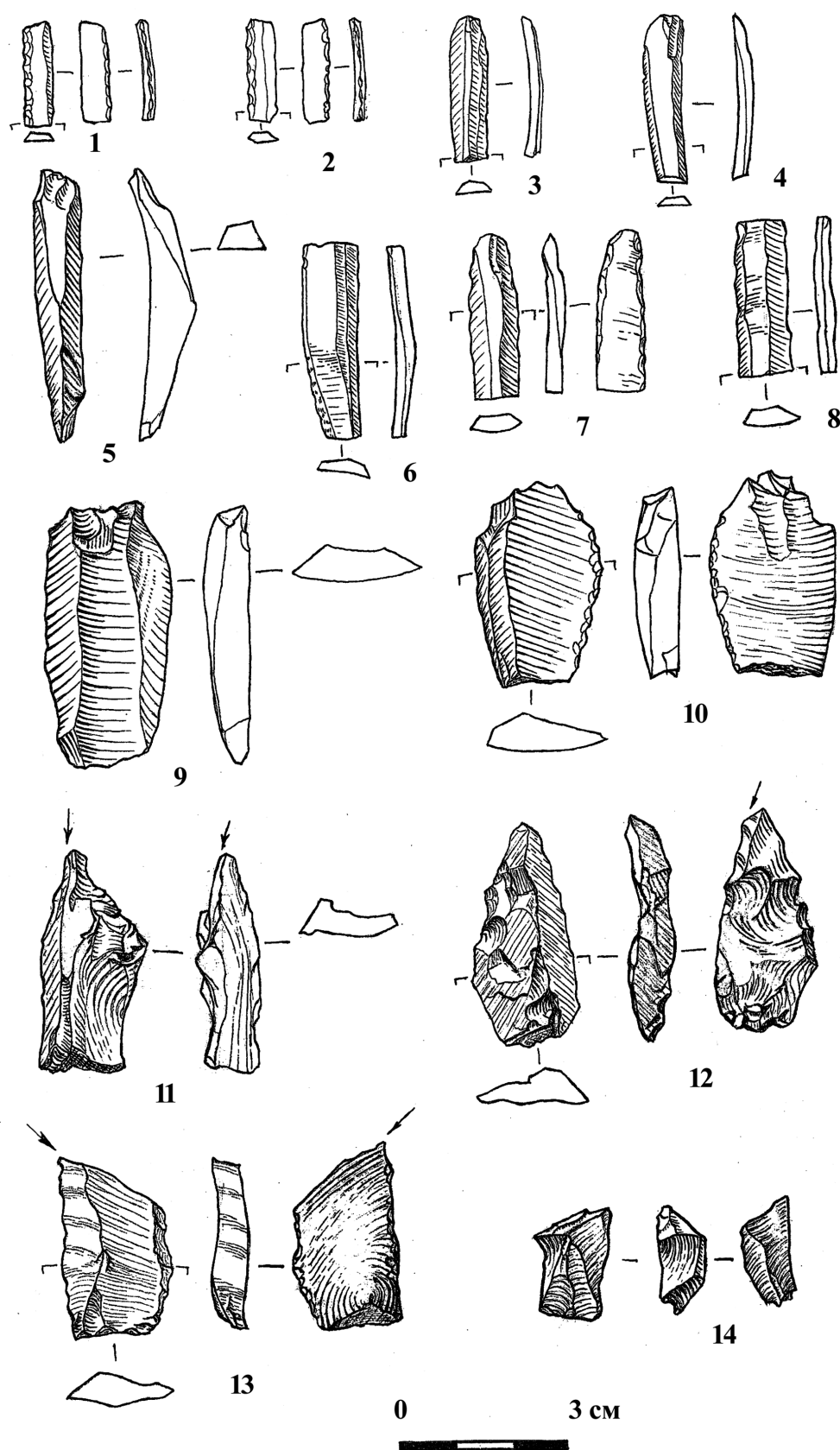

Рис. 4. Читыгол III 3-й культурный слой: 1–8 – микропластинки-вкладыши; 9, 10 – пластины с ретушью утилизации; 11–13 – резцы

Fig. 4. Chitygol 3. The 3rd cultural layer: 1–8 – microplates-inserts; 9, 10 – plates with retouching of recycling; 11–13 – cutting tools

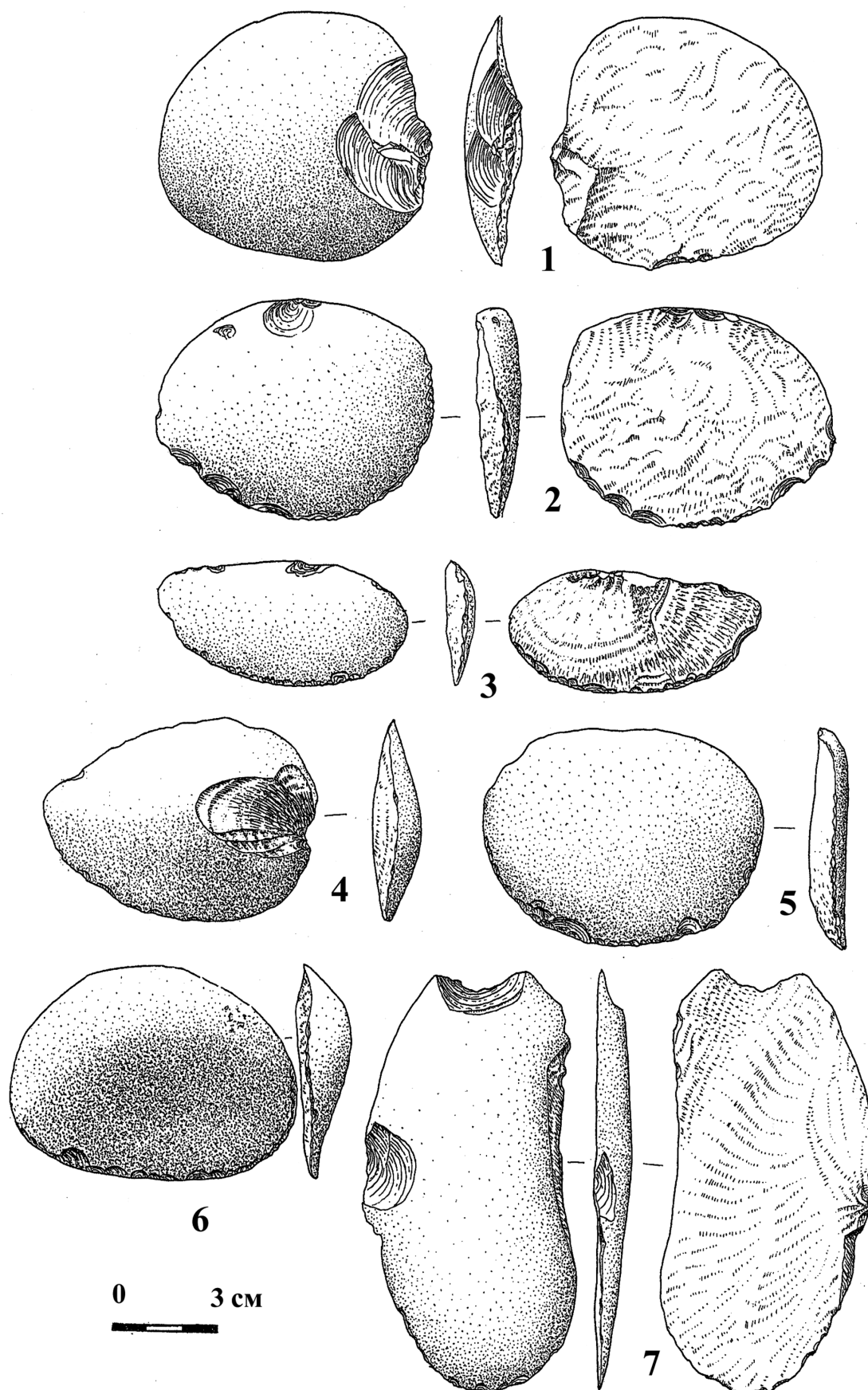

Рис. 5. Читыгол III 3-й культурный слой: 1–7 – ножи из галечных сколов

Fig. 5. Chitygol 3. The 3rd cultural layer: 1–7 – knives made of pebbles

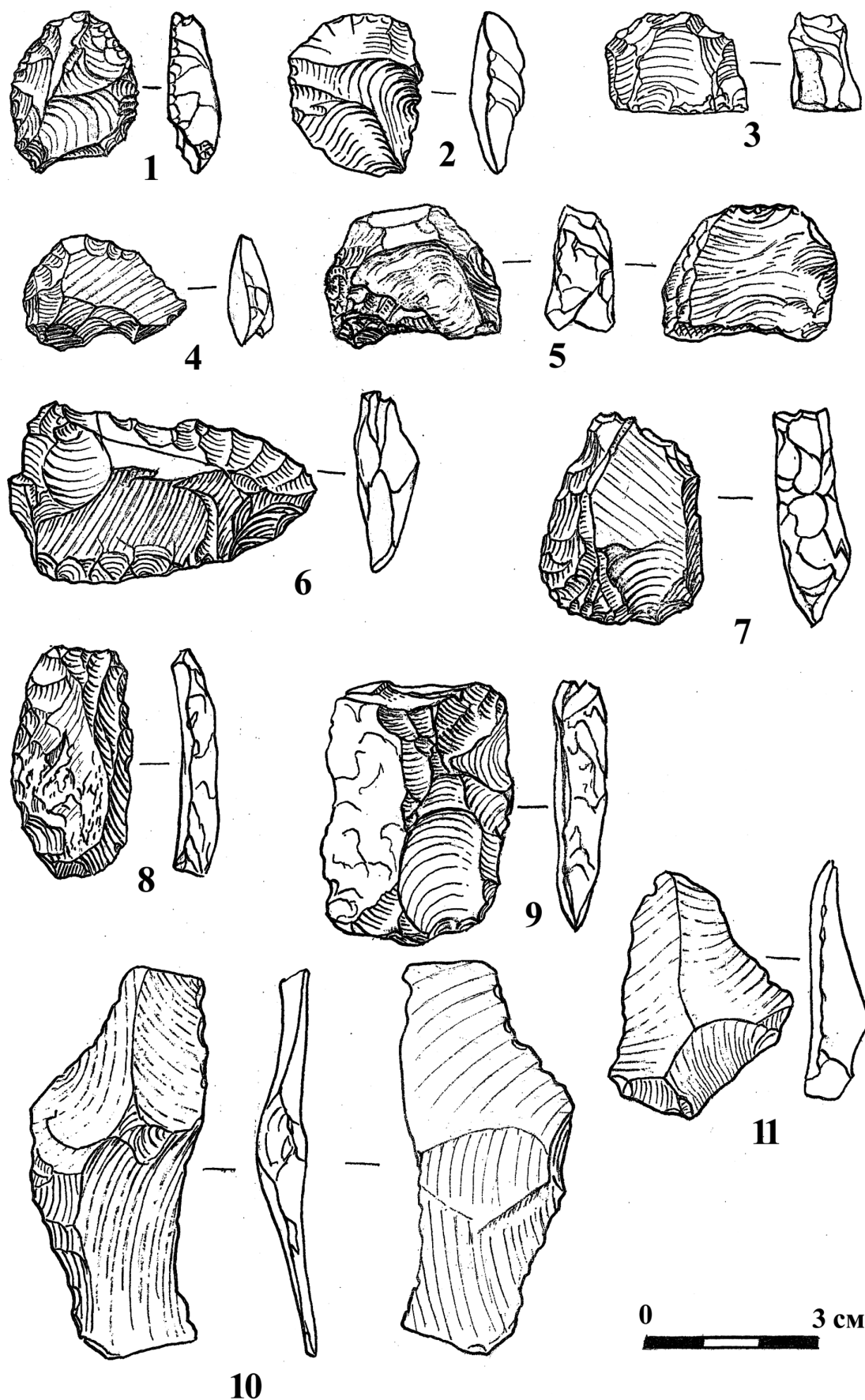

Рис. 6. Читыгол III 3-й культурный слой: 1–5, 7, 8 – скребки; 6, 9, 10 – ножи

Fig. 6. Chitygol 3. The 3rd cultural layer: 1–5, 7, 8 – scrapers; 6, 9, 10 – knives

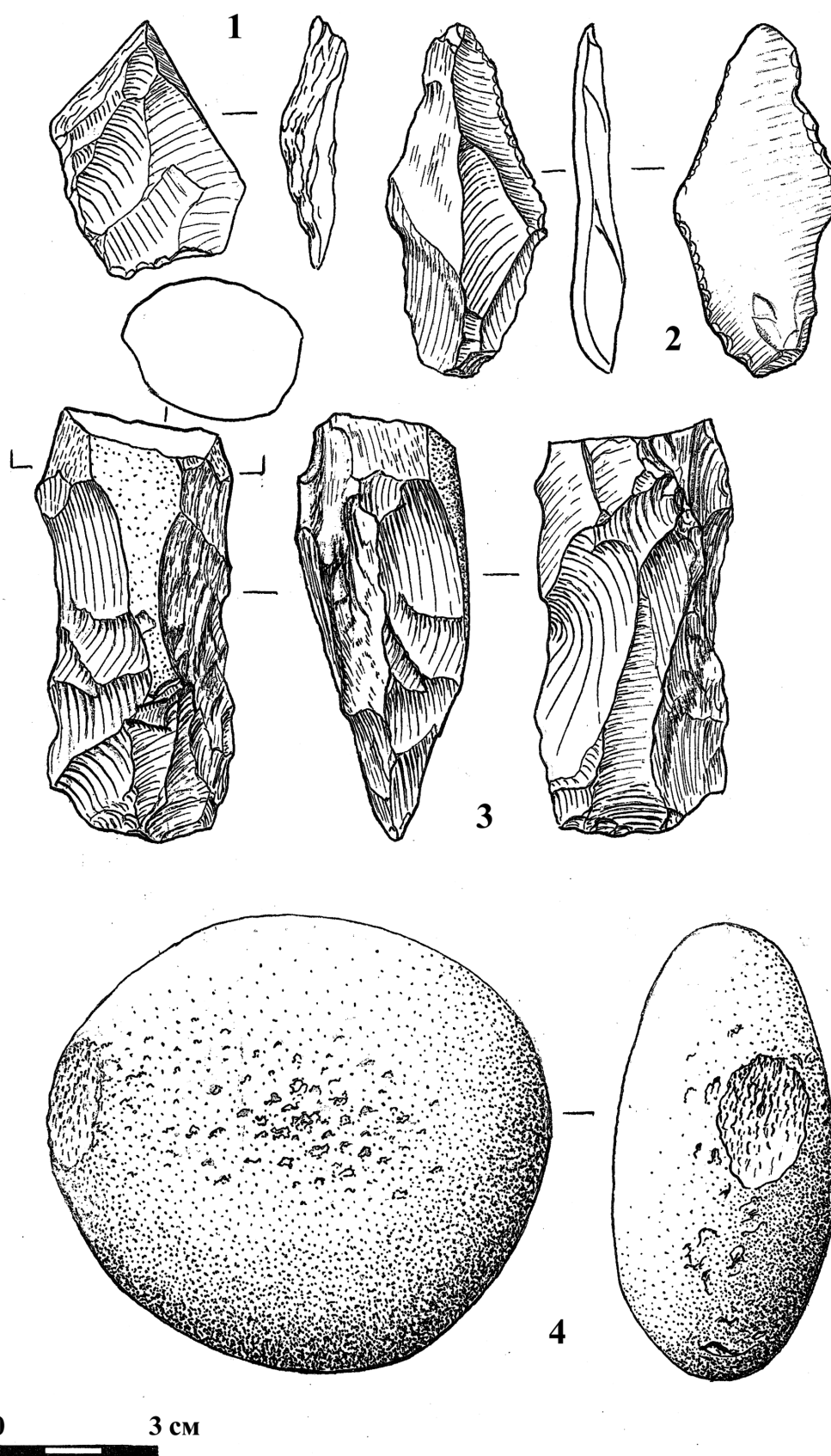

Рис. 7. Читыгол III 3-й культурный слой: 1, 2 – пластинчатые сколы с ретушью утилизации (ножи?); 3 – фрагмент топора; 4 – уплощенная галька со следами обивки
Fig. 7. Chitygol 3. The 3rd cultural layer: 1, 2 – plate chips with retouching of recycling (knives?); 3 – fragment of an axe; 4 – flattened pebbles with traces of upholstery

ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА ВРЕМЕНИ ХУННУ В ТУВЕ

Т. Н. Прудникова

Центр биосферных исследований Республики Тыва, ул. Улуг-Хемская, 14, Кызыл, 667007, Россия; email: tprudnikova@inbox.ru; ORCID: 0000-0001-7194-4576

В статье представлен материал, основанный на исследовании древней ирригации Центральной Азии, подтверждающий присутствие орошаемого земледелия на территории Тувы в гунно-сарматское время (хунну). Первые зачатки земледелия в этом регионе фиксируются в неолитическое время (5–6 тысяч лет назад). Его развитию способствовали географическое положение и природные условия региона. На наличие земледелия в эпоху хунну (I в. до н.э. – V в. н.э.) указывает присутствие земледельческих орудий (серпы, зернотерки, ручные мельницы) на поселениях шурмакской и кокзельской культур Тувы. Следы ирригационных сооружений фиксируются в долинах рек и по бортам долин Улуг-Хемской впадины, Хемчикской и Убсунурской котловин. Результаты радиоуглеродного датирования почв оросительных каналов также подтверждают существование земледелия в хуннское время. Развитие ирригационных систем, возможно, связано с пришлым земледельческим населением. Выявлению ирригационных систем способствуют современные геоинформационные технологии (ресурсы ArcGIS Earth). В частности, с их использованием автором обнаружены следы деятельности древних земледельцев в долине р. Ортаа-Хем.

Ключевые слова: дистанционные исследования, древние агроирригационные ландшафты Тувы, хунну, террасовое (?) земледелие, радиоуглеродное датирование.

AGRICULTURAL CULTURE OF THE XIONGNU PERIOD IN TUVA

Tatyana N. Prudnikova

Biosphere Research Center of the Republic of Tuva, 14 Ulug-Khem Str., Kyzyl, 667007, Russia; email: tprudnikova@inbox.ru; ORCID: 0000-0001-7194-4576

The article presents material based on a study of ancient irrigation in Central Asia which confirms the presence of irrigated agriculture in Tuva during the Xiongnu-Sarmatian period. The first beginnings of agriculture in this region are recorded in the Neolithic period (5–6 thousand years ago). Its development was facilitated by the geographical location and natural conditions of the region. The presence of agriculture in the Xiongnu era (1 BCE – 5 CE) is indicated by the presence of agricultural tools (sickles, grain grinders, hand mills) in the settlements of the Shurmak and Kokel cultures of Tuva. Traces of irrigation structures are recorded in the river valleys and along the valleys of the Ulug-Khem, Khemchik, and Ubsunur basins. The results of radiocarbon dating of the soils of irrigation canals also confirm the existence of agriculture in the Xiongnu period. The development of irrigation systems may be related to the alien agricultural population. The identification of irrigation systems is facilitated by modern geo-information technologies (ArcGIS Earth resources). In particular, with their use, the author discovered traces of ancient farmers' activities in the Ortaa-Khem River valley.

Keywords: remote research, ancient agro-irrigation landscapes of Tuva, Xiongnu, terraced (?) agriculture, radiocarbon dating.

Согласно многолетним авторским исследованиям, Республика Тыва является областью древнего земледелия, чему способствовали географическое положение и природные условия – горный рельеф, обилие рек, плодородные почвы. Почти во всех речных долинах региона присутствуют разнообразные и разновозрастные оросительные системы, соответствующие, согласно классификации Б. А. Латынина [1956,

с. 18–19], всем этапам развития ирригации – от раннего саевого земледелия до простейших типов оросительных каналов, переходящих в сложные веерные системы орошения. О присутствии зачатков земледелия в неолите свидетельствуют находки пыльцы культурного ячменя возрастом 6–5 тысяч лет в долине Малого Енисея (Каа-Хема). Развитию земледелия в эпоху бронзы также способствовало

горно-рудное производство – в недрах Тувы присутствуют крупные месторождения меди. В 2022 г. были впервые получены радиоуглеродные датировки, подтверждающие присутствие орошаемого земледелия в скифосакское время [Прудникова, 2023, с. 177–192], которое сменила культура, соответствующая времени хунну. Правление хунну приходится на период времени с менее благоприятными, чем в скифское время, климатическими условиями, тем не менее земледелие в этот период существовало. О наличии земледелия говорят археологические исследования, письменные источники. На поселениях хунну найдены многочисленные сошники, серпы, мотыги, зернотерки для размола зерна, нередко находки зерен проса, обнаружены специальные ямы для хранения зерна [Миняев, 1986, с. 42–53].

Эпоха хунну в Туве охватывает период с I в. до н. э. по V в. н. э. – время существования шурмакской и кокэльской культур. По мнению Л. Р. Кызласова [1979, с. 79–120], шурмакские памятники образуют самостоятельную культурную область, которая была заселена племенной группировкой, не относящейся к хунну, хотя собственно хуннские памятники в Туве известны. Как показывают археологические исследования, в эту эпоху изменился жизненный уклад местных племен, что отразилось и на погребальных обрядах – присутствие в захоронениях растительно-молочной пищи, зерен посевной конопли и посевного проса, ручных мельниц.

О наличии земледелия в Туве в шурмакскую эпоху говорят находки обломков ручных зернотерок, обнаруженных в районах Шагонар-Торгалык, Баянкольчик, Хайыракан, могильник Кокэль и др., а также находки серпов в хуннских захоронениях: с. Кочетово (Атамановка) (4 железных серпа); могильник Куйлуг-Хем (5 малых слабоизогнутых черешковых серпов, подобных атамановским), Шурмакские курганы (13 серпов), Ортаа-Хем (около 10 серпов) [Кызласов, 1979, с. 118] и др. Наличие ручных мельниц, наряду с простыми зернотерками из курганов, поселений, свидетельствует о более значительном развитии земледелия у шурмакских племен по сравне-

нию с предшествующим скифским временем [Кызласов, 1979, с. 79–120].

Существование орошаемого земледелия на территории древней Тувы в хуннское время подтверждается результатами исследований автора, определением возраста оросительных систем.

В центральной Туве в долинах притоков р. Каа-Хем присутствуют весьма впечатляющие следы оросительных каналов, протягивающихся на десятки километров (долины Ондум, Теректык, Бурен-Хем, Бай-Сют, Хопто и др.). Такие системы имеют преимущественно многоярусное строение, большую протяженность холостого хода. Аналогичные ирригационные сооружения наблюдаются в долинах рек и по бортам долин Улуг-Хемской впадины (р. Чаа-Холь, Элегест, Арыг-Узуу, Ээрбек и др.), Хемчикской (притоки р. Хемчик), Убсунурской котловин (долины р. Тарлашкин, Холь-Ожу и др.). Источники воды в настоящее время для некоторых каналов отсутствуют.

Определение абсолютного возраста почв под валом одного из таких каналов в долине р. Тарлашкин (возможно, искаженное «Тараа ишкен» – «напоенное зерно», южный склон хребта Танну-Ола, Убсунурская котловина) соответствует 2110 ± 50 лет (№ СОАН-9199)¹ – оросительный канал был построен на рубеже нашей эры. Определение абсолютного возраста почв, перекрывающих русловую фацию аналогичного канала в долине р. Бай-Сют (правый приток р. Каа-Хем, Восточно-Тувинское нагорье), фиксирующих прекращение его функционирования, соответствует 1755 ± 80 лет (№ СОАН-9201). Результаты датирования почв говорят о том, что орошаемое земледелие на этой территории существовало на рубеже и первых веках нашей эры, времени хуннского завоевания. Согласно дешифрированию, древние ирригаторы, сооружая упомянутые выше оросительные каналы в долине р. Бай-Сют, чуть ниже золоторудного месторождения Тардан, могли найти и самородки золота, и золотые россыпи. На космических снимках распознаются его ямные отработки. Ландшафтные наблюдения автора в долине р. Чаа-Холь (левый приток Улуг-Хема) позво-

¹ Радиоуглеродное датирование почв произведено в ИГМ СО РАН, Новосибирск.

лили обнаружить русла древних каналов, пересекающих медное оруденение. Древняя ирригация способствовала развитию горно-рудного промысла.

Определение абсолютного возраста ирригационных наносов в русле древнего оросительного канала в долине р. Шуй (поселение Шуй-Аксы) – № СОАН-8344, 1660±140 лет, № СОАН-8345, 1755±95 лет – может также свидетельствовать о его функционировании и существовании земледелия в первых веках нашей эры, в хуннское время [Прудникова, 2020, с. 44–49].

В верховье р. Эрбек, в таежной зоне, археологами было обнаружено кольцевое городище – памятник кокзельской археологической культуры Катылыг-5, датируемый второй половиной III – первой половиной IV в.н.э. Это первое изучаемое поселение данной культуры [Садыков, 2015, с. 286–292]. Как и в долинах р. Ондум, Копто, Бай-Сют, в долине р. Эрбек присутствуют многоярусные оросительные системы, среди артефактов древнего поселения – костяные серпы и зернотерки [Садыков, 2017, с. 19–29], что может служить подтверждением существования земледелия (возраст каналов еще не определен).

Многоярусные системы орошения, находки серпов в захоронениях долин р. Ортаа-Хем (около 10 серпов из погребений и ритуальных дополнительных захоронений), Куйлуг-Хем (5 серпов) подтверждают присутствие земледелия в бассейне р. Улуг-Хем.

Протяженные многоярусные системы каналов относятся как минимум ко II ступени в схеме развития древней ирригации [Латынин, 1956, с. 15–25], такие системы орошения могли построить мелиораторы, имеющие большой опыт проведения ирригационных работ. Это дает основание предполагать следующее.

1. Ранее было доказано существование орошаемого земледелия на территории древней Тувы до хуннского времени, в скифо-сакскую эпоху [Прудникова, 2023, с. 177–192]. Часть населения Тувы эпохи бронзы, скифо-сакского времени – выходцы из Средней Азии, Приаралья – были знакомы с орошаемым земледелием. Джейтунская земледельческая культура предгорий Копетдага возникла

еще в VI–V тысячелетии до н.э. [Ставиский, 1966, с. 12–38]. В предшествующее хунну уюкское время, согласно исследованиям Л.Р. Кызласова, «...в Туве существовал племенной союз, в который входили *различные (прим. автора)* племена и этнические группы, сходные по культуре и хозяйственной деятельности» [Кызласов, 1979, с. 32, 78]. Это время постройки оросительных каналов простейшего типа [Прудникова, 2023, с. 177–192]. Возможно, на рубеже нашей эры на первый план выходит новая «местная» этническая группа, которая стала развивать более совершенные земледельческие практики, чему способствовало, кроме всевозможных причин, и изменение природно-климатических условий. Каналы строили *местные* мастера.

2. Представители шурмакской, кокзельской культур заимствовали искусство земледелия у местного населения – потомков скифо-сакских племен.

3. На территорию древней Тувы на рубеже нашей эры пришло многочисленное земледельческое население, имеющее опыт возведения ирригационных систем (один из вариантов – земледельческие поселения военнопленных; перемещенное насильственным путем население, в том числе земледельческое).

Развитию земледелия на рубеже нашей эры способствовало широкое развитие железоплавильного производства и изготовление железных земледельческих орудий, резко повысивших производительность труда.

Сведения о развитии земледелия гунно-сарматского времени в других регионах Центральной Азии достаточно многочисленны. О наличии земледелия в эпоху гуннов на территории Забайкалья говорят археологические исследования начала XX в. Еще в 1928–1929 гг. при раскопках могильника у Ильмовой пади Г.П. Сосновскому удалось найти в захоронении зерна проса. В дальнейшем при раскопках Нижне-Иволгинского городища найдены, кроме проса, железные земледельческие орудия (сошники, серпы, зернотерки), а также ямы для хранения зерна. Орудия труда земледельческого характера в районах Забайкалья известны еще с эпохи развитого неолита [Цыбиктаров, 2012, с. 72–78].

На территории Хакасии, по данным Я.И. Сунчугашева [1989, с. 100], в поселениях железо-плавильщиков таштыкской культуры (гунно-сарматское время) также найдены в большом количестве атрибуты земледельческого производства – обломки зернотерок и каменные жернова ручной мельницы, свидетельствующие о занятии населения земледелием.

Современные геоинформационные технологии (ресурсы ArcGIS Earth), иллюстрирующие в полной мере деятельность древних земледельцев, по мнению автора, позволили обнаружить в долине упомянутого выше Ортаа-Хема, притоке р. Улуг-Хем, помимо развитой агроирригационной системы, элементы террасового земледелия, ранее не встречавшегося на территории Тувы. Это «подчищенные», выровненные и окаймленные каменным заграждением участки горных склонов, элементов речной долины с подведенными системами каналов (рис. 1 и 2).

Долина р. Ортаа-Хем достаточно недоступная, отделенная от обжитых территорий центральной Тувы руслом Улуг-Хема, защищенная с севера горными хребтами. Если говорить об исторических эпохах и завоевательных войнах, наиболее легкий вариант проникнуть на эту территорию – зимнее время, когда Енисей покрывается льдом. Но суровые зимы – не лучшее время для захватнических набегов. Сильные морозы, снег, отсутствие подножного корма, сам переход через замерзшую реку – все усложняет военные операции. Если говорить о летнем периоде, то переправа на плотах тоже должна затруднять передвижение противника. Большое количество плотов для перевозки военных – непростая задача. Сами плоты являются легкой добычей для притаившихся местных жителей, охраняющих свою территорию. Проникновение в долину Ортаа-Хема по правому борту Енисея с его верховий – это сопротивление местных племен. Если же противник сумел переправиться через мощный Улуг-Хем, жители Ортаа-Хема, не идя на столкновение с неприятелем, могли спокойно уйти в горы по известным только им тропам. В целом Ортаа-Хем представляет защищенный природой уголок, где могло, по мнению автора, долгое время, без окру-

жающего воздействия, находиться местное население. И поэтому его исследование заслуживает особого внимания.

Долина р. Ортаа-Хем, согласно дешифрированию, отличается от вышерасположенных долин Куйлуг-Хема, Эйлиг-Хема, являющихся эталонными, ключевыми участками древнего орошаемого земледелия в Туве. Ортаа-Хем – последний правый приток Улуг-Хема перед выходом его (Улуг-Хема) в Енисейский каньон. Правый борт Енисея в ущелье – неприступные горы. В настоящее время северный борт Улуг-Хема преимущественно не залесенный. Руслу оросительных каналов часто отходят от сухих русел, что говорит о большей зелесенности территории, лучшей обводненности в прошлом.

Обращает на себя внимание присутствие цепочек скифских курганов, окаймленных сетью оросительных каналов. На правом борту Ортаа-Хема распознается 3 и даже 4 яруса оросительных каналов, а также, по нашему мнению, впервые обнаруженные элементы террасового земледелия, требующие особого внимания (рис. 1 и 2). Внизу, ближе к руслу Енисея, присутствует разветвленная веерная система орошения, аналогичная Куйлуг-Хемским, Чаа-Хольским, Эдегейским (Хемчик) системам (рис. 3).

Ирригационные системы Ортаа-Хема в нижней правой части долины выглядят как построенные (или недостроенные), но не использованные (или мало использованные) человеком и даже более молодыми по сравнению с вышеуказанными аналогами (Куйлуг-Хем). Поливные канавки не эродированы (как на Куйлуг-Хеме) или вообще отсутствуют (рис. 4).

Возможно, случился тектонический перекос блоков земной коры (указанная территория входит в зону Хемчикского регионального разлома) и вода ушла. Исчезновению воды могла способствовать интенсивная вырубка леса. Не исключено, что жители не успели поработать на орошаемых полях в связи с захватническими войнами хунну. Согласно археологическим исследованиям, в Ортаа-Хеме присутствуют захоронения времени хунну.

В целом долина р. Ортаа-Хем представляет замечательный образец хозяйственных

практик прошлого времени, комплексное исследование которого поможет ответить на отдельные вопросы забытой истории одного из регионов Центральной Азии.

По результатам многочисленных исследований земледелие в той или иной мере всегда присутствовало у кочевых империй Центральной Азии. Для империи хунну большую роль в этом, конечно же, имела близость Китая, неизбежное взаимодействие культур. Так, Сяньбийское общество III–IV вв. перестало быть кочевым, в основе его жизнеобеспечения стало земледелие, скотоводство ушло на второй план, и китайская культура в конце концов поглотила их [Дробышев, 2014, с. 289–292, 298–300].

Комплексное изучение древней ирригации (геологическое строение территории, палеогеографические особенности, гидрология совместно с историей, археологией и др.) позволит в большей мере понять особенности жизненного уклада, хозяйственных практик населения. Так как хлеб – это основа жизни, междисциплинарные исследования на объектах древнего земледелия могли бы помочь в объяснении происходящих в прошедшие эпохи исторических процессов. Территория Тувы, не затронутая в большей степени последствиями интенсивной индустриализации, является весьма благоприятным объектом для таких исследований. Здесь сохранились древнейшие агроирригационные ландшафты. Минусинская котловина, находящаяся по соседству с Тувой, имеющая не менее древнюю историю освоения территории Среднего Енисея, к сожалению, утратила многочисленные объекты древнего земледелия.

Литература

- Дробышев Ю.И.** Человек и природа в кочевых обществах Центральной Азии (III в. до н.э. – XVI в. н.э.). М.: Изд-во Ин-та востоковедения РАН, 2014. 605 с.
- Кызласов Л.Р.** Древняя Тува. М.: Изд-во МГУ, 1979. 208 с.
- Латынин Б.А.** Вопросы истории ирригации древней Ферганы // Краткие сообщения института истории материальной культуры. 1956. Вып. 64. С. 15–25.
- Миняев С.С.** Исчезнувшие народы. Сюнну // Природа. 1986. № 4. С. 42–53.
- Прудникова Т.Н.** Древнее земледелие и трансформация ландшафтов Центральной Азии. СПб.: Сциентиа, 2020. 196 с.
- Прудникова Т.Н.** Новые данные о возрасте древнего орошаемого земледелия в Туве // Теория и практика археологических исследований. 2023. Т. 35. № 2. С. 177–192.
- Садыков Т.Р.** Катылыг-5 – городище кокельской культуры // Актуальные вопросы археологии и этнологии Центральной Азии. Материалы международной научной конференции. Улан-Удэ, 7–8 апреля 2015 г. Иркутск: Оттиск, 2015. С. 286–292.
- Садыков Т.Р.** Следы бытовых и хозяйственных практик на городище Катылыг-5 в Центральной Туве // Известия лаборатории древних технологий. 2017. Т. 13. № 3 (24). С. 19–29.
- Ставицкий Б.Я.** Между Памиром и Каспием. М.: Наука, 1966. 327 с.
- Сунчугашев Я.И.** Памятники орошаемого земледелия в древней Хакасии. Красноярск: Изд-во Красн. гос. ун-та, 1989. 100 с.
- Цыбиктаров А.Д.** Зарождение производящего хозяйства в Забайкалье и его влияние на культурно-исторические процессы в крае // Вестник Бурятского гос. ун-та. 2012. № S2. С. 72–78.

References

- Drobyshev Y.I.** Chelovek i priroda v kochevykh obshchestvakh Tsentral'noi Azii (III v. do n.e. – XVI v.n. e.) [Man and nature in nomadic societies of Central Asia (3 BCE – XVI v.n. e.)]. Moscow, the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, 2014, 605 pp. (In Russian)
- Kyzlasov L.R.** Drevnyaya Tuva [Ancient Tuva. Reviewed by V.L. Yanin, G.A. Fedorov-Davydov]. Moscow State University Press., 1979, 208 pp. (In Russian)
- Latynin B.A.** Voprosy istorii irrigatsii drevnei Fergany [Issues of the history of irrigation of ancient Fergana]. Brief reports of the Institute of History of Material Culture. USSR Academy of Sciences, issue 64, 1956, pp. 15–25. (In Russian)
- Minyaev S.S.** Ischeznuvshie narody. Syunnu [Disappeared peoples. The Xiongnu]. Nature. 1986, no. 4, pp. 42–53. (In Russian)
- Prudnikova T.N.** Drevnee zemledelie i transformatsiya landshtaftov Tsentral'noi Azii [Ancient agriculture and landscape transformation in Central Asia]. Saint-Petersburg, Scientia, 2020, 196 pp. (In Russian)
- Prudnikova T.N.** Novye dannye o vozraste drevnego oroshaemogo zemledeliya v Tuve [New data on the age of ancient irrigated agriculture in Tuva]. Theory and Practice of Archaeological Research. Vol. 35, no. 2, 2023, pp. 177–192. (In Russian)
- Sadykov T.R.** Katylyg 5 – gorodishche kokel'skoi kul'tury [Katylyg 5 – ancient settlement of the Kokel culture]. In: Relevant Questions of Archaeology and Ethnology of Central Asia. Proceedings of the International Scientific Conference. Ulan-Ude, Irkutsk, Ottisk, 2015, 504 pp. (In Russian)
- Sadykov T.R.** Sledy bytovykh i khozyaistvennykh praktik na gorodishche Katylyg-5 v Tsentral'noi Tuve [Traces

of domestic and economic practices at the ancient settlement Katalyg-5 in Central Tuva]. Bulletin of the Laboratory of Ancient Technologies. Vol.13, no. 3, 2017, pp. 19–29. (In Russian)

Stavisky B. Ya. Mezhdru Pamirom i Kaspiem [Between the Pamir and the Caspian Sea]. Moscow, 1966, 327 pp. (In Russian)

Sunchugashev Ya. I. Pamyatniki oroshaemogo zemledeliya v drevnei Khakasii [Sites of irrigated agriculture in

ancient Khakassia]. Krasnoyarsk, Krasnoyarsk State University Press., 1989, 100 pp. (In Russian)

Tsybiktarov A. D. Zarozhdenie proizvodnyashchego khozyaistva v Zabaikal'e i ego vliyanie na kul'turno-istoricheskie protsessy v krae [The origin of the manufacturing economy in Transbaikalia and its influence on cultural and historical processes in the region]. Bulletin of the Buryat State University. 2012, pp. 72–78. (In Russian)

Рис. 1. Правый борт долины р. Ортаа-Хем. Элементы террасового (?) земледелия. Ресурсы ArcGIS Earth

Fig. 1. The right side of the Ortaa-Khem River valley. Elements of terraced (?) agriculture. ArcGIS Earth resources

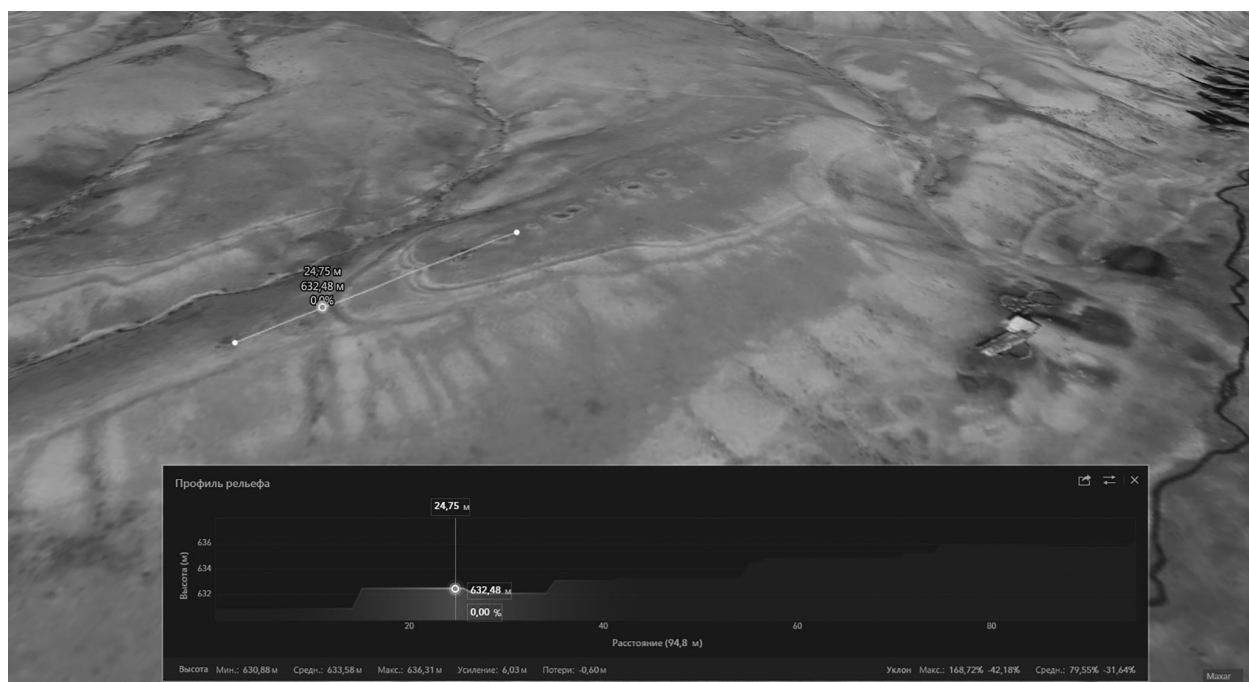

Рис. 2. Правый борт долины р. Ортаа-Хем. Элементы террасового (?) земледелия. Ресурсы ArcGIS Earth

Fig. 2. The right side of the Ortaa-Khem River valley. Elements of terraced (?) agriculture. ArcGIS Earth resources

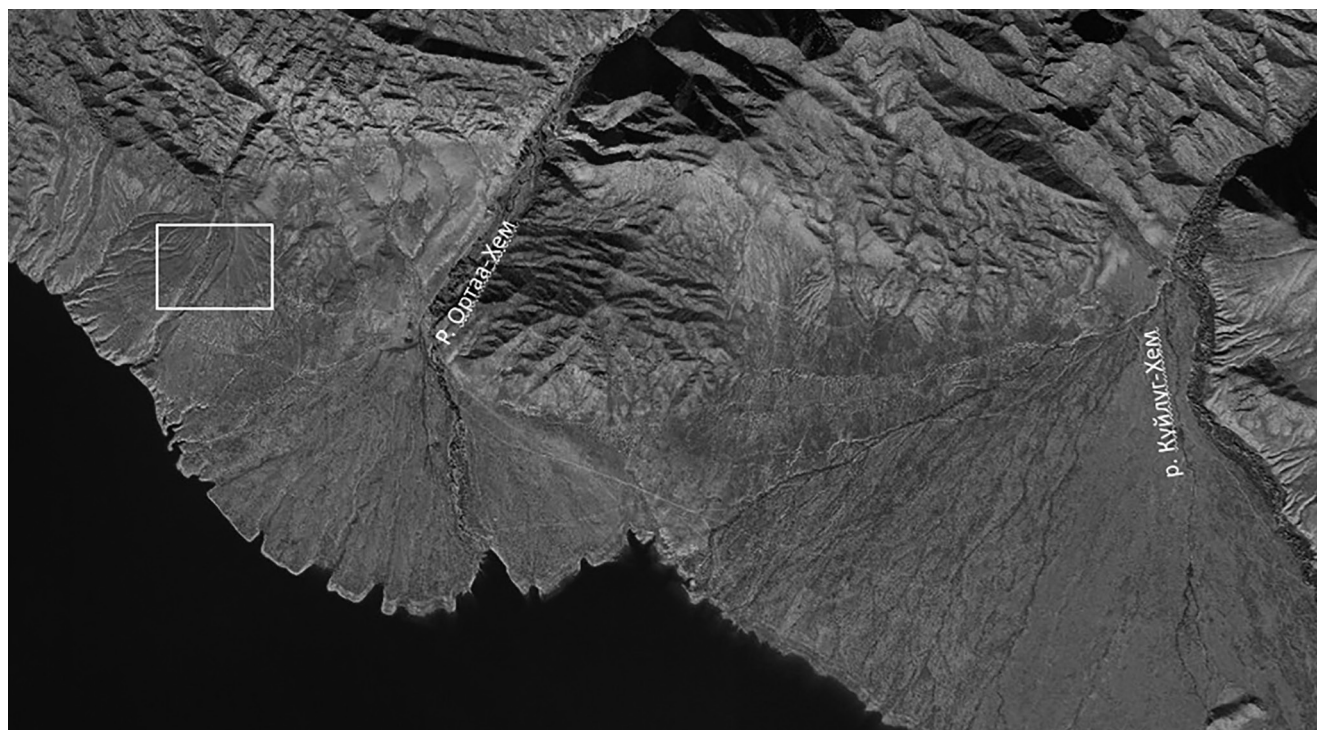

Рис. 3. Концевые разливы р. Куйлуг-Хем и Ортаа-Хем. Область древнего земледелия. Условным знаком обозначена территория «не использованных» оросительных каналов, представленных на рис. 4. Ресурсы SAS Planet and ESRI

Fig. 3. Terminal branches of the Kuylug-Khem and Ortaa-Khem rivers. The area of ancient agriculture. The conventional sign indicates the territory of the “unused” irrigation channels shown in Fig. 4. SAS Planet and ESRI resources

Рис. 4. Долина р. Ортаа-Хем. Древние системы орошения. Ресурсы SAS Planet and ESRI

Fig. 4. The Ortaa-Khem River valley. Ancient irrigation systems. SAS Planet and ESRI resources

ЗЕМЛЕДЕЛИЕ ТУНКИНСКИХ БУРЯТ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

Д. М. Маншеев

Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления, ул. Ключевская, 40 в, Улан-Удэ, 670013, Россия; email: dorzham@mail.ru; ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-9987-4845>

До сих пор не был исследован процесс развития земледелия тункинских бурят в доиндустриальный период отечественной истории. Неопубликованные архивные материалы Тункинской Степной думы, отложившиеся в Государственном архиве Республики Бурятия, позволили реконструировать историю земледелия тункинских бурят во второй половине XIX в. В статье на основе архивных источников раскрыт процесс развития истории земледелия тункинских бурят во второй половине XIX в. Выявлено, что развитию земледелия Тункинского ведомства в царский период препятствовало отсутствие путей сообщения с местами сбыта – г. Иркутском и Монголией. В структуре высеваемых тункинскими бурятами культур преобладала яровая рожь. К концу 1860-х гг. тункинцы отказались от посевов озимой ржи. Между тем в течение исследуемого периода растут посевные площади ведомства и потребление хлеба населением. Повышается урожайность картофеля, тункинские буряты начинают выращивать новые культуры – капусту, брюкву, репу, морковь, свеклу и редьку.

Ключевые слова: тункинские буряты, земледелие, вторая половина XIX в., сбыт и потребление хлеба, урожайность.

AGRICULTURE OF THE TUNKA BURYATS IN THE SECOND HALF OF THE 19TH CENTURY

Dorja M. Mansheev

East Siberian State University of Technology and Management, 40v Klyuchevskaya Str., Ulan-Ude, 670013, Russia; email: dorzham@mail.ru; ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-9987-4845>

Until now, the process of development of agriculture of the Tunka Buryats in the pre-industrial period of national history has not been studied. Unpublished archival materials of the Tunka Steppe Duma, deposited in the National Archives of the Republic of Buryatia, made it possible to reconstruct the history of agriculture of the Tunka Buryats in the second half of the 19th century. The article, based on archival sources, reveals the process of development of the history of agriculture of the Tunka Buryats in the second half of the 19th century. It was revealed that the development of agriculture of the Tunka department in the tsarist period was hindered by the lack of communication routes with places of sale – the city of Irkutsk and Mongolia. Spring rye prevailed in the structure of crops sown by the Tunka Buryats. By the end of the 1860s, the Tunka residents abandoned sowing winter rye. Meanwhile, during the period under study, the sown areas of the department and bread consumption by the population grew. Potato yields increase, Tunka Buryats begin to grow new crops – cabbage, rutabaga, turnip, carrot, beetroot and radish.

Keywords: Tunka Buryats, agriculture, second half of the 19th century, marketing and consumption of bread, yields.

Введение

Во второй половине XIX в. территории, ныне входящие в состав Тункинского и Окинского районов Республики Бурятия, подчинялись Тункинской Степной думе. Таким образом, Тункинская Степная дума объединяла земли, расположенные на юго-

востоке Восточных Саян. Здесь ныне, как и в прошлом, проживают племена бурят (хонгодоры, шошологи, хурхуты и др.), объединенные единством языка, материальной и духовной культуры. В нашей статье мы будем называть их тункинскими бурятами, так как их основная часть проживает в Тункинской котловине Присаянья, а буряты Окинского

района в большинстве являются выходцами из Тунки.

В 1822 г. императором был принят устав М. М. Сперанского об управлении инородцами. В результате буряты получают самоуправление в виде Степных дум, в последующем ставших основой автономии бурят и других сибирских народов. Контора Тункинской Степной думы была устроена в улусе Торы. Во главе Тункинской Степной думы стоял выборный глава из числа местных бурят, имевший звание тайши. Ему подчинялись помощник тайши, два заседателя, письмоводитель и 14 родовых старост. Тункинская Степная дума ведала 5 улусами. Интересно, что в улусах проживали представители разных родов, которые подчинялись родовым старостам. При этом старосты жили в разных улусах.

Для исследования земледелия тункинских бурят мы использовали архивные материалы Государственного архива Республики Бурятия, где хорошо сохранились годовые отчеты Тункинской Степной думы за вторую половину XIX в. К сожалению, архивные материалы Тункинской степной думы за первую половину XIX в. были утеряны. Исследование архивных документов бурятских Степных дум Иркутской губернии, к которой относилась Тункинская Степная дума, показывают незначительные изменения в земледелии бурят губернии за девятнадцатое столетие. К ним относятся увеличение яровых посевов зерна. При этом к середине столетия прекращается рост пашни под засе́вы озимых. Ко второй половине века появляются новые культуры, такие как картофель, капуста, брюква, репа, морковь, свекла и редька.

Основная часть

Во второй половине XIX в. скотоводство было основным видом деятельности тункинских бурят. В исследуемый период они расширяют свои посевные площади. Между тем земледелие обеспечивает в основном продо-

вольствие самих тункинских бурят. И только в урожайные годы тункинские буряты в незначительных количествах сбывают зерно за пределы ведомства. В неурожайные же годы сбыт хлеба за пределы ведомства вовсе прекращался и недостающее на пропитание зерно жители Тунки приобретали в других местах, преимущественно в г. Иркутске. Развитию земледелия в Тункинском ведомстве препятствовала «затруднительность сбыта хлеба вследствие гористых путей сообщения как с главным центром Иркутского округа г. Иркутском, так и с соседней Монголией, куда бы мог сбываться хлеб»¹.

В 1857 г. в Тункинском ведомстве на 1187 десятин земли было засе́яно 2512 четвертей озимого и ярового зерна. Урожай того года составил 3806 четвертей, 1,52 сама. К 1861 г. площади посевов зерна в ведомстве выросли вдвое – до 3586 десятин. В том году земледелием занималось 1549 человек. Урожай же зерновых был незначительным – 1,33 сама, на душу населения пришлось всего 0,88 четверти. «Упадок (в хлебопашестве. – Д. М.) последовал от неблагоприятной погоды в минувшем году»².

В 1868 г. тункинцы засе́яли зерна на 1157 четвертей меньше, чем это было в 1861 г. Урожай 1868 г. был сравнительно высоким и составил 2,96 сама. Из того урожая на душу населения ведомства пришлось 1,59 четверти. «Урожай хлеба в 1868 г. был хотя и лучше урожая предшествовавшего годов, но за всем тем производители не только не рассчитывают на продажу избыток хлебопашества, а скорее имеют заботу о том, чтобы собранного ими зерна за расплатою по ссудам достало на пропитание их семейств, да на предстоящий засев полей. Недородные годы вовлекли производителей в значительные долги по займам хлеба из экономических магазинов на посевы и пропитание, на уплату которых должно употребляться более $\frac{1}{3}$ всего наличного сбора хлеба урожая отчетного года»³.

¹ Национальный архив Республики Бурятия (далее – НАРБ). Ф. 171. Оп. 1. Д. 157. Л. 29об. – 30.

² НАРБ. Ф. 171. Оп. 1. Д. 29. Л. 83, 87.

³ Там же. Д. 130. Л. 165.

К 1874 г. посевы зерна в ведомстве выросли до 8636 четвертей. Увеличилось и число бурят, занятых земледелием. В том году земледелием было занято 3363 души. Урожай зерна составил 19 164 четверти, 2,22 сама. По мнению заседателей Тункинской Степной думы, «урожай хлебов 1874 г. был хороший; им обеспечен экономический быт населения ведомства на весь год, дана возможность пополнить до зерна сельские экономические магазины и, кроме того, еще есть остаток для продажи». Далее члены думы отметили: «Замечательных хозяйств в ведомстве нет и лиц, которые вели бы их или имели бы на организацию и развитие их влияние, тоже нет»¹.

В 1874 г. произведенное тункинскими бурятами зерно сбывалось как внутри ведомства на пограничные караулы, где хлебопашеством не занимались, так и за ее пределы – в соседнюю Монголию. Зерно было продано в самом незначительном количестве по причине отсутствия путей сообщения в Тунке, изобилующей горной тайгой. Из-за незначительности сбыта степное начальство не имело возможности подсчитать, сколько зерна в том году продали инородцы².

К 1883 г. из-за недородов в предшествовавшие годы посевы зерна в ведомстве уменьшились до 9585 четвертей, что на 922 четверти меньше посева 1878 г. По мнению Тункинской Степной думы, урожай 1883 г. – 14866 четвертей, 1,55 сама, был плохой. Дожливое лето задержало созревание колоса, а затем ранний иней погубил урожай на 1349 десятинах. Тем не менее урожай того года позволил тункинским бурятам обеспечить зерном свое годовое пропитание и сбыть немного зерна в пограничных караулах, Монголии и на рынке г. Иркутска. По незначительности сбыта точных данных о количестве проданного тункинцами зерна Степная дума не имела³.

С 1886 г. урожаями зерновых у тункинских бурят увеличиваются и способствуют дальней-

шему расширению посевных площадей в их ведомстве. К 1890 г. посевы зерна в ведомстве тункинских бурят увеличились до 5792 десятин, на душу населения – до 0,42 десятин. В том году тункинцами было засеяно 13 246 четвертей и собрано 36 215 четвертей разного зерна. Урожайность зерна на душу населения ведомства выросла до 2,61 четверти, что приблизительно в полтора-два раза выше урожайности предыдущих лет. Итак, к концу XIX в. земледелие прочно вошло в систему хозяйствования тункинских бурят.

В посевах тункинских бурят преобладали яровые культуры. В 1861 г. тункинцами было засеяно 1023 (13,67%) четверти озимого и 6464 (86,33%) четверти ярового зерна. Степная дума незначительность озимых посевов в своем ведомстве объясняла следующим образом: «Иностранцы более засевают хлеба ярового, озимую рожь хотя и употребляют в посев, но в самом незначительном количестве потому собственно, что в Тункинском крае в обитаемых инородцами степях мало бывает снега, а хотя и выпадает иногда таковой в значительном количестве, но при часто временных сильных ветрах его сдувает почти до основания и от этого самого озимовые хлеба вообще встречают засуху и малой рост»⁴.

Еще в 1858 г. управляющий Иркутской губернии представлял рапорт в Главное управление Восточной Сибири о замене озимых посевов тункинцев на яровые⁵. По-видимому, вопрос был решен положительно. К концу 1860-х гг. посевы озимых культур в Тункинском ведомстве прекратились. Из годового отчета Тункинской Степной думы за 1868 г.: «Посев озимых хлебов в Тункинском инородческом ведомстве не производится уже несколько лет по дурному урожаю таковых»⁶.

В структуре высеваемых тункинскими бурятами культур преобладающее положение

¹ Там же. Д. 157. Л. 2; Д. 163. Л. 16об.

² Там же. Д. 157. Л. 29об.–30.

³ Там же. Ф. 171. Оп. 2. Д. 80. Л. 223, 243об.–244.

⁴ Там же. Ф. 171. Оп. 1. Д. 29. Л. 69.

⁵ Государственный архив Иркутской области. Ф. 24. Оп. 7. К. (коллекция) 1287. Д (дело) 197.

⁶ НАРБ. Ф. 171. Оп. 1. Д. 130. Л. 72.

занимала яровая рожь. Как уже было отмечено, к концу 1860-х гг. тункинцы отказались от посевов озимой ржи. С этого момента яровая рожь занимала свыше 60 % земель, засеваемых зерном. Второе место в списке культур, возделываемых в Тункинском ведомстве, занимал овес, который сохранял эту позицию на всем протяжении второй половины XIX в. Небольшими оставались посевы пшеницы и ячменя и семян конопли.

В 1874 г. на пропитание бурят Тункинского ведомства было назначено 9650 четвертей разного зерна¹. На душу населения ведомства приходилось по 6 пудов зерна. Это притом, что для кормления скота местные буряты хлеба

не употребляли. И только некоторые зажиточные буряты кормили выездных и отчасти рабочих лошадей овсом². В 1883 г. норма потребления хлеба в ведомстве была выше, чем в 1874 г. В том году на пропитание каждой души тункинских бурят полагалось 15 пудов зерна³. К концу XIX в. норма потребления зерна бурятами Тунки увеличилась. В 1890 г. на их пропитание было назначено 31 245 четвертей ярового зерна⁴. В том году численность населения Тункинского ведомства равнялась 13 887 душам. Следовательно, в 1890 г. на пропитание одного тункинского бурята пришлось 18 пудов зерна.

Таблица 1

Соотношение культур, возделываемых в Тункинском ведомстве (в % к итогу)⁵

Культура	Посеяно на 1861 г. (четвертей)	Посеяно в 1890 г. (десятин)
Рожь (озим.)	1023 (13,66 %)	не высевалось
Рожь (яров.)	3795 (50,69 %)	3964 (68,43 %)
Пшеница	296 (3,95 %)	384 (6,63 %)
Овес	1482 (19,80 %)	1043 (18,01 %)
Ячмень	813 (10,86 %)	363 (6,27 %)
Семена конопли	78 (1,04 %)	38 (0,66 %)
Итого:	7487	5792

Способы обработки полей у бурят Тункинского ведомства были те же, что и у крестьян Иркутской губернии, без всяких усовершенствований и нововведений. Система севооборота – двухпольная: одна половина засеивалась, а другая находилась под паром. Посевы яровых хлебов в Тункинском ведомстве совершались с 10 апреля по 1 мая. При теплой и влажной погоде яровые хлеба всходили через 8 дней со дня посева, при холодной и сухой – не ранее полумесяца. Как правило, жатва хлебов в Тунке производилась между 1-м и 20-м числами августа⁶.

В 1860-х гг. в Тункинском ведомстве действовало 5 хлебных экономических мага-

зинов и 8 мельниц, из них 7 однопоставных и 1 двупоставная. Мельницы перемалывали в год до 40 000 пудов хлеба, в среднем по 1½ коп. за каждый пуд зерна. На этих мельницах, кроме бурят, перемалывали зерно еще и крестьяне Тункинское отдельного общества и казаки 5-й сотни Иркутского полка⁷.

У тункинских бурят посевы картофеля были значительны. В 1861 г. тункинцы засеяли 4 152 четверти и выкопали 11 503 четверти картофеля, урожай больше посева в 2,8 раза. Из собранного урожая на душу населения пришлось 1,01 четверть картофеля. В том году инородцы, кроме картофеля, никаких других овощей не производили. Посадку же картофеля

¹ Там же. Д. 157. Л. 92об.–93.² Там же. Д. 130. Л. 38об.³ Там же. Ф. 171. Оп. 2. Д. 80. Л. 104об.–105.⁴ Там же. Ф. 171. Оп. 1. Д. 265. Л. 26об.–27.⁵ Там же. Д. 29. Л. 109об.; Там же. Д. 265. Л. 10–11.⁶ Там же. Д. 130. Л. 38.⁷ Там же. Л. 39.

совершали только для домашнего обихода¹. К 1868 г. посевы картофеля в ведомстве снизились до 2005 четвертей, урожай составил 6 613 четвертей. Из урожая на душу населения пришлось 0,56 четверти, или 4,5 пуда картофеля. Между тем тункинцы начали культивировать табаководство. В 1868 г. ими было засеяно 496 гряд и собрано 62 гряды табака².

В начале 1870-х гг. тункинские буряты, кроме картофеля, начинают возделывать и другие огородные культуры. Посевы же табака за невыгодностью прекращаются. В 1873 г. в Тункинском ведомстве было засеяно 2 000 четвертей и снято 6 000 четвертей картофеля. Урожай картофеля превысил посев в 3 раза. Урожай капусты составил 50 четвертей, брюквы – 22, репы – 15, моркови – 10, свеклы – 9 и редьки – 20 четвертей³.

К 1878 г. посевы картофеля в ведомстве тункинцев сократились до 1 574 четвертей. Урожай картофеля того года составил 3 114 четвертей⁴. В 1886 г. картофеля засеяно еще меньше – 1 086 четвертей. При всем том урожай картофеля был неплохим – 15 639 четвертей, 14 самов. Повышение урожайности произошло из-за того, что тункинские буряты

стали больше сажать картофель у себя в огородах. Если ранее картофель тункинцами высаживался в основном на полях и оставался без должной обработки, то к 1878 г. половина картофеля высаживается уже в огородах и подвергается надлежащему уходу. Посевы же других огородных овощей остаются примерно на уровне 1873 г.⁵

Заключение

Выявлено, что развитию земледелия Тункинского ведомства в царский период препятствовало отсутствие путей сообщения с местами сбыта – г. Иркутском и Монголией. В структуре высеваемых тункинскими бурятами культур преобладала яровая рожь. К концу 1860-х гг. тункинцы отказались от посевов озимой ржи. Между тем в течение исследуемого периода растут посевные площади ведомства и потребление хлеба населением. Повышается урожайность картофеля, тункинские буряты начинают выращивать новые культуры – капусту, брюкву, репу, морковь, свеклу и редьку.

¹ Там же. Д. 29. Л. 77об. – 78.

² Там же. Д. 130. Л. 139об. – 140.

³ Там же. Ф. 152. Л. 31об. – 34.

⁴ Там же. Д. 210. Л. 37.

⁵ Там же. Д. 241. Л. 70-73.

МАТЕРИАЛЬНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ КОММУНИСТОВ-ФУНКЦИОНЕРОВ ЕНИСЕЙСКОЙ СИБИРИ В 1920-е гг.

А.П. Шекшеев

Хакасская республиканская ассоциация жертв политических репрессий, Абакан, Россия; email: Turan47@yandex.ru

Статья посвящена освещению малоисследованной темы в отечественной истории – материального обеспечения коммунистической номенклатуры. Автор приходит к выводу, что на территории современных Красноярского края и Республики Хакасия материальное обеспечение представителей власти не было значительным и носило скорее натурализованный характер. Некоторые партийцы использовали свое положение и даже совершали преступления, чтобы получить дополнительное обеспечение. Однако большинство изымали средства из местного бюджета. Постепенно материальное обеспечение руководящих коммунистов возрастало и к 1930-м гг. стало самым высоким в регионе.

Ключевые слова: губерния, деньги, Енисейская Сибирь, заработная плата, комиссии взаимопомощи, коммунисты, материальное обеспечение, ответственные работники, ссуды, финансирование.

MATERIAL SUPPORT FOR THE COMMUNISTS-FUNCTIONARIES OF YENISEI SIBERIA IN THE 1920S

Aleksandr P. Sheksheev

Khakass Republican Association of Victims of Political Repressions, Abakan, Russia; email: Turan47@yandex.ru

The article is devoted to a little-studied topic in Russian history -material support for the communist nomenclature. The author comes to the conclusion that, in the territory of the modern Krasnoyarsk Region and the Republic of Khakassia, the material support for government representatives was not significant and was rather naturalized. Some party members used their position and even committed crimes to obtain additional maintenance. However, most of them withdrew funds from the local budget. Gradually, the material support for the leading communists increased, and it became the highest in the region by the 1930s.

Keywords: governorate, money, Yenisei Siberia, salary, mutual aid commissions, communists, material support, responsible workers, loans, financing.

Введение

В октябре 1917 г. большевики победили с лозунгами всемирного равенства и братства. Находясь в условиях голода, нищеты и Гражданской войны, они призывали своих сторонников потерпеть и «бить буржуев, капиталистов и всякую контру». Однако материальное снабжение самих пришедших к власти коммунистических функционеров явилось, как оказалось, важнейшей стороной их жизни.

Проблема материального обеспечения, в частности зарплата и курортный отдых коммунистической бюрократии, стала иссле-

доваться историками на материалах Сибири, только начиная со второй половины 1990-х гг. [Олех, 1995; Он же, 1999; Антонов, 2009; Гузаров, 2014, 2015]. Некоторые сведения о финансовом обеспечении деятельности компартии и привилегиях ее членов были опубликованы в монографии отечественного ученого [Ильюхов, 2010] и статьях исследователей, созданных на общероссийских материалах [Лютов, 2006; Долгих, 2015]. Между тем столь актуальная проблематика оставалась вне внимания местных историков и применительно к Енисейской Сибири рассматривается здесь впервые.

Основная часть

Финансирование коммунистической партии регулировалось ее уставом, принятым на VIII Всероссийской партконференции в декабре 1919 г. Руководствуясь им, большевистское руководство первоначально установило для ответственных партийных служащих сравнительно невысокую зарплату. Лишь с июня 1920 г. распоряжением ВЦИК РСФСР были введены тарифные ставки, которые во второй половине года циркуляром ЦК РКП (б) распространились и на работников партии. Было разрешено выдавать губернским руководителям продовольственные пайки, снабжать их одеждой, обувью и оказывать бесплатные коммунальные услуги. На состоявшемся 31 октября 1920 г. заседании президиума Енисейского губернского комитета (ГК) и районных комитетов (РК) РКП (б) было решено избрать комиссию по снабжению ответственных работников¹.

Низовой же партийный актив занимался самоснабжением за счет населения, порой совершая беззакония и вызывая его сопротивление. Начавшееся с осени 1920 г. изъятие у крестьян продразверстки осуществлялось коммунистами в основном под лозунгом: «Мы должны взять все излишки, а потом пусть нас Советская власть судит» [Итоги продовольственной кампании в Сибири, 1921, с. 13]. Когда же у районного продовольственного комиссара Канского уезда Макаренко и ряда работников его ведомства выявились злоупотребления, а местные коммунисты решили исключить их из РКП (б), то слушавший это дело президиум ГК решением от 1 ноября «за недоказанностью вины» направил данных лиц на ту же работу в другой уезд с обсуждением их поведения в партийном суде².

Однако многим партийным организациям приходилось работать в условиях острого дефицита средств и необеспеченности ими своих функционеров низшего

звена. Находившиеся в деревне коммунисты были далеки от официального оформления своих притязаний на продовольствие. Пользуясь ситуацией крестьянских восстаний, они инициировали бедноту, например, Сухобузимской волости Красноярского уезда, образовывать самочинные комитеты, насчитывавшие до 600 членов. Вопреки указаниям Енисейского губернского продовольственного комитета (ГПК) о вывозе изъятого у населения по продразверстке хлеба в ссыпные пункты и не боясь грозившей им ответственности, комитетчики отбирали его у «кулаков», делили между собой и не давали продовольственным работникам вывозить гарнцевый сбор³.

Продовольственное снабжение имело для руководителей региона столь важное значение, что 30 декабря того же года президиум Енисейского губернского исполкома (ГИКа) постановил о выделении данным лицам дополнительного пайка, объем которого определялся медицинской комиссией⁴. Этот вопрос обсуждался еще раз на президиуме ГК в январе или феврале 1921 г., а заседание президиума ГИКа № 34 утвердило доклад комиссии о дополнительном пайке семьям ответственных работников и удовлетворении им их детей в возрасте до восьми лет⁵.

Самоснабжением были поражены продовольственные работники даже губернского масштаба. 12 февраля 1921 г. на пленуме ГК прозвучала информация о некоммунистическом поведении губернского продовольственного комиссара Булгакова, который якобы, не зарегистрировавшись в качестве члена партии и не выплачивая взносы, выдавал себя за представителя ЦК и забронировал для поездки на Всероссийский съезд советов два вагона, один из которых передал другим делегатам. После произведенного у этого руководителя обыска было решено его арестовать. Состоявшийся 5–6 апреля того же года очередной пленум ГК постановил Булгакова за его поведение и незаконное получение продуктов

¹ Государственный архив Красноярского края (далее – ГАКК). Ф. П-1. Оп. 1. Д. 3. Л. 148.

² Там же. Л. 149.

³ Там же.

⁴ ГАКК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 52. Л. 15.

⁵ ГАКК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 173. Л. 1; Ф. Р-49. Оп. 1. Д. 17. Л. 28.

считать механически выбывшим из РКП (б), а дело бывшего коммуниста передать на рассмотрение в губернский ревтрибунал (ГРТ)¹.

Показательным явилось отношение к таким же коммунистам их товарищей, имевшее место на III Ачинской уездной конференции РКП (б) (30 мая – 2 июня 1921 г.). Некоторые ее участники говорили о безнаказанности, в отличие от крестьян, ряда ответственных работников, совершивших на продовольственной работе преступления, подрывавшие доверие деревенских масс к партии, и прежде всего называли имя районного продкомиссара Рудакова. Они сообщили, что при обыске 2 мая у него нашли бомбу, обрез, винтовку-винчестер, тесак, патроны, две тысячи пистонов, полпуда охотничьего пороха, табак и папиросы высшего качества, 400 аршин мануфактуры, флаконы заграничных духов, белье, чулки, теплые фуфайки, куски мыла, много байхового чая, полтора пуда меда, пять пудов рыбы, кокосовое масло, две четверти николаевского спирта, два пуда ветчины, копченой колбасы, полпуда сахара и два пуда керосина. Однако в заключительном слове выступавший член Енисейского ГК РКП (б) заявил, что преступлений по должности Рудаков не совершал. В дальнейшем он по инициативе губернского партийного руководства был арестован, но судом оправдан, использовался вновь на продовольственной работе и наконец был уволен².

Но подобные лица, выполнявшие разверстку жестокими методами в том же Ачинском уезде, не были одинокими. В Едетской волости, например, деятельностью продовольственного отряда руководил райпродкомиссар Макаревич, реализовавший ее задание на 165 %. Вероятно, большое давление на крестьян осуществлял и некий Иванов-Царев, отозванный с этой работы и арестованный властями³.

Сдерживание доходов коммунистов определенным потолком сохранялось и в первые годы нэпа. Таким тормозом служил известный

«партмаксимум» – верхний предел зарплаты. Согласно декрету ВЦИК РСФСР от 23 июня 1921 г., зарплата ответственных работников ограничивалась 100–150 % средней зарплаты, принятой на тех предприятиях и в тех учреждениях или организациях, где они работали [Мервин Мэтьюз, 1992, с. 48].

Тем временем коммунисты стремились сделать свою жизнь более комфортной. Еще в декабре 1920 г. Совет Народных Комиссаров (СНК) издал декрет об использовании Крыма для лечения трудящихся, а 12 января 1921 г. Совет труда и обороны (СТО) – постановление об экстренном оборудовании крымских курортов [Декреты советской власти, 1986, с. 60, 61, 164–166]. С лета 1921 г. начали действовать сибирские курорты. Их администрациям удалось улучшить состояние купален, а властям – доставку отдыхающих. Поезда из Ачинска до ст. Ши́ра отправлялись два раза в неделю: по понедельникам и четвергам [Гузаров, 2015, с. 24].

Вероятно, лица, в ведении которых находилось курортное лечение, не всегда использовали его в общественных целях. Случалось, их поведение привлекало внимание правоохранительных органов, а разбирательство вызывало конфликтные ситуации среди членов советско-партийного руководства Енисейской губернии. Так, на заседании президиума ГК 19 июля 1921 г., рассмотревшего предложение председателя губернской Чeka Р. К. Лепсиса о привлечении заведующего курортным подотделом губернского отдела здравоохранения Соколовского за взяточничество к суду, ГРТ встретило возражения со стороны видных коммунистов А. С. Гендлина и Л. И. Субботиной, которые сочли это наказание слишком суровым. Отказ данных лиц разбирать поведение «курортного начальника» на президиуме вызвал протест со стороны главного чекиста, угрожавшего своим освобождением от должности и переброской в другую губернию. Своего товарища поддержало Представительство ВЧК по Сибири,

¹ ГАКК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 105. Л. 2–3.

² ГАКК. Ф. П-6. Оп. 1. Д. 5. Л. 33–34, 63.

³ Там же. Л. 37, 63.

признавшее предлагаемую передачу дела в ГРТ правильной¹.

Более определенно и оперативно высказалось губернское партийное руководство по другому делу. 9 августа оно утвердило решение Канской уездной организации РКП(б) об исключении из своих рядов за присвоение продуктов и подделку для этого документов коммуниста Грановцева². С возражениями на президиуме ГК 4 сентября было заслушано требование губернского профсоюзного совета о немедленном удовлетворении продовольствием 2240 ответственных служащих. ГИКу было предложено сократить свои штаты и снять некоторых работников с пайкового довольствия³.

Неприглядный облик обюрокротившихся советских служащих Минусинского уезда был выявлен на допросе 16 сентября бывшего красного партизана и заведующего местной тюрьмой А. Л. Ковальчика. Он сообщил, к примеру, что руководители уездного совнархоза (СНХ), пошив костюмы из ткани, конфискованной чекистами у обывателей, оделись «с иголки», а председатель уездного исполкома (УИКа) завел правило к нему «без доклада не входить». На Пасху последний вместе с военными устроил «пир», а за месяц до открытия курорта на оз. Тагарском выделил себе там помещение⁴. Сам доноситель, вскоре признанный виновным в злоупотреблении служебным положением, был Контрольной комиссией (КК) при ГК РКП (б) исключен из партии.

Потерей партийного билета закончилось использование служебного положения в личных целях командиром Канского коммунистического полка Макаровым. Президиум ГК 1 ноября утвердил постановление канских коммунистов об его исключении из РКП (б)⁵.

Осенью 1921 г. в условиях постигшего страну голода и возникшего в результате

экономического кризиса высокого уровня инфляции обозначились падение зарплаты бюджетников и перебои в снабжении парторганов деньгами. Некоторые из учреждений даже не смогли наладить бухгалтерский учет. Для того чтобы срочно изыскать недостающие денежные ресурсы, проводилось периодическое сокращение их штатов, но более того – безвозвратное изъятие необходимых средств из местного бюджета. С этой целью распределительный отдел Енисейского ГИКа (губраспред) постепенно уменьшал категории служащих – потребителей общественного достояния. В Красноярске была ликвидирована сеть ранее поощряемых к созданию общественных столовых для взрослых, а затем и детей. К ноябрю на коллективное снабжение были переведены 14,5 тыс. служащих, работников производственных предприятий и просвещения. 11 ноября 1921 г. президиум ГК потребовал от коммунистов сдать имевшиеся изделия из золота в фонд голодающих Поволжья. Для губернии, не выполнившей государственное продовольственное задание, был предложен новый порядок снабжения, существенно сокративший ее внутренний фонд⁶.

Обеспечение ответственных работников губернии все более становилось централизованным, а выплата зарплаты заменялась натурализованными поставками. Так, 15 ноября 1921 г. председатель Сибирского промбюро указал Красноярскому СНХ выделить ГК 175 полушубков, столько же пар валенок и 210 папах. Выступая 16 декабря того же года на президиуме ГК, его секретарь К. П. Машкин сообщил, что центр, начиная с декабря, будет отпускать губернии 400 продовольственных пайков. К началу марта 1922 г. 835 семей ответственных лиц получали красноармейский паек⁷. Коллегия отдела управления ГИКа 5 апреля решила предоставить членам пре-

¹ ГАКК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 105. Л. 22–23.

² ГАКК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 113. Л. 92.

³ ГАКК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 105. Л. 65.

⁴ ГАКК. Ф. Р-448. Оп. 2. Д. 330. Л. 278.

⁵ ГАКК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 115. Л. 67.

⁶ ГАКК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 115. Л. 72; Ф. Р-49. Оп. 1. Д. 280. Л. 44.

⁷ Государственный архив Новосибирской области (далее – ГАНО). Ф. П-1. Оп. 1. Д. 2229. Л. 29; ГАКК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 115. Л. 126; ГАКК. Ф. Р-49. Оп. 1. Д. 280. Л. 27.

зидиума, секретариата и собственного отдела 129 мартовских пайков, но 69 из них передать в неприкосновенный фонд¹.

Более действенные меры по организации обеспечения коммунистов материальными благами начались с весны 1922 г. Появилась возможность поправить свое здоровье и отдохнуть даже в особых и приспособленных к этому местах. 18 мая того же года курортное управление отдела здравоохранения (Сибздора) сообщило Сибирскому бюро ЦК РКП (б) о предоставлении сибирским товарищам 25 мест на курортах Ялты, Евпатории, Кисловодска, Ессентуки, Анапы и Сочи². Возросло число путевок и на курорты Сибири, которые резервировались прежде всего для первых лиц губернии.

С целью оказания помощи нуждающимся коммунистам и их семьям на XI съезде РКП(б) (март–апрель 1922 г.) было решено создавать при партийных комитетах, начиная с ЦК, особые комиссии содействия. Обращаясь в соответствующие органы, они должны были заниматься удовлетворением коммунистов жилплощадью, медицинской помощью, определением их детей в школы, интернаты, детсады и ясли, направлением инвалидов Гражданской войны и труда в специально организованные дома, а также предоставлением семьям убитых и искалеченных возможности получения повышенной пенсии. Созываемые при губернских и уездных комиссиях совещания партийных работников и представителей хозяйственных и социальных органов уста-

навливали обязательные отчисления от зарплаты каждого коммуниста³.

24 июля 1922 г. в Красноярске состоялось организационное заседание комиссии взаимопомощи коммунистам, упразднившее ранее существовавший кооператив «Коммунист», а 28 июля – при Енисейском ГК РКП(б) была создана комиссия содействия членам партии в составе председателя Б.М. Гуровича⁴, двух членов и трех кандидатов⁵. Но в то же время закрытое заседание президиума Минусинского уездного комитета партии (УК) 27 июля направило в ГК запрос о ежемесячной высылке для ответственных работников 30 пудов муки и других продуктов⁶.

Начиная с августа стал формироваться фонд губернской комиссии. Его составляли отчисления от жалованья, побочные средства, заработанные коммунистами от организации субботников, воскресников, издательской деятельности и постановки платных спектакле⁷. Рассмотрев взаимоотношения губернской и уездных комиссий, президиум ГК 8 августа 1922 г. постановил до 20% всех денежных отчислений, получаемых уездными органами, переводить в губернский центр⁸.

Созданная постановлением Сиббюро от 15 августа 1922 г., Сибирская комиссия 22 сентября не согласилась с такими суммами взносов, должных поступать из уездов. Напомнив местным органам о том, что порядок данных отчислений был установлен постановлением Всероссийской партийной конференции и циркуляром Сиббюро от 8 мая того же года, она заявила о введении ими

¹ ГАНО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 879а. Л. 41.

² ГАНО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 2322. Л. 4.

³ ГАНО. Ф. П-1. Оп. 1. Л. 2323. Л. 1–2.

⁴ Борис Маркович Гурович – 1898 г.р., урож. г. Николаева Херсонской губернии. Еврей. Образование среднее (коммерческое училище) и два курса юрид. ф-та. Большевик с 1917 г. В 1917–1919 гг. – в Российской армии, участковый судья в Петрограде, в Красной армии председатель реввоен трибунала и редактор газеты. В 1920 г. – зам. нач. политотдела 5 армии, председатель Ачинского уездного оргбюро РКП (б) и уездного ревкома. С декабря 1920 по сентябрь 1921 г. – председатель Минусинского уездного исполкома, до конца 1921 г. – председатель Енисейского губернского ревтрибунала и зав. отделом юстиции губернского исполкома. В 1922–1923 гг. – Енисейский губернский прокурор. С 1923 г. – прокурор Томской губернии, председатель Уральского обл. суда. В 1947 г. проживал в Москве, работал в наркоматах оборонной и судостроительной промышленности [Папков, 2021, с. 169].

⁵ ГАНО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 2323. Л. 21.

⁶ ГАНО. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 275. Л. 86.

⁷ ГАНО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 2323. Л. 22.

⁸ Там же. Л. 18, 21.

«чрезвычайно высокого обложения членов партии в пользу комиссий». Сибкомиссия дала своим низовым органам право освобождать от него лиц, обремененных семьями, а также перевела енисейским партийцам аванс в сумме 100 тыс. руб.¹

За сентябрь–октябрь 1922 г. Енисейской губернской комиссией были получены 116,5 тыс. руб., а выданы в качестве помощи – 90 тыс. руб. Для изыскания дополнительных средств к этим отчислениям комиссия обращалась за помощью к коммунистам, находившимся во главе советских учреждений. Отозвавшись на эту просьбу, управление губернского коммунхоза выделило ей 100 пудов муки, 50 бесплатных квартир и освободило 50 человек от уплаты за предоставленную мебель, отдел народного образования направил детей погибших и умерших коммунистов на бесплатное обучение, устроил их в детдома и коммуны, а собес взял их на государственное иждивение².

В 1922 г. Народный комиссариат финансов провел деноминацию советского денежного знака с уменьшением всех величин в 10 тыс. раз. В октябре 1922 г. правительство воссоздало Госбанк. Вслед за введением ВЦСПС унифицированной тарифной системы заработной платы в августе 1922 г., согласно решениям XII Всероссийской конференции РКП (б), был совершен переход к 17-разрядной сетке оплаты труда ответственных партийных работников³. Одновременно с ее принятием в действие вводилось постановление Наркомтруда о надбавках к основному окладу партийных работников. Лицам, получавшим доходы свыше разрешенного «партмаксимума», рекомендовалось вносить излишки в партийную кассу.

Однако данное реформирование имело важнейший недостаток – оно сохраняло незначительность оплаты труда низового звена партийных служащих. Более того, к примеру,

Канский УК РКП (б) даже наказывал неудовлетворительно работавших, по его мнению, секретарей волостных парткомов лишением их права на получение зарплаты [Олех, 1999].

Следуя за ЦК РКП (б), Сиббюро 5 октября 1922 г. указало о создании в регионах специальных фондов, формируемых за счет трехпроцентных отчислений из сметных ассигнований партийным органам и половины суммы всех членских взносов. Они предполагались для оказания помощи товарищам, впадшим в крайнюю нужду, семьям погибших в Гражданскую войну и на партийной работе⁴. Конкретный размер отчислений устанавливался губернскими комитетами. Для пополнения этих фондов практиковались обложения сельских коммунистов натуральным налогом, дровами, зерном, запашкой в фонд уездного и волостного комитетов. Низовые партийные организации получали помощь и со стороны шефствующих городских ячеек.

19 октября 1922 г. Енисейский ГК в счет трехпроцентных отчислений перечислил в фонд комиссии взаимопомощи 100 млн руб., 2 ноября – 1 млрд руб. (в ценах того времени). Фонд губернской комиссии получал денежные суммы, поступившие, например, в октябре–декабре от Сиббюро⁵.

Осенью того же года были созданы подобные же комиссии в уездах. Партийный и советский органы Канского уезда выделили в ее распоряжение мануфактуру и продукты. VI Ачинская уездная партконференция постановила для пополнения средств комиссии взимать с членов РКП (б) по 10 фунтов муки. Но данные отчисления оказались для них трудновыполнимыми. Только половина членов городской партийной организации внесла в ее фонд муку и деньги, а из 467 подобных же лиц в целом по уезду своим жалованьем поделились с комиссией лишь 25 человек⁶. 30 ноября губернская комиссия постановила о проведении недели помощи коммунистам

¹ Там же. Л. 4, 7.

² Там же. Л. 24.

³ ГАНО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 2323. Л. 9.

⁴ Там же. Л. 4.

⁵ Там же. Л. 109; Д. 2324. Л. 13, 16.

⁶ ГАНО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 2323. Л. 109–110.

и обязала сельских товарищей участвовать в ней денежными отчислениями или сбором муки¹. Минусинская, а следом и губернская комиссия с целью пополнения своих средств организовали платные спектакли².

Полученные или заработанные денежные средства использовались в качестве пособий пострадавшим, мобилизованным и семейным коммунистам. Так, 28 сентября губернская комиссия оказала финансовую помощь коммунисту Гендону, 26 октября – многодетной Шукиной. В ноябре ее члены озаботились проживанием в школе-коммуне 120–130 воспитанников – детей расстрелянных коммунистов. Комиссия освободила от уплаты за покупку учебников для учащихся семью покойного председателя ГРТ Гриниченко, улучшила ей жилищное положение, выдала деньги на покупку теплой одежды для детей погибших партийцев, определила их в учебное учреждение с проживанием, а также решила оказывать постоянную помощь больной большиевичке с 1901 г. Пузановой³.

Организуя подобные мероприятия, партийное руководство стремилось к умиротворению крестьянских масс разбирательствами беззаконий, только что пережитых деревней. Так, 17 ноября 1922 г. закрытое заседание президиума ГК осудило злоупотребления властью, проявленные бывшим продинспектором Макаренко. Будучи 20-летним инвалидом Гражданской войны и осуществляя продовольственные заготовки в Красноярском уезде, он совершал даже пытки крестьян,

чем чуть не вызвал их восстание. Ко времени заседания, участники которого высказывались за применение к нему смертной казни, этот бывший коммунист уже был приговорен ГРТ к 10 годам лишения свободы⁴. 28 ноября за присвоение вещей, принадлежавших партийному органу, строгим выговором был наказан в прошлом секретарь Красноярского УК Червяков⁵. В рамках борьбы со взяточничеством губернской прокуратурой были проверены 232 судебных работника, из них 37 лишились службы⁶.

В 1923 г. опустошение государственной казны на содержание правящей партии продолжалось. Так, за январь–апрель этого года советскими и кооперативными органами в фонд Енисейской губернской комиссии был передан хлеб в объеме 6,5 тыс. пудов ржи. Повышение зарплаты партийным работникам соответственно сказалось на росте отчислений в ее адрес. 23 марта был избран новый состав губернской комиссии, во главе которой стал А. И. Бочков⁷. Получая трехпроцентные отчисления со сметного кредита, предназначенного ГК, комиссия с января по апрель рассмотрела 58 заявлений об отпуске денежной ссуды, из них удовлетворила 48. Кроме того, она выдала просителям 22 аршина мануфактуры⁸.

Решения о финансировании партийного аппарата принимались его руководством и проводились через коммунистические фракции советских органов. 30 марта 1923 г. между тем же Бочковым и секретарем Енисейского ГК Р. Я. Кисисом была достигнута

¹ Там же. Л. 84.

² Там же. Л. 109.

³ Там же. Л. 10, 17–19, 21.

⁴ ГАКК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 274. Л. 211.

⁵ ГАКК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 259. Л. 156.

⁶ ГАКК. Ф. Р-49. Оп. 2с. Д. 96, ч. 2. Л. 14.

⁷ Андрей Иванович Бочков 1885 г.р., уроженец с. Ждамирово Алатырского уезда Симбирской губернии. Из семьи каменщика. Образование начальное. Большевик с 1905 г. С 1897 г. – батрак, портной, на подпольной работе. С 1917 г. – председатель Казанского городского комитета РСДРП (б), комиссар в Госбанке, председатель Казанского губернского ревтрибунала. В 1919–1920 гг. – зам. председателя Казанского губернского исполкома, нарком РКИ Татарской республики. С июля 1921 по апрель 1922 г. – зам. председателя Енисейского губернского исполкома. По июнь 1924 г. – зам. председателя Енисейского губернского союза кооперативов, по сентябрь 1925 г. – председатель Енисейской губернской КК-РКИ, зам. председателя Енисейского губернского исполкома. С декабря 1925 г. – руководитель группы, зам. председателя Сибирской краевой КК ВКП (б), зав. Западно-Сибирским краевым управлением коммунального хозяйства, служащий краевого исполкома, архивного управления. С 1938 г. – на пенсии. Умер в январе 1939 г. Делегат XI, XII съездов РКП (б) [Папков, 2021, с. 103].

⁸ ГАНО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 2323. Л. 130, 138.

договоренность испросить через фракцию ГИКа в его финансовом отделе на нужды комиссии 10 тыс. руб.¹ В дальнейшем такие «поборы» были «узаконены» циркуляром ЦК РКП (б) от 22 июля 1923 г.

Постоянным становилось отправление аппаратчиков на курортное лечение. Состоявшееся 22 мая совещание ответственных секретарей УК и РК РКП (б) Енисейской губернии предложило партийным органам наметить 11 лиц, подлежащих курортному лечению, и создать для них специальный фонд материальной помощи².

Выдача денежных средств губернской комиссией обрела все большие масштабы. 12 июня 1923 г. она, к примеру, рассмотрела заявление бюро московского землячества, объединявшего 26 студентов, откомандированных на учебу Енисейским ГК РКП (б) в Свердловский университет, Академию социального воспитания, на рабфаки и пр., и разрешила ему получать продовольственные пайки с распространением их среди нуждающихся. 27 июня 1923 г. комиссия решила в ответ на заявления членов РКП (б) – инвалидов безвозвратно выдавать им денежные средства. Под эту же категорию подпали лица, выезжавшие для лечения на курорты, и студенты, которым было необходимо приобрести одежду и обувь. Ссудами наделялись коммунисты для поездки на лечение в Томский терапевтический институт, на оз. Тагарское, в Симферополь, Усолье и т.д. Деньги на поездку в Москву выделялись детям казненного большевика Пекаржа, на курортное лечение – Засульскому, на похороны мужа-коммуниста – Михайловой. 19 июля было решено устроить 200 детей из семей коммунистов, пострадавших в Гражданскую войну, в школу-коммуну. Когда Минусинская комиссия, обследовав положение проживавшей в д. Ново-Покровка Каптыревской волости семьи погибшего в 1921 г. милиционера Сумарокова, нашла ее крайне тяжелым, то губернская комиссия 22 сентября постановила выдать ей

7,5 тыс. руб. и по шесть аршин ситца на каждого члена. 25 октября ею были приняты меры по устройству и обеспечению необходимым детей убитого в Сerezском восстании коммуниста Гольберга³.

В 1923 г. правительство провело вторую деноминацию с уменьшением стоимости рубля еще в сто раз. 100 рублей образца 1922 г. стали равны одному рублю образца 1923 г. Одновременно секретным циркуляром ЦК РКП (б) было предложено сократить аппарат и повысить заработную плату ответственных работников. Но предложенные высокие оклады партийных руководителей вызвали недовольство у рядовых коммунистов. Судя по закрытому заседанию парторганизации, прошедшему 20 декабря 1923 г. в Минусинске и обсуждавшему данное решение, лица, занимавшие высокие должности в партийном аппарате, были «рады» этому циркуляру, «ждали» его с 1920 г. В то же время, ознакомившись с ним, ряд товарищей высказался против уменьшения фонда оплаты труда путем увольнения секретарей и машинисток и намечающейся большой разницы в размерах зарплаты ответственных и рядовых коммунистов. В адрес руководителей прозвучали обвинения, что они имеют выездных лошадей, прислугу, квартиры, обставленные мебелью, а в поездку на курорт берут с собой автомобили и занимают под себя целый вагон, что является растратой государственных средств. Привычными для них, говорили участники заседания, стали грубость, пьянство и празднование собственных юбилеев. Присутствовавший здесь же председатель Енисейского ГИКа Ф.А. Березовский был вынужден прекратить выступления⁴.

До середины 1920-х гг. еще не сложилась устойчивая система денежного вознаграждения служащих аппарата РКП (б), но жалование их увеличилось. Согласно директиве ЦК РКП (б) от 7 марта 1924 г., червонец был заменен стабильным купонным кредитным рублем, а 13 мая того же года высшее партийное

¹ ГАНО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 2320. Л. 61.

² ГАКК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 441. Л. 73.

³ ГАНО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 2320. Л. 4–12, 15, 22, 24.

⁴ ГАКК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 498. Л. 123–124.

руководство постановило повысить надбавку к зарплате секретарям губернских комитетов. При наличии обеспечения персональным пайком, жильем, медицинским обслуживанием и помощью государства в воспитании детей средняя зарплата партийного функционера в соответствии с декретом ВЦИК от 31 марта 1925 г. выросла и была уже более чем в три раза выше по сравнению с оплатой труда промышленного рабочего [Мервин Мэтьюз, 1992, с. 48; Головин, 2008, с. 181].

В дополнение к этим привилегиям местные партийные функционеры, уходя в отпуска, проводили их, согласно, например, постановлениям майских 1925 г. закрытых заседаний бюро Ачинского и Минусинского УК РКП (б), на курортах Алупки и Ессентуки с обеспечением из спецфондов¹. Рядовые коммунисты находили в себе смелость не одобрять такое поведение своего руководства. Так, делегаты прошедшей в декабре 1928 г. IV Канской окружной конференции ВКП (б) с возмущением отмечали, что на курорты и в дома отдыха посылаются не коммунисты-крестьяне, а партийные аппаратчики².

В разгар массовой коллективизации Минусинский окружком партии предоставил с 5 мая 1930 г. отпуска своим товарищам с отдыхом в Кисловодске и Ессентуках. При недостатке продуктов для населения бюро Хакасского обкома ВКП (б) 13 марта 1931 г. утвердило контингент из 70 лиц, которым разрешалось питаться в закрытой столовой³. Находившиеся у власти товарищи не стеснялись изыскивать дополнительные и не совсем законные источники своего обеспечения. В августовском доносе 1931 г. в адрес секретаря Западно-Сибирского крайкома ВКП (б) Р.И. Эйхе коммунист и председатель одного из сельпо сообщал, что на квартире секретаря РК партии некоего Урбитаса действовал закрытый распределитель, в котором десять представителей местной власти получали предназначенные для лесорубов дефицитные одежду, обувь и продукты⁴.

Заключение

Таким образом, материальное обеспечение партийных ответственных работников стало освещаться историками сравнительно недавно и пока не восполнило множества исследовательских лакун, характерных, прежде всего, региональной истории. Такое изучение было обусловлено закрытостью этой темы в советское время, некоторой деликатностью обращения к личной жизни целого сословия лиц, а также трудностями широкого архивного поиска. С воцарением у власти денежное довольствие партийных аппаратчиков не было значительным. Основной ценностью, которой они пользовались, стали продовольствие, одежда, обувь и всяческие услуги. Но постепенно материальное обеспечение руководящих коммунистов возрастало и принимало самые разные формы. Вероятно, следует согласиться с выводом предшественника о том, что партийное чиновничество, как новый социальный слой, делало в 1920-е гг. только первые, пробные шаги в сторону материального достатка, но уже испытывало потребность в наращивании и закреплении достигнутых результатов [Олех, 1999].

С началом форсированных преобразований в региональной экономике принцип эгалитаризма в оплате труда был отвергнут, началось свертывание уравниловки, а 8 февраля 1932 г. секретным постановлением Политбюро ЦК ВКП (б) ликвидации подвергся «партмаксимум». Индустриальная реконструкция способствовала радикальному расслоению советского общества, которое происходило в зависимости от окладов и степени статусных привилегий.

Литература

Антонов Е. П. Материальное положение партноменклатуры Якутии в 1920–1930-е годы // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, Филология. 2009. Т. 8. Вып. 1: История. С. 147–150.

¹ ГАКК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 771 Л. 76, 85.

² ГАНО. Ф. П-2. Оп. 5а. Д. 41. Л. 14.

³ ГАКК. Ф. П-60. Оп. 1. Д. 1013. Л. 12; ГАНО. Ф. П-3. Оп. 2. Д. 241. Л. 35.

⁴ ГАНО. Ф. П-3. Оп. 2. Д. 240. Л. 194.

- Головин С. А.** Имущественная дифференциация доходов населения СССР в 20–30-е годы XX века // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. Общественные и гуманитарные науки. 2008. № 11 (66). С. 177–186.
- Гузаров В. Н.** Зарплата сотрудников партийного аппарата Томской губернской организации РКП(б): 1920–1925 гг. // Вестник Кемеровского государственного университета. 2014. № 2 (58). Т. 2. С. 43–47.
- Гузаров В. Н.** Отдых и лечение партийных руководителей Томской губернии: 1920–1925 гг. // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. История. № 2 (62). Т. 4. С. 21–25.
- Декреты советской власти. Т. XII. Декабрь 1920 – январь 1921 г. М.: Политиздат, 1986. 428 с.
- Долгих Ф. И.** Финансирование деятельности РКП(б)-ВКП(б) в первой половине 1920-х гг. // Пробелы в российском законодательстве. 2015. № 4. С. 43–46.
- Ильяхов А. А.** Как платили большевики: политика советской власти в сфере оплаты труда в 1917–1941 гг. М.: Российская социально-политическая энциклопедия (РОССПЭН); Фонд Первого Президента России Б. Н. Ельцина, 2010. 415 с.
- Итоги продовольственной кампании в Сибири // Жизнь Красной Сибири (Омск). 1921. № 1–2. С. 11–14.
- Люттов Л. Н.** Система привилегий членов правящей партии в 1921–1923 годах // Вопросы истории. 2006. № 10. С. 98–107.
- Мервин Мэтьюз.** Становление системы привилегий в Советском государстве // Вопросы истории. 1992. № 2–3. С. 45–61.
- Олех Г. Л.** Партийная машина РКП (б) в начале 20-х гг.: устройство и функционирование. Новосибирск: Изд-во Новосибирского гуманитарного института, 1995. 144 с.
- Олех Г. Л.** К вопросу о денежном содержании чиновников РКП(б) в начале 1920-х гг. (по материалам сибирских архивов) // Сибирская заимка. 1999 [Электронный ресурс]. URL: <http://zaimka.ru/pover/olekh2.shtml> (дата обращения: 15.09.2024).
- Папков С. А.** Руководящие кадры Сибири. 1919–1941 гг.: спр. Новосибирск: Академиздат, 2021. 600 с.

References

- Antonov E. P.** Material'noe polozhenie partnomenklatury Yakutii v 1920–1930-e gody [The financial situation of Yakutia's party nomenclature in the 1920s – 1930s]. *Bulletin of Novosibirsk State University. Series: History, Philology*, 2009, vol. 8, no. 1: History, pp. 147–150. (In Russian)
- Dekrety sovetsoi vlasti. T. XII. Dekabr' 1920 g. – yanvar' 1921 g. [Decrees of the Soviet Government. Vol. 12. December 1920 – January 1921]. Moscow, Politizdat, 1986, 428 pp. (In Russian)
- Dolgikh F. I.** Finansirovanie deyatel'nosti RKP (b)-VKP (b) v pervoi polovine 1920-kh gg. [Financing the

- activities of the RCP (b)-VKP (b) in the first half of the 1920s]. *Gaps in Russian Legislation*, 2015, no. 4, pp. 43–46. (In Russian)
- Golovin S. A.** Imushchestvennaya differentsiatsiya dokhodov naseleniya SSSR v 20–30-e gody XX veka [Property differentiation of income of the USSR population in the 20–30s of the 20th century]. *Bulletin of A. I. Herzen Russian State Pedagogical University. Social Sciences and Humanities*, 2008, no. 11 (66), pp. 177–186. (In Russian)
- Guzarov V. N.** Otdykh i lechenie partiinykh rukovoditelei Tomskoi gubernii: 1920–1925 gg. [Rest and treatment of party leaders of the Tomsk Governorate: 1920–1925]. *Bulletin of Kemerovo State University*, 2015, History, no. 2 (62), vol. 4, pp. 21–25. (In Russian)
- Guzarov V. N.** Zarplata sotrudnikov partiinogo apparata Tomskoi gubernskoi organizatsii RKP (b): 1920–1925 gg. [Salary of the staff of the party apparatus of the Tomsk Governorate Organization of the Russian Communist Party (b): 1920–1925]. *Bulletin of Kemerovo State University*, 2014, no. 2 (58), vol. 2, pp. 43–47. (In Russian)
- Ilyukhov A. A.** Kak platili bol'sheviki: Politika sovetsoi vlasti v sfere oplaty truda v 1917–1941 gg. [How the Bolsheviks paid: Soviet Government's salary policy in 1917–1941]. Moscow, Russian Socio-Political Encyclopedia (ROSSPEN), Foundation of the First President of Russia B. N. Yeltsin, 2010, 415 pp. (In Russian)
- Itoги prodovol'stvennoi kampanii v Sibiri [The results of the food campaign in Siberia]. *Life of Red Siberia (Omsk)*, 1921, no. 1–2, pp. 11–14. (In Russian)
- Lyutov L. N.** Sistema privilegii chlenov pravayashchei partii v 1921–1923 godakh [The system of privileges for members of the ruling party in 1921–1923]. *Issues of History*, 2006, no. 10, pp. 98–107. (In Russian)
- Matthews M.** Stanovlenie sistemy privilegii v Sovetskom gosudarstve [Formation of the privilege system in the Soviet State]. *Issues of History*, 1992, no. 2–3, pp. 45–61. (In Russian)
- Olekh G. L.** K voprosu o denezhnom soderzhanii chinovnikov RKP(b) v nachale 1920-kh gg. (po materialam sibirskikh arkhivov) [On the issue of the monetary maintenance of officials of the Russian Communist Party (b) in the early 1920s (based on the materials of the Siberian archives). *Siberian Lodge*. 1999]. [Electronic resource]. URL: <http://zaimka.ru/pover/olekh2.shtml> (accessed on September 15, 2024). (In Russian)
- Olekh G. L.** Partiinaya mashina RKP(b) v nachale 20-kh gg.: ustroistvo i funktsionirovanie [The party machine of the RCP(b) in the early 20s: structure and functioning]. Novosibirsk, Novosibirsk Humanitarian Institute Press., 1995, 144 pp. (In Russian)
- Papkov S. A.** Rukovodyashchie kadry Sibiri. 1919–1941 gg. [The leadership of Siberia. 1919–1941]. Novosibirsk, Akademizdat, 2021, 600 pp. (In Russian)

ЧЕЛКАНЦЫ: СОВРЕМЕННЫЕ ЭТНИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ

В. П. Кривоногов

Сибирский федеральный университет, Свободный просп., 79, Красноярск, 660041; Россия; email: victor950@yandex.ru, ORCID: 0000-0003-1255-2366

Исследование, проведенное среди челканцев в ходе этнографической экспедиции в июле 2024 г., ставило целью выявление характера этнических процессов на территории Турочакского района Республики Алтай. Этническая территория челканцев расположена в центральной части района, между кумандинцами (на севере) и тубаларами (на юге). Здесь продолжают проживать более половины представителей этого субэтноса алтайского народа, мы определили их численность в 600 человек, остальные в результате миграции покинули эту территорию.

В ходе исследования был проведен массовый опрос 25 % челканцев на основной этнической территории по специальному опросному листу. На взрослых опросный лист составлялся при непосредственной беседе, опросные листы на детей составлялись со слов родителей. Всего составлено 160 опросных листов. Выяснилось, что среди челканцев развернулись ассимиляционные процессы в языке, в разных областях материальной и духовной культуры. Челканцы постепенно забывают свой язык, большинство детей им не владеют в полной мере. Наблюдается отход от традиционной культуры. Растет число и доля национально-смешанных браков, чаще всего с русскими, в меньшей степени – с кумандинцами, тубаларами и южными алтайцами. Доля лиц смешанного происхождения среди челканцев достигла высокого уровня, а среди детей и молодежи они составляют большинство. Тем не менее этническое самосознание довольно устойчиво.

Ключевые слова: челканцы, этнические процессы, этнодемография, языковые процессы, национально-смешанные браки.

THE CHELKANS: MODERN ETHNIC PROCESSES

Viktor P. Krivonogov

Siberian Federal University, 79 Svobodny Ave., Krasnoyarsk, 660041, Russia; email: victor950@yandex.ru, ORCID: 0000-0003-1255-2366

A study conducted among the Chelkans during the ethnographic expedition in July 2024 aimed to identify the nature of ethnic processes in the territory of the Turochak District of the Altai Republic. The ethnic territory of the Chelkans is located in the central part of the district, between the Kumandins (in the north) and the Tubalars (in the south). More than half of the representatives of this ethnic subgroup of the Altai people continue to live here, – we estimated their number at 600 people – the rest left this territory as a result of migration.

In the course of the study, a mass survey of 25% of the Chelkans in the main ethnic territory was conducted using a special questionnaire. For adults, the questionnaire was compiled during a direct conversation, and questionnaires for children were compiled from the parents' words. A total of 160 questionnaires were compiled. It turned out that assimilation processes in a language and in various areas of material and spiritual culture have developed among the Chelkans. The Chelkans gradually forget their language, and most children speak it not well enough. They shift away from their traditional culture. The number and proportion of nationally mixed marriages is growing, most often – with Russians, less often – with Kumandins, Tubalars, and southern Altaians. The proportion of people of a mixed origin among the Chelkans has reached a high level, and they are the majority among children and youth. Nevertheless, ethnic identity is quite stable.

Keywords: Chelkans, ethnic processes, ethno-demography, linguistic processes, nationally mixed marriages.

Введение

Челканцы (чалканцы, чалганду, шолгану, лебединские татары, куу-кижи) проживают в Турочакском районе Республики Алтай, занимая его центральную часть. Северная часть района – территория кумандинцев. Южная часть – место расселения тубаларов. Численность челканцев, по данным переписей населения, – 855 человек в 2002 г. и 1 181 человек в 2010 г. [Челканцы [Электронный ресурс]]. Последняя перепись населения, проведённая в 2021 г., содержит много недостоверных данных о национальной принадлежности, что делает её менее точной.

В XX в. челканцы считались частью алтайского этноса и отдельно не учитывались. Перепись 2002 г. выделила их в качестве отдельного этноса, наряду с кумандинцами. Однако в отличие от последних в дальнейшем челканцы вновь были включены статистикой в состав алтайцев, но выделены отдельной строкой, т. е. считаются субэтносом алтайской народности. В таком статусе они числились и во время проведения нашей экспедиции в июле 2024 г. Экспедиция ставила задачей изучение современных этнических процессов на основной территории их расселения. Выяснилось, что далеко не все челканцы проживают в пределах этой территории, многие разъехались по другим районам республики, немало в процессе урбанизации переместились в г. Горно-Алтайск (по переписи 2010 г. горожане в составе челканцев – 19,6 %).

На данный момент мы не смогли найти точную статистику, которая отражала бы распределение челканцев по отдельным сёлам. Однако в ходе экспедиции, с участием специалистов и экспертов, мы провели оценку численности этого народа в местах их традиционного проживания. По нашим оценкам, количество челканцев составляет около 600 человек. Челканцы составляют большинство в с. Курмач-Байгол, а также в маленьком селе Суранаш. В остальных селах (Бийка, Чуйка и др.) челканцы составляют, как правило, от $\frac{1}{5}$ до $\frac{1}{3}$ общего населения, а в районном центре Турочак, находящемся на границе расселения

челканцев и кумандинцев, их доля составила всего чуть больше 3 %.

В своей работе экспедиция применяла комплексный подход, который включал изучение различных письменных и статистических источников и документов, беседы с информаторами, консультации с экспертами, а также метод наблюдения и др. Однако основное внимание уделялось массовому опросу населения с использованием опросного листа, состоящего из 27 вопросов. Была поставлена задача – охватить опросом не менее 25 % челканцев на основной этнической территории, с соблюдением пропорций по половозрастному составу, социальным группам, а главное – распределив по выбранным сёлам прямо пропорционально реальной системе расселения. В результате получено 160 опросных листов в с. Турочак, Бийка, Чуйка и Курмач-Байгол. Опрос проходил посемейно, на взрослых опросный лист составлялся при личной беседе, на детей (в сокращённом варианте) – со слов родителей. В результате можно считать выборку вполне репрезентативной. В п. Курмач-Байголе (будем условно называть его «национальным посёлком»), где челканцы составляют большинство, опрошено 47 челканцев, в райцентре, с. Турочак, – 29, в Бийке и Чуйке (где челканцы составляют от $\frac{1}{5}$ до $\frac{1}{3}$ населения, в дальнейшем для краткости, будем называть их «смешанные посёлки») – 84. Такое распределение опрошенных по посёлкам соответствует реальному расселению челканцев по всей своей этнической территории. Все таблицы, имеющиеся в статье, составлены по результатам обработки опросных листов.

Исследователи отмечают, что, кроме челканской, среди этой группы существует и общеалтайская идентичность, которую в ряде случаев можно рассматривать как этническую, но также и как «национальную» республиканскую. Есть мнение двухуровневого самосознания челканцев, часть которых считает себя одновременно и алтайцами, и челканцами.

Среди самих челканцев нет единства – одни склонны рассматривать себя в качестве особого этноса, другие – осознают себя в составе алтайцев [Челканцы/чалканцы].

То, что отношение властей к челканской группе за последние годы дважды менялось (сначала признали отдельным этносом, затем вновь включили в состав алтайцев в качестве особого субэтноса), говорит о том, что вопрос этот сложный и неоднозначный. Мы решили обратиться с этим вопросом к самим челканцам в ходе массового опроса, с предложением высказать своё мнение. Результаты оказались следующими: 36% выразили желание числиться отдельным этносом по примеру соседних кумандинцев, 9,3% затруднились в ответе, а более половины опрошенных взрослых – 54,7% – выразили согласие с тем поло-

жением, в котором находятся сейчас, т.е. их устраивает статус субэтноса в составе алтайского этноса. Так что и для самих челканцев этот вопрос оказался непростым. Однако надо иметь в виду, что, будучи субэтносом в составе алтайцев, челканцы получили те льготы, которые предусмотрены малочисленным народам, и многих это вполне устроило.

Демографические показатели и миграции

Демографические характеристики челканцев показаны в таблице 1 (рис. 1).

Т а б л и ц а 1. Половозрастной состав челканцев (по данным опроса, %).

Table 1. Age and gender composition of Chelkans (according to the survey, %).

Возраст	Муж	Жен
80 и старше	0,6	0,6
70–79	0,6	3,1
60–69	4,4	10,6
50–59	5,0	7,5
40–49	5,6	9,4
30–39	4,4	6,2
20–29	3,8	3,8
10–19	8,1	12,5
До 10 лет	6,9	6,9

Обращает на себя внимание низкая доля молодых мужчин и женщин 20–29 лет (мужчины этой возрастной группы составили в структуре народа 3,8%, столько же и женщины). Это связано с миграциями молодежи за пределы своей этнической территории, прежде всего в города. Многие молодые люди, уезжая в города продолжать учебу, назад уже не возвращаются, тем более что многие получаемые в учебных заведениях профессии

в сельской местности не востребованы. У челканцев закончился переход от многодетных и среднедетных семей к малодетным, наиболее распространенный размер семьи – 2 человека (табл. 2). Тем не менее есть и некоторое количество семей большего размера (четверть семей – 5 и более человек), что позволяет сделать вывод об относительно благополучном естественном воспроизводстве челканцев.

Т а б л и ц а 2. Размер семей челканцев (по данным опроса, %)

Table 2. Chelkan family size (according to the survey, %)

	Размер семьи, чел.						
	1	2	3	4	5	6	7
Доля семей данного типа	14,1	29,6	19,7	11,3	16,9	7,0	1,4

Средний размер семьи – 3,5 человек – примерно соответствует показателям по всей стране.

Как уже говорилось, значительная часть челканцев в результате миграций оказалась за пределами основной этнической территории,

в первую очередь в г. Горно-Алтайске, и, судя по всему, миграции в города в предстоящие годы продолжатся. Об этом говорят данные опроса. Всего при опросе взрослых (18 лет и старше) выразили желание покинуть свои села 16,3% мужчин и 23,4% женщин. Казалось бы, это не так много, однако если обратиться к младшей группе – 18–29 лет, то показатели существенно выше – 40,0% юношей и молодых мужчин и 77,8% девушек. Главное направление миграций по-прежнему города, прежде всего Горно-Алтайск. Такие настроения молодежи, несомненно, приведут к дальнейшему сокращению численности челканцев на основной этнической территории. Миграции молодежи ведут к сокращению числа и доли молодых семей и, как следствие, постепенному сокращению рождаемости и ухудшению демографических показателей. На это указывает сравнение трех детских пятилетних возрастных групп. Дети и подростки 10–14 лет составляют в составе челканцев 10,6%, 5–9 лет – 7,5%, до 5 лет – 6,3%. Если миграции в том же объеме продолжатся (а скорее всего, так и будет), то это может привести со временем к отрицательным показателям воспроизводства.

Проживание в смешанной среде ведет к изменению всего образа жизни, в том числе и в области материальной культуры. Традиционные формы заменяются современными, городскими. В частности, мы замечаем, что традиционная национальная одежда постепенно исчезает, уступая место покупным вещам. В одежде из войлока ходили на охоту. Ее элементами являлись полусферическая шапка, халат (киис), безрукавка (ненгжок), чулки (уук), два типа рубаш (с раскошенными боковинами и без них), штаны, пояса (матерчатый и шерстяной). Непременной частью промысловой одежды были сапоги (онок) из хорошо выделанной конской кожи с холщовыми или кожаными голенищами [Челканцы gaipon.info; Малые северные народы; Бельгибаев, 2004].

В настоящее время, согласно нашему опросу, имеют национальную одежду 8,1% женщин (все возрастные группы, включая детей), у мужчин этой одежды не встретилось.

В это число входят участники художественной самодеятельности, у которых эта одежда хранится не дома, а в школе или в Доме культуры. Эту сценичную одежду лишь условно можно назвать национальной, она пошита в ателье и нередко стилизована.

Другие вещи традиционной материальной культуры челканцев (кроме одежды), согласно опросу, имеются в 33,3% семей. В райцентре эти предметы имеются у 6,7% семей, в смешанных селах – у 41,4%, в национальном поселке – у 57,1%.

В таком аспекте материальной культуры, как питание, сохранилось больше традиционного. Основой питания челканцев была дичь, мясо и рыба. Важное место занимали дикоросы: стебли и корни пеона, черемша, борщевик. Из сараны и кандыка готовили похлебку. Были в рационе и кедровые орехи. В конце XIX в. в рационе появляются мучные изделия и молочные продукты, творог, масло, простокваша, забродившее молоко. Из муки готовили тесто, пекли пироги и хлеб. Из крупы, толокна и теста делали такие блюда, как угре, тутпаш, мотко. Толокно было основой для многих блюд.

Скот обычно забивали ближе к зиме, голову животного сразу варили. Из кишкоров коровы и лошади готовили колбасу. Кишки заполняли смесью из крови, молока, лука и сала, варили кровяную колбасу – кан [Челканцы – происхождение...; Я люблю Родину; Малые северные народы].

В настоящее время блюда традиционной кухни употребляют, согласно нашему опросу, 88,4% мужчин (18 лет и старше) и 94,2% женщин, при этом регулярно – соответственно 44,2% и 52,2%. В национальных поселках доля употребляющих национальные блюда выше – 96,6%, в смешанных почти столько же – 95,2%, в райцентре 76,2% (регулярно – соответственно 69%, 50% и 19,1%). Обычно информаторы называют 2–3 наиболее популярных блюда.

Этноязыковые процессы

Язык челканцев, вместе с кумандинским и тубаларским, обычно относят к числу север-

ных диалектов алтайского языка, но в отличие от так называемых южных диалектов включают вместе с шорским, чулымско-татарским и хакасским языками в хакаскую подгруппу уйгуро-огузской группы тюркских языков. С 1980-х гг. язык челканцев начинает рассматриваться лингвистами и как самостоятельный объект изучения, без диалектной отнесенности к алтайскому языку [Челканцы raipon.info; Я люблю Родину].

Челканский язык постепенно уходит из жизни. Признала его родным треть опрошенных (33,8%). Еще 12,5% признали родным сразу два языка, челканский и русский.

Остальные 53,7% считают родным исключительно русский язык. В селах с высокой долей челканцев в населении показатели, естественно, выше (челканский язык – 59,6%, два языка – 12,8%), в смешанных – ниже (соответственно 27,4% и 14,3%), а там, где доля челканцев совсем мала (в райцентре с. Турачак), эти показатели оказались соответственно 10,3% и 6,9%. Распределение показателей родного языка по возрастным группам показывает таблица 3. С уменьшением возраста называют челканский язык в качестве родного все меньше респондентов.

Т а б л и ц а 3. Родной язык челканцев (по данным опроса, %)

Table 3. The Chelkans' native language (according to the survey, %)

Возраст	Родной язык		
	челканский	челканский и русский	русский
80 и старше	50,0	50,0	–
70–79	50,0	33,3	16,7
60–69	62,5	8,3	29,2
50–59	50,0	15,0	35,0
40–49	41,7	4,1	54,2
30–39	35,3	11,8	52,9
20–29	16,7	8,3	75,0
10–19	18,2	6,1	75,7
До 10 лет	4,5	27,3	68,2

Показатели по основному разговорному языку оказались еще ниже: лишь 5% назвали челканский язык, еще 19,4% – два языка – челканский и русский, остальные 75,6% – только русский. Чаще назвали челканский язык основным разговорным пожилые люди. Среди

тех, кому 60 лет и больше, назвали его основным разговорным (наряду с русским) 40,6%. Среди детей и молодежи до 20 лет этот показатель оказался лишь 9,1%.

Степень владения челканским языком показана в таблице 4.

Т а б л и ц а 4. Степень владения челканцами языком своей национальности (по данным опроса, %)

Table 4. The Chelkans' comprehension level of their native language (according to the survey, %)

Владеют челканским языком				
свободно	с некоторыми затруднениями	со значительными затруднениями	понимают, не говорят	не владеют
30,0	4,4	20,6	21,9	23,1

Распределение этого показателя по селам в зависимости от доли челканцев в их населении показано в таблице 5.

Т а б л и ц а 5. Степень владения челканцами языком своей национальности в населенных пунктах разного типа (по данным опроса, %)

Table 5. The Chelkans' comprehension level of their native language in settlements of different types (according to the survey, %)

Типы НП	Владеют челканским языком				
	свободно	с некоторыми затруднениями	со значительными затруднениями	понимают, не говорят	не владеют
Райцентр	10,3	6,9	6,9	34,5	41,4
Смешанные села	21,4	3,6	25,0	22,6	27,4
Национальные села	57,4	4,2	21,3	12,8	4,3

В младших возрастных группах степень владения языком своей национальности заметно падает (табл. 6, рис. 2).

Т а б л и ц а 6. Степень владения языком своей национальности в разных возрастных группах челканцев (по данным опроса, %)

Table 6. The Chelkans' comprehension level of their native language in different age groups (according to the survey, %)

Возраст	Владеют челканским языком				
	свободно	с некоторыми затруднениями	со значительными затруднениями	понимают, не говорят	не владеют
80 и старше	100	—	—	—	—
70–79	83,3	—	—	16,7	—
60–69	54,2	8,3	25,0	12,5	—
50–59	40,0	5,0	25,0	20,0	10,0
40–49	37,5	4,2	4,2	33,3	20,8
30–39	41,2	5,9	23,5	23,5	5,9
20–29	—	8,4	25,0	33,3	33,3
10–19	—	3,0	30,3	24,3	42,4
До 10	18,2	—	18,2	13,6	50,0

Русским языком владеют свободно 98,8%, а 1,2% владеют им с небольшим затруднением (старика). В разных сферах общения преобла- дает русский язык, челканский язык используется менее интенсивно (табл. 7).

Т а б л и ц а 7. Использование челканского и русского языков в разных ситуациях (по данным опроса, %)

Table 7. Use of Chelkan and Russian languages in different situations (according to the survey, %)

Используют при общении	Языки		
	челканский	челканский и русский	русский
С родителями	21,2	39,4	39,4
С братьями и сестрами	13,1	22,2	64,7
С друзьями	5,2	26,0	68,8
С супругами	18,0	14,6	67,4
С детьми	9,0	19,1	71,9
На работе	4,2	21,9	73,9

Во всех ситуациях челканский язык используют чаще в пожилом возрасте. Например, при общении с родителями использовали челканский язык (наряду с русским) 90,6% челканцы от 60 лет и старше.

На территории республики повсеместным было изучение алтайского литературного языка, разработанного на основе языка южных алтайцев (алтай-кижи), составляющих большинство в составе народа. Изучали его и в школах на территории расселения северных алтайцев, т.е. в Турочакском районе. В нашей выборке 30,9% челканцев старше 7 лет (т.е. взрослые и дети школьного возраста) отметили, что изучали алтайский язык в школе. Особенно высок этот показатель в национальном селе – Курмач-Байголе, где его изучали 65,8% опрошенных, в смешанных селах гораздо меньше – 18,4%, еще меньше в райцентре – 16,0% (причем в райцентре и в смешанных поселках чаще отвечали утвердительно те, кто в детстве жил в национальных поселках).

В результате изучения алтайского языка 7,9% заявили, что могут на нем читать и писать, еще 23,7% – только читать (писать затрудняются), при этом большинство отмечали, что читать в реальной жизни почти не приходится, а поводов писать нет вообще (исключение – попавшие в выборку учителя алтайского языка). По поселкам разного национального состава разброс показателей такой: национальные поселки – могут читать и писать 13,2%, только читать – еще 42,1%, смешанные поселки – соответственно 6,6% и 18,4%, райцентр – 4% и 12%.

Некоторые освоили и разговорную южно-алтайскую речь. Заявили, что владеют этим языком свободно 1,9% опрошенных челканцев всех возрастов, с некоторыми затруднениями – 2,5%, со значительными затруднениями 12,5%, только понимают 27,5%, не владеют 55,6%. Прослеживается корреляция этого показателя с изучением алтайского языка в школе. Среди тех, кто его учил, хотя бы понимают 60,5%, среди тех, кто не изучал, – 43,7%.

В селах разного национального состава показатель владения алтайским языком заметно варьирует: в райцентре его хотя бы понимают 20,7%, в смешанных селах – 42,9%, в национальных – 61,7%.

В области духовной культуры компетенция респондентов коррелирует со степенью владения языком своей национальности. Это проявляется, в частности, с уровнем знакомства респондентов с фольклором своего народа.

У челканцев сохраняются богатые фольклорные традиции – сказительская и шаманская. Из форм устного народного творчества распространены песни, сказки, пословицы, поговорки, загадки. Бытовала также культура охотничьих сигналов и звукоподражаний [Кандаракова, 1994; Кандаракова, 1999; Челканцы в исследованиях, 2000].

Обратимся к такому популярному виду фольклора, как народные песни. В настоящее время, согласно нашему опросу, большинство челканцев (от 8 лет и старше) поют только на русском языке – 67,6%, еще 27,3% ответили, что поют на двух языках, и лишь 5,1% преимущественно на челканском. В национальных селах показатель использования челканского языка (наряду с русским) несколько выше – 36,9%. Среди тех, кому 60 лет и более, поют на челканском языке (наряду с русским) 46,9% опрошенных, в возрастной группе 40–59 лет – 36,4%, среди детей и лиц среднего возраста (от 8 до 39 лет) – 22,2%.

Среди опрошенных взрослых и детей (8 лет и старше) 38,6% ответили, что помнят слова челканских песен, из них 10,7% помнят их больше 3-х. Любители песен на этом языке чаще встречаются в национальных селах, а также среди пожилых, например, в возрасте 60 лет и старше знают хотя бы 1–2 песни 56,2%, в возрасте 40–59 лет – 38,6%, в возрасте 8–39 лет – 29,7%.

С таким видом фольклора, как сказки, знакомы 55,0% опрошенных (взрослые и дети школьного возраста), но могли бы их пересказать лишь 21,4%. Среди пожилых людей эти показатели выше, поскольку среди них больше тех, кто вообще понимает челканский

язык. Среди тех, кому 60 лет и более, знакомы с народными сказками 81,3 %, в том числе помнят их и могут рассказать 46,9%. В возрасте 40–59 лет знакомы с этим жанром фольклора 56,8%, хотя помнят только 25,0%. В возрасте 8–39 лет слышали сказки 40,6%, но могли бы их пересказать лишь 6,3 %.

Изменяется компетенция челканцев и в области традиционных обрядов. Обратимся к таким обрядам, как свадебный и похоронный. Главной ячейкой общества челканцев являлась моногамная семья. Браки внутри родов были запрещены. Брак был патрилокальный. Широко был распространен брак через сватовство, в ходе которого стороны договаривались о размере калыма. Имели место также сговор между родителями малолетних детей, брак «убегом», кража невест. Весьма предпочтительным считался кузенный брак. Отмечен обычай левирата, который предусматривал, что вдова выходит замуж за брата умершего мужа [Челканцы – происхождение...].

В ходе нашего опроса 34,3% взрослых отметили, что слышали об отдельных элементах сватовства и свадебного обряда. Но в жизни он давно не практикуется, даже старики его не наблюдали.

Своеобразием отличался похоронный обряд челканцев. Умерших оборачивали в бересту, вывозили и оставляли на земле или подвешивали гроб с телом на дереве, 9 и 40 дней не отмечали. Позже челканцы переняли у русских обычай отмечать эти даты поминальным обедом. Через 40 дней после похорон приглашали шамана, который проводил обряд отведения души, к столу подавали вареное мясо. В течение года в семье, где умер человек, не принято было веселиться, дочь не должна выходить замуж, а сын жениться.

Запрещалось в течение года снова выходить замуж вдове. Членам семьи умершего не позволялось ходить на священные места и минеральные источники [Челканцы – происхождение...; Я люблю Родину; Малые северные народы].

Наш опрос показал, что слышали о похоронном обряде и имеют представление о нем (хотя бы о его элементах) 27,5% взрослых, но в быту его уже никто не наблюдал, даже старики. При опросе задавался вопрос о религиозной принадлежности. Традиционное верование народа – пантеизм и шаманизм. Основой пантеизма является культ предков и анимизм. У челканцев существовал свой пантеон богов, они верили, что существуют духи-хозяева озер, рек и тайги. Важное место занимал культ огня. Встречается среди челканцев и бурханизм. Большое влияние на народ оказала Алтайская духовная миссия. Под ее влиянием многие челканцы приняли христианство, но до сих пор у них сохраняются языческие верования [Челканцы – происхождение...; Я люблю Родину].

В ответах на этот вопрос 50% мужчин (18 лет и старше) выразили свою приверженность традиционному культу, еще 9,5% ответили, что наряду с традиционным культом признают и православие, 7,1% посчитали себя православными, 4,8% признают наличие «высшей силы», но ни к какой религии себя не относят, остальные 28,6% выразили равнодушие к любой религии или назвали себя атеистами. Среди женщин показатели несколько иные. Традиционный культ признали 28,8%, сочетают в своем мировоззрении традиционный культ с православием 19,7%, определили себя как православные 27,3%, иные ответы дали 4,5%, атеистов среди них оказалось 22,7% (табл. 8, 9).

Т а б л и ц а 8. Религиозная принадлежность челканцев (по данным опроса, %)

Table 8. The Chelkans' religious affiliation (according to the survey, %)

	Атеисты	Традиц. культ	Традиц. культ и православные	Православные	Другое
Мужчины	28,6	50,0	9,5	7,1	4,8
Женщины	22,7	28,8	19,7	27,3	4,5

Т а б л и ц а 9. Религиозная принадлежность челканцев разных возрастных групп (по данным опроса, %)

Table 9. Religious affiliation of the Chelkans of different age groups (according to the survey, %)

Возраст	Атеисты	Традиц. культ	Традиц. культ и православные	Православные	Другое
60 и старше	12,5	43,8	25,0	15,6	3,1
40–59	22,0	43,9	9,7	22,0	2,4
18–39	36,8	23,7	13,2	18,4	7,9

К младшим возрастам уменьшается доля приверженцев традиционного культа, увеличивается доля атеистов. Значительное влияние на этнические процессы оказывают национально-смешанные браки. Однонациональных

семей у челканцев в выборке оказалось 37,7% (не считая одиночек), национально-смешанных 62,3%, что указывает на прорыв эндогамии. Большинство браков челканцы заключают с русскими (табл. 10, рис. 3).

Т а б л и ц а 10. Национальный состав семей челканцев (по данным опроса)

Table 10. The national composition of Chelkan families (according to the survey)

Национальный состав семей	Количество семей
Челканцы	23
Челканцы – русские	27
Челканцы – юж. алтайцы	4
Челканцы – тубалары	2
Челканцы – кумандинцы	2
Челканцы – марийцы	2
Челканцы – русские – Кумандинцы	1

В национальных селах таких семей ожидаемо меньше – 16,6%, в смешанных 59,4%,

в райцентре – 100%. Национальный состав супружеских пар показывает таблица 11.

Т а б л и ц а 11. Национальность супругов челканцев (по данным опроса, чел.)

Table 11. Nationality of the Chelkans' spouses (according to the survey, people)

Национальность супругов	Мужчины	Женщины
Челканцы	14	14
Русские	9	17
Алтайцы	1	1
Марийцы	–	2
Тубалары	–	2
Кумандинцы	–	1
% смешанных браков	41,7	64,1

Высокий процент национально-смешанных семей привел к появлению большого количества лиц смешанного происхождения, тем более что в этих семьях более половины детей определяются родителями как челканцы – 58,5%.

Челканцы относятся к смешанному монголоидно-европеоидному антропологическому типу, именуемому уральским [Челканцы –

происхождение...; Я люблю Родину]. Причем монголоидные черты у них визуально явно преобладают. Смешение же происходит чаще с представителями европеоидной расы, в основном с русскими.

Сейчас уже 62,5% челканцев являются смешанными по происхождению (табл. 12), а среди детей до 10 лет метисами являются 90,9% (табл. 13, рис. 4). Это означает, что

при естественной смене поколений почти все челканцы станут смешанной в этническом и антропологическом плане популяцией.

**Т а б л и ц а 12. Этнорасовый состав челканцев
(по данным опроса, %)**

**Table 12. The Chelkans' ethnic and racial composition
(according to the survey, %)**

Национальность ближайших предков			
челканцы	челканцы и монголоидные народы	челканцы, монголоидные и европеоидные народы	челканцы и европеоидные народы
37,5	20,0	10,6	31,9

**Т а б л и ц а 13. Этнорасовый состав челканцев разных возрастных групп
(по данным опроса, %)**

**Table 13. Ethnic and racial composition of the Chelkans of different age groups
(according to the survey, %)**

Возраст	Национальность предков			
	челканцы	челканцы и монго- лоидные народы	челканцы, монголоидные и европеоидные народы	челканцы и европеоидные народы
80 и старше	100	—	—	—
70–79	83,3	16,7	—	—
60–69	50,0	37,5	—	12,5
50–59	55,0	5,0	5,0	35,0
40–49	50,0	25,0	—	25,0
30–39	47,0	5,9	5,9	41,2
20–29	16,7	25,0	25,0	33,3
10–19	18,2	12,1	24,2	45,5
До 10 лет	9,1	31,8	18,2	40,9

Из сибирских народов челканцы смешива- (табл. 14). Смешение с европейскими наро-
ются в основном с соседями – кумандинцами, дами, в основном с русскими, более масштабно
тубаларами, а также с южными алтайцами (табл. 15, 16).

**Т а б л и ц а 14. Доля челканцев с компонентом иных монголоидных народов
(по данным опроса, %)**

**Table 14. The share of the Chelkans with a component of other Mongoloid peoples
(according to the survey, %)**

Доля монголоидного компонента			
Нет	Менее ½	½	Более ½
69,4	16,3	11,2	3,1

½ компонента – один из родителей чел-
канец, второй – представитель иных наци-
ональностей; менее ½ компонента – один
из родителей челканец, второй – метис (напо-
ловину челканец); более ½ компонента – один
из родителей метис, второй – представитель
иных национальностей.

Смешение с соседними алтайскими наро-
дами не меняет антропологический облик
челканцев, в отличие от смешения с русскими
и другими европейскими народами. Среди
детей и молодежи более половины челканцев
имеют ту или иную долю европеоидного ком-
понента (табл. 17, рис. 5, 6), а значит, по мере

смены поколений челканцы все больше в результате этногенеза, а приобретенный будут приближаться к облику окружающего через смешанные браки последних десятилетий). русского населения (имеется в виду не древний европеоидный компонент, полученный

Т а б л и ц а 15. Доля метисов с компонентом европеоидных народов в составе челканцев (по данным опроса, %)

Table 15. The share of mestizos with a component of Caucasoid peoples in the Chelkans' composition (according to the survey, %)

Доля европеоидного компонента			
Нет	Менее ½	½	Более ½
57,5	11,2	25,0	6,3

Т а б л и ц а 16. Доля метисов с компонентом европеоидных народов среди челканцев в селах разного национального состава (according to the survey, %)

Table 16. The share of mestizos with a component of Caucasoid peoples among the Chelkans in villages of different national composition (according to the survey, %)

Типы населенных пунктов	Доля компонента европейских народов			
	Нет	Менее ½	½	Более ½
Райцентр	41,4	-	48,3	10,3
Смешанные села	56,0	11,9	23,8	8,3
Национальные села	70,2	17,0	12,8	—

Т а б л и ц а 17. Доля метисов с компонентом европеоидных народов среди челканцев разных возрастных групп (по данным опроса, %)

Table 17. The share of mestizos with a component of Caucasoid peoples among the Chelkans of different age groups (according to the survey, %)

Возраст	Доля компонента европейских народов			
	Нет	Менее ½	½	Более ½
80 и старше	100	—	—	—
70–79	100	—	—	—
60–69	87,5	—	12,5	—
50–59	60,0	—	40,0	—
40–49	75,0	—	25,0	—
30–39	52,9	5,9	35,3	5,9
20–29	41,7	8,3	41,7	8,3
10–19	30,3	27,3	24,2	18,2
До 10	40,9	31,8	18,2	9,1

Из числа метисов, определивших себя как челканцы, 96,9% уверены в своем выборе, остальные 3,1% «колеблются» между двумя национальностями родителей (или «коле-

блются» родители при определении национальности своих детей в смешанных семьях).

В родословной челканцев в нашей выборке встретилось 17 сочетаний разных национальностей (табл. 18).

Т а б л и ц а 18. Национальность ближайших предков челканцев (по данным опроса)
Table 18. Nationality of the Chelkans' nearest ancestors (according to the survey)

Национальности	Человек	Национальности	Человек
Челканцы (Ч)	60	Ч-поляки	1
Ч-тубалары	9	Ч-немцы	1
Ч-кумандинцы	3	Ч-русские-тубалары	7
Ч-юж. алтайцы	13	Ч-русские-юж. алтайцы	4
Ч-шорцы	1	Ч-русские-шорцы	1
Ч-хакасы	1	Ч-хакасы-немцы	4
Ч-казахи	5	Ч-русские-поляки	1
Ч-русские	47	Ч-русские – кумандинцы	1
Ч-украинцы	1		

Чаще всего в родословных кумандинцев встречаются русские – у 38,1% опрошенных, остальные национальности называются значительно реже: тубалары у 10%, южные алтайцы у 10,6%.

В целом можно констатировать, что челканцы постепенно превращаются в группу русскоязычных метисов, но с сохранением этнического самосознания. Усугубляет ассимиляционные процессы то, что на основной этнической территории в большинстве сел челканцы составляют меньшинство, живут в смешанной среде. Это не способствует сохранению национальной идентичности, языка и культуры.

Литература

Бельгибаев Е. А. Традиционная материальная культура челканцев бассейна р. Лебедь (вторая половина XIX–XX в.). Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 2004. 300 с.

Кандаракова Е. П. Легенды Северного Алтая (на материале челканского фольклора). Горно-Алтайск: [б. и.], 1994. 87 с.

Кандаракова Е. П. Обычаи и традиции челканцев. Горно-Алтайск: [б. и.], 1999. 176 с.

Малые северные народы. Челканцы [Электронный ресурс]. URL: id77.livejournal.com/5155386.html (дата обращения: 20.08.2024).

Челканцы в исследованиях и материалах XX века. М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 2000. 155 с.

Челканцы [Электронный ресурс]. URL: wikipedia.org/wiki/Челканцы (дата обращения: 23.04.2024).

Челканцы – происхождение народа, где и как живут, фото [Электронный ресурс]. URL: <https://travelask.ru/articles/chelkantsy-altayskiy-korennoy-narod> (дата обращения: 05.09.2024).

Челканцы [Электронный ресурс]. URL: raipon.info/narody/chelkantsy/ (дата обращения: 28.08.2024).

Челканцы/чалканцы – «этническая идентичность» [Электронный ресурс]. URL: dereksiz.org/etnicheskaya-identichnost-i (дата обращения: 18.02.2024).

Я люблю Родину! Челканцы [Электронный ресурс]. URL: sites.google.com/view/nationsofrussia/ (дата обращения: 9.05.2024).

References

Belgibaev E. A. Traditsionnaya material'naya kul'tura chelkantsev basseina r. Lebed' (vtoraya polovina XIX–XX v.) [Traditional material culture of the Chelkans of the Lebed River basin (the second half of the 19th-20th centuries)]. Barnaul, Altai State University Press., 2004, 300 pp. (In Russian)

Chelkantsy – proiskhozhdenie naroda, gde i kak zhivut, foto [The Chelkans – origin of the people, where and how they live, photo]. [Electronic resource]. URL: <https://travelask.ru/articles/chelkantsy-altayskiy-korennoy-narod> (accessed on September 05, 2024). (In Russian)

Chelkantsy/chalkantsy – “Etnicheskaya identichnost” [The Chelkans/the Chalkans – “Ethnic identity”]. [Electronic resource]. URL: dereksiz.org/etnicheskaya-identichnost-i (accessed on February 18, 2024). (In Russian)

Chelkantsy [The Chelkans]. [Electronic resource]. URL: raipon.info/narody/chelkantsy/ (accessed on August 28, 2024). (In Russian)

Chelkantsy [The Chelkans]. [Electronic resource]. URL: wikipedia.org/wiki/Chelkans (accessed on April 23, 2024). (In Russian)

Chelkantsy v issledovaniyakh i materialakh XX veka [The Chelkans in research and materials of the 20th century]. Moscow, Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, 2000, 155 pp. (In Russian)

Kandarakova E. P. Legendy Severnogo Altaya (na materiale chelkansкого fol'klora) [Legends of the

Northern Altai (based on Chelkan folklore)]. Gorno-Altai, 1994, 87 pp. (In Russian)

Kandarakova E. P. Obychai i traditsii chelkantsev [The Chelkans' customs and traditions]. Gorno-Altai, 1999, 176 pp. (In Russian)

Malye severnye narody. Chelkantsy [Small northern peoples. The Chelkans]. [Electronic resource]. URL: id77.livejournal.com "5155386.html (accessed on August 20, 2024). (In Russian)

Ya lyublyu Rodinu! Chelkantsy [I love my homeland! The Chelkans]. [Electronic resource]. URL: sites.google.com/view/nationsofrussia/(accessed on May 05, 2024). (In Russian)

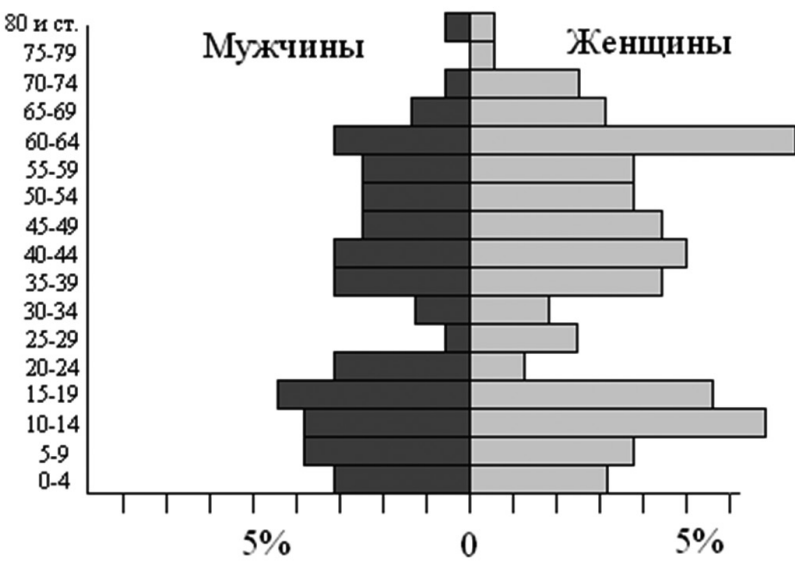

Рис. 1. Половозрастная структура челканцев

Fig. 1. Age and gender structure of the Chelkans

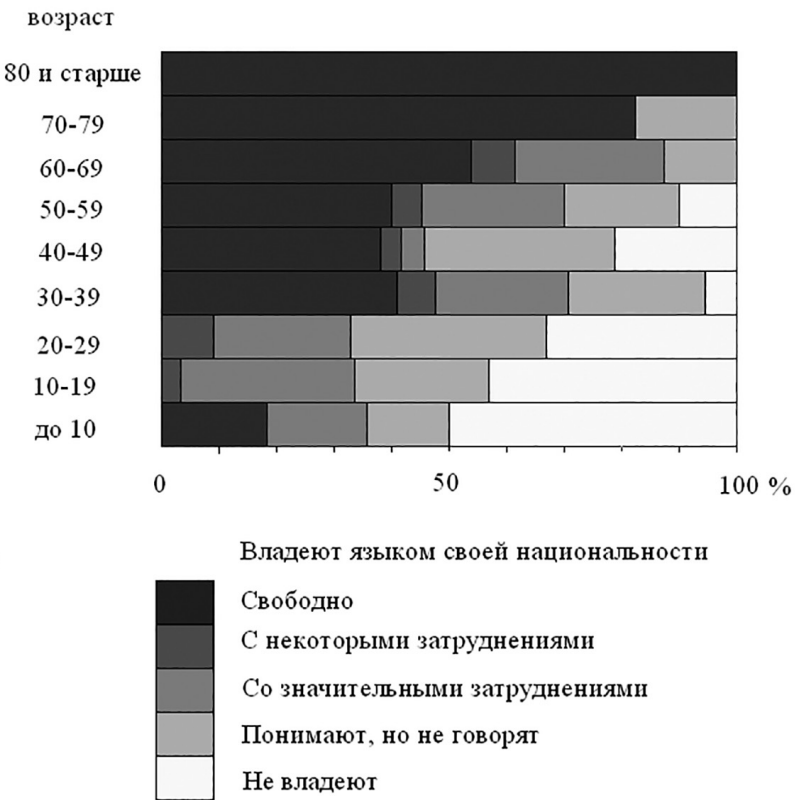

Рис. 2. Степень владения языком своей национальности челканцами разных возрастных групп

Fig. 2. The Chelkans' comprehension level of their native language in different age groups

Рис. 3. Национально-смешанные семьи челканцев. Муж русский
Fig. 3. The Chelkans’ nationally mixed families. Husband is Russian

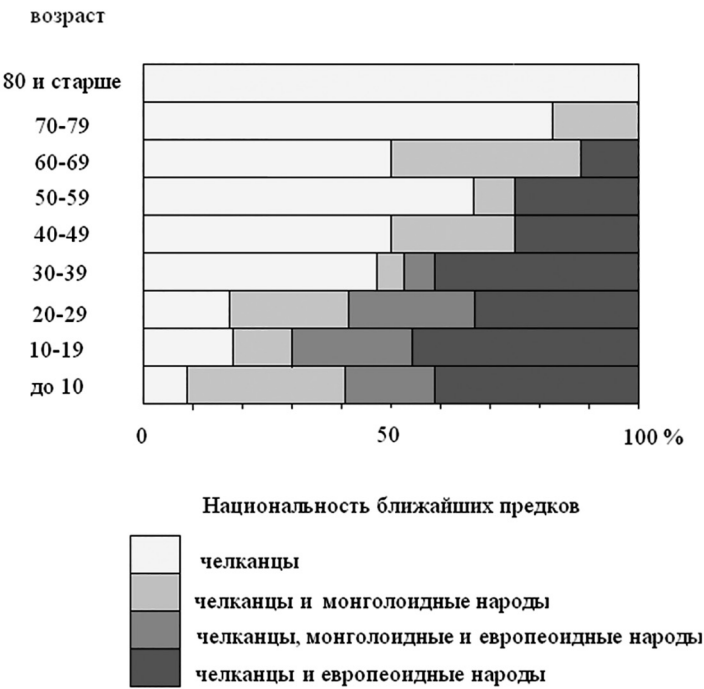

Рис. 4. Этнорасовый состав челканцев разных возрастных групп
Fig. 4. Ethnic and racial composition of the Chelkans of different age groups

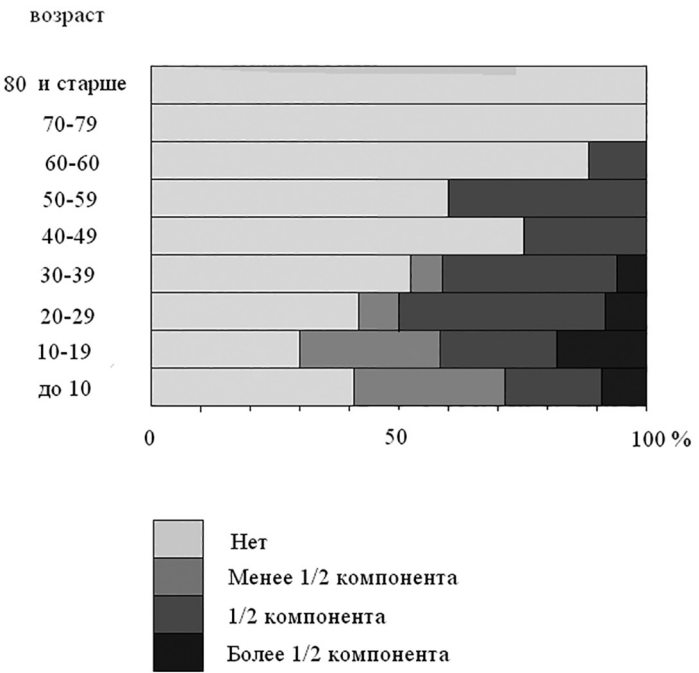

Рис. 5. Доля метисов с европеоидным компонентом в разных возрастных группах челканцев

Fig. 5. The share of mestizos with a Caucasoid component among the Chelkans of different age groups

Рис. Челканки-метиски, мать и дочь

Fig. 6. The Chelkans-mestizos, mother and daughter

Языкознание

DOI 10.52782/KRIL.2025.1.45.006

УДК 811.512.153

ВЛИЯНИЕ ДИАЛЕКТНОЙ СРЕДЫ НА ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ УСТНОЙ ФОРМЫ ХАКАССКОГО ЯЗЫКА (ПО МАТЕРИАЛАМ КОМПЛЕКСНОЙ ЭКСПЕДИЦИИ ХАКНИИЯЛИ В 2022 г.)

А. С. Кызласов

Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории, ул. Щетинкина, 23, г. Абакан, 655017, Россия; email: kyzlasov60@mail.ru; ORCID 0000-0003-0318-5808

Статья посвящена описанию результатов языковой экспедиции, проведенной в 2022 г. в Таштыпском районе Республики Хакасия. В состав экспедиции вошли научные сотрудники Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории. В работе выделяются и описываются характерные лексические особенности сагайского диалекта хакасского языка. Приводятся статистические данные об отношении носителей к перспективам сохранения диалекта. Также в статье приведены образцы разговорной речи некоторых информантов. Основной целью экспедиции являлся сбор современных данных по сагайскому диалекту хакасского языка, а именно фиксация языковых материалов сагайского диалекта, проведение анкетирования по выявлению языковой ситуации в селах компактного проживания носителей этих диалектов. На основе анкетирования выявлены некоторые аспекты существования сагайского диалекта хакасского языка. Был проведен сравнительный анализ данных с данными предшествующих экспедиций в другие районы. По результатам анализа можно сделать вывод о проблемах функционирования и развития хакасского языка.

Ключевые слова: хакасский язык, языковая ситуация, анкетирование, сагайский диалект.

INFLUENCE OF THE DIALECT ENVIRONMENT ON THE FUNCTIONING OF THE ORAL FORM OF THE KHAKASS LANGUAGE (BASED ON THE MATERIALS OF THE COMBINED LANGUAGE EXPEDITION OF KHAKASS RESEARCH INSTITUTE FOR LANGUAGE, LITERATURE, AND HISTORY IN 2022)

Artyom S. Kyzlasov

Khakass Research Institute for Language, Literature, and History, 23 Shchetinkin Str., Abakan, 655017, Russia; email: kyzlasov60@mail.ru; ORCID: 0000-0003-0318-5808

The article describes the linguistic results of the Combined Language Expedition conducted in 2022 in the Tashtyp District of the Republic of Khakassia. The expedition included researchers from Khakass Research Institute for Language, Literature, and History. The characteristic lexical features of the Sagai dialect of the Khakass language are distinguished and described. Statistical data on the native speakers' attitude to the prospects of preserving the dialect are presented. The article also provides samples of the spoken language of some informants. The main purpose of this expedition was to collect up-to-date data on the Sagai dialect of the Khakass language, namely, to record linguistic materials of the Sagai dialect, to conduct a survey to identify the linguistic situation in the areas where speakers of these dialects live compactly. Some aspects of the existence of the Sagai dialect of the Khakass language are identified based on

the questionnaire. The obtained data was analyzed with comparison of the data from previous expeditions to other districts. According to the results of the comparative analysis, it is possible to draw a conclusion about the problems of functioning and development of the Khakass language.

Keywords: Khakass language, linguistic situation, questionnaire, Sagai dialect.

Введение

Процессы глобализации, развитие информационных технологий в XXI в., национальная ассимиляция вносят свои коррективы в судьбу языков народов России, ставших миноритарными. Хакасский язык подвергается угрозе исчезновения. Сложившаяся на данном этапе языковая ситуация в республике требует новых системных подходов в преподавании хакасского языка и литературы на всех уровнях образования: от дошкольного до высшего профессионального. Несомненно, воспитанию хакасско-русских билингвов и повышению языковой идентичности личности способствует получение образования на родном языке в дошкольных учреждениях и начальных классах и двуязычное образование на уровне основного и среднего общего образования.

Хакасский язык сегодня имеет минимальные функции языка обучения и изучения. Число владеющих родным (хакасским) языком в республике стремительно уменьшается, о чем свидетельствуют социологические исследования 2008–2009 гг. 30 лет назад у хакасов было определенное равновесие хакасского и русского языков, а сегодня наблюдаем перевес русского языка в общении. Так, например, если в 1950–1970-е гг. языковой ассимиляции были подвержены городские жители и жители сел северных районов (Орджоникидзевский, Ширинский), районных центров, то в последние десятилетия и в селах с хакасским населением в языковой коммуникации предпочтение отдается русскому языку [Концепция преподавания хакасского языка... 2017, с. 7].

Количество читающих и понимающих художественную литературу на хакасском языке «составляет всего 21 % взрослого населения» [Кривоногов, 2011, с. 139].

«В условиях угрозы исчезновения языков и диалектов возникает необходимость в сборе,

накоплении, фиксации языковых данных для того, чтобы выявить их фонетические, лексические, морфологические, синтаксические особенности» [Сунчугашев, Чебокакова, 2013, с. 381]. Создание фонда накопленных данных в будущем может послужить основой для возрождения и дальнейшего изучения утраченного языка или диалекта. Основную часть этих задач могут решать комплексные лингвистические экспедиции [Кызласов, Белоглазов, 2024, с. 121–125].

В Республике Хакасия, согласно данным переписи населения 2020 г., русские составляют 80,3 %, хакасы – 12,0 %, немцы и украинцы – по 1,1 %, татары – 0,6 % [Национальный состав населения Республики Хакасия, с. 5].

Основная часть

Целью статьи является описание результатов языковой экспедиции, проведенной научными сотрудниками ХакНИИЯЛИ в Таштыпском районе Хакасии. Основной целью экспедиции являлся сбор современных данных по сагайскому диалекту хакасского языка, а именно фиксация языковых материалов сагайского диалекта и проведение анкетирования по выявлению языковой ситуации в селах компактного проживания носителей этого диалекта.

Хакасский язык является многодиалектным. Несмотря на немногочисленный состав его носителей, в нем выделяется четыре территориальных диалекта с говорами внутри них: сагайский, качинский, кызыльский и шорский. Названия диалектов восходят к известным с дореволюционного времени самоназваниям этнических групп (субэтносов): *хаастар* ‘качинцы’ (Ширинский, Усть-Абаканский и Алтайский районы), *сагайлар* ‘сагайцы’ (Аскизский район и северная часть Таштыпского района), *хызыллар* ‘кызыльцы’ (Орджоникидзевский район

и часть Ширинского района), *шорлар* ‘шорцы’ (Таштыпский район).

В языковом отношении хакасские диалекты и говоры разделяются на две различные группы: 1) качинский, кызыльский, шорский диалекты, а также койбальский говор; 2) сагайский диалект и бельтирский говор. При формировании литературного языка опорными были выбраны диалекты двух основных и наиболее многочисленных хакасских субэтносов – качинского и сагайского. Эти диалекты близки в морфологическом отношении, но в фонетическом и лексическом отношениях имеют существенные различия. Например, качинский диалект сохраняет общетюркские *ч* и *ш* в анлауте и инлауте корневых слов, тогда как в сагайском диалекте бельтирского говора здесь появляется *с*, озвончаемое в интервокальной позиции в *-з*. Анлаутный общетюркский *й* еще сохраняется в качинском диалекте, в сагайском диалекте всегда переходит в *ч*. По этим типам фонетических междиалектных соответствий в качестве норм литературного языка были приняты особенности сагайского диалекта: «секанье» и начальное *ч*. По показаниям качинского диалекта в качестве норм литературного языка закреплено сохранение общетюркских широких огубленных *о* и *ö*, которые в сагайском диалекте сужаются в *у* и *jü* (лит., кач. *хол* ‘рука’ – саг. *хул*; лит., кач. *кöl* ‘озеро’ – саг. *күл*). В области лексики указанные диалектные группировки хакасского языка имеют как немало общего, так и довольно много отличий.

Следует также отметить, что в XX в. значительно возросло междиалектное взаимодействие, особенно стимулированное формирующимся с 1920-х гг. литературным языком. Через печать, радио и телевидение диалектные лексемы, как обычно, получают фактический статус литературных. И поэтому они достаточно часто усваиваются представителями остальных диалектов. Такое же явление наблюдается и на уровне непосредственного живого общения между представителями разных диалектных групп.

Современное состояние говорит о значительном сокращении количества владеющих родным языком. Изменение количественного

соотношения носителей диалектов хакасского языка в пользу сагайского (с 32,7% до 71,7% во всем этносе, включая значительный по численности носителей бельтирский говор) привело к несоответствию хакасского литературного языка, базировавшегося главным образом на качинском диалекте, современному разговорному языку, основанному на сагайском диалекте. Сагайцев, владеющих родным языком, значительно больше, чем владеющих родным языком в других субэтнусах, – от 70% до 100%. Следовательно, численность сагайцев, владеющих родным языком, составляет от 34,7 тыс. человек до 49,6 тыс. человек. Как отмечает В. Г. Карпов, «...в последние десятилетия произошло расхождение между литературным хакасским языком, базированным на качинском диалекте, и языком, на котором говорит большинство хакасов-сагайцев» [Карпов, 2007, с. 28].

Современная языковая ситуация, которая обусловлена этническими и социально-политическими процессами, происшедшими в последние десятилетия в истории хакасов, заставляет исследователей хакасского языка, занимающихся проблемами формирования его литературной формы, по-другому посмотреть на проблему диалектной базы современного хакасского литературного языка и обсудить возможные направления нормализации государственного языка. Среди многих аспектов этой проблемы – сближение литературного языка с диалектами. В хакасском языкознании всегда велась работа по исследованию особенностей диалектов. Написаны статьи и диссертации, работы монографического характера. На современном этапе не прекращаются работы по сбору и регистрации лингвистических особенностей диалектов хакасского языка. В том числе ведутся работы при поддержке российских научных фондов. Поэтому перед исследователями диалектов хакасского языка в настоящее время стоит решение задачи, которая представляет собой часть общей программы фундаментальных и прикладных исследований современного хакасского языка. Они служат не только целям фиксации наличного языкового материала, но и отвечают задачам возрождения языков

малочисленных этносов из числа титульных наций субъектов Российской Федерации [Боргояков, 2019, с. 543].

В рамках выполнения государственного задания «Изучение языковой ситуации в местах компактного проживания коренного населения» (по линии Министерства образования и науки РФ) в 2023 г. научные сотрудники ХакНИИЯЛИ (А. С. Кызласов – руководитель экспедиции, в. н. с. сектора языка, к. ф. н.; П. Е. Белоглазов – с. н. с. сектора языка, к. ф. н.; Р. П. Абдина – с. н. с. сектора языка, к. ф. н.; Р. Г. Киргинеков – н. с. сектора языка; А. А. Бурнаков – н. с. сектора истории; Е. С. Торокова – с. н. с. сектора фольклора, к. ф. н.) приняли участие в экспедиции в Таштыпский район Республики Хакасия.

Основные цели и задачи экспедиции – сбор данных о носителях сагайского диалекта хакасского языка, выявление и описание языковой ситуации в районах компактного проживания сагайцев, запись образцов звучащей речи носителей сагайского диалекта на электронные носители, комплексный сбор материалов для научного описания современного состояния и особенностей сагайского диалекта и создания электронного корпуса текстов на данном диалекте.

Исследования проводились в населенных пунктах Таштыпского района, в которых проживает коренное население, это: с. Арбаты (Арбыт аал), п. Малые Арбаты (Кічіг Арбыт п.), д. Большие Арбаты (Улуғ Арбыт аал), д. Бутрахты (Пыдырах аал), с. Чиланы (Чыланн҃ыг аал) д. Карагай (Харағай аал), д. Кирово (Чанайлар аалы), д. Харачул (Харачул аал), с. Имек (Ибіг аал), д. Верхний Имек (Чоғархы Ибіг аал), д. Харой (Харой аал). Было записано более 30 часов звучащей речи на видео- и аудионосители.

В Таштыпском районе сделали записи лексического материала и речь носителей сагайского диалекта следующих информантов:

– в с. Арбаты: Анисья Ивановна Саражакова, 1954 г.р., Наталья Алексеевна Тюкпеева, 1961 г.р.;

– в п. Малые Арбаты: Елизавета Кирилловна Сагалакова (Артонова), 1941 г.р., Валентина Ивановна Чильчигашева (Артонова),

1958 г.р., Мария Андреевна Индыгашева (Бозыкова), 1959 г.р., Василий Иванович Индыгашев, 1959 г.р., Николай Васильевич Тиспиреков, 1958 г.р., Михаил Еремеевич Сагалаков, 1952 г.р., Евдокия Григорьевна Сагалакова (Карачакова), 1955 г.р., Гаврил Карламович Карамчаков, 1955 г.р., Олег Семенович Сазанак, 1963 г.р.;

– в д. Большие Арбаты: Любовь Кирилловна Индыгашева, 1945 г.р.; Ирина Тимофеевна Толмашова (Сазанак), 1980 г.р., Тарика Архиповна Индыгашева, 1974 г.р., Елизавета Кирилловна Артонова, 1941 г.р., Клавдия Ананьевна Тиспирекова (Сазанак), 1969 г.р.;

– в д. Бутрахты: Клавдия Анатольевна Ахпашева, 1960 г.р., Нина Кононовна Торокова (Боргоякова), 1957 г.р., Елизавета Петровна Баскучекова, 1972 г.р., Светлана Алексеевна Торокова (Субракова), 1975 г.р., Игорь Васильевич Мамышев, 1958 г.р., Нина Степановна Мамышева, 1960 г.р., Людмила Иосифовна Чебочакова, 1963 г.р., Олег Павлович Чебочаков, 1960 г.р., Артем Григорьевич Сагалаков, 1951 г.р., Надежда Захаровна Сагалакова, 1952 г.р., Иван Егорович Чебочаков, 1946 г.р.;

– в с. Чиланы: Лидия Гавриловна Жангазина (Ахпашева), 1948 г.р., Валерий Захарович Чебодаев, 1950 г.р., Александр Алексеевич Барашков, 1959 г.р.;

– в д. Карагай: Геннадий Васильевич Карамашев, 1978 г.р.;

– в д. Кирово: Эмма Владимировна Канзычакова, 1964 г.р.;

– в д. Харачул: Екатерина Иосифовна Чильчигашева (Канзычакова), 1947 г.р.;

– в с. Имек: Лариса Николаевна Кужакова (Боргоякова), 1960 г.р., Галина Васильевна Чильчигашева (Мамышева), 1956 г.р., Василий Дмитриевич Чильчигашев, 1957 г.р., Ираида Владимировна Кичеева, 1961 г.р., Георгий Прокопьевич Миягашев, 1962 г.р.;

– в д. Верхний Имек: Оксана Владимировна Тоданова, 1975 г.р., Георгий Константинович Кольчиков, 1943 г.р.;

– в д. Харой Иван Яковлевич Боргояков, 1931 г.р., Евдокия Степановна Чебодаева, 1959 г.р.

Наши информанты являются носителями сагайского диалекта. Представим основные лексико-грамматические особенности этого диалекта хакасского языка. Он распространен в бассейнах верхнего течения р. Абакан и его притоков Аскиза и Таштыпа. Носителями диалекта являются родоплеменные группы – сагайцы (*сагайлар*), бельтиры (*пилтирлер*) и частично койбалы (*хойбаллар*). Сагайский диалект, наряду с качинским, явился основой для создания хакасского литературного языка, но и он имеет свои диалектные особенности в фонетике, грамматике и лексике.

По составу звуков фонетика сагайского диалекта не отличается от литературного языка. «Диалектную особенность представляют своеобразие артикуляции и позиционного употребления некоторых звуков, а также некоторые фонетические явления, свойственные лишь сагайскому диалекту и его говорам» [Патачакова, 1992, с. 14–19].

Например: 1) употребление [а] вместо [о] и [о]: [пызаа] – ‘теленос’, [хыраа] – ‘иней’, [ёзеегис] – ‘голод’; 2) употребление [у] вместо [о]: [ун] – ‘десять’, [хул] – ‘рука’, [чулым] – ‘моя дорога’; 3) выпадение редуцированных гласных [ы], [і], [у], [у]: [хра] вместо [хыра] – ‘пашня’, [ибре] вместо [ибіре] – ‘вокруг’, [түзре] вместо [түзүре] (служебное слово); 4) широкая перестановка звуков (метатеза): [палға] вместо [пағла] – ‘вязать’, [сахпа] вместо [сапхы] – ‘коса’, [үрген] вместо [үгрен] – ‘учись’, [тулға] вместо [туғла] – ‘преграждать’ и др.

В этом диалекте существует также определенный фонд слов, отсутствующий в других диалектах и литературном языке. Наиболее многочисленны слова, отличающиеся фонетическим составом. Например, [азығ] – ‘коренной зуб’ в говорах сагайского диалекта в конце слова вместо [ғ] имеет звук [й] – [азый]. В эту же группу будут входить слова [күзее] – ‘зять’, [тлаа] – ‘кочка’, [ёреме] – [ёріңме]/[үріңме] – ‘сливки’, ‘сметана’. Ряд слов в диалектах и в литературном языке противопоставляется морфологическим составом, как [кибір – кип] – ‘обычай’, ‘традиция’, [сур – сура] – ‘спрашивать’, [аллығ – алдығ] – ‘просторный’. Диалектные слова из сагайского, как и из других диалектов, умело используются

поэтами, писателями и другими мастерами слова [Инкижекова, 1948, с. 26–39].

На сегодняшний день соотношение численности хакасских субэтносов складывается в пользу сагайцев, которые в количественном соотношении превосходят все остальные субэтносы, вместе взятые. Следует также отметить, что среди качинцев и кызыльцев наблюдается самый высокий процент не владеющих родным хакасским языком и считающих родным русский язык: «... за прошедшие десятилетия XX в. качинцы более интенсивно подвергались языковой ассимиляции с русскими и в большом количестве выезжали за пределы Хакасии, что привело как к численному сокращению представителей качинского диалекта, так и говорящих среди качинцев. Поэтому в настоящее время идет стихийный процесс сагаизации хакасского литературного языка» [Карпов, 2004, с. 128–129].

В целом следует отметить, что в настоящее время в Республике Хакасия хакасский язык является республиканским государственным языком и выполняет ограниченные дополнительные функции в таких социальных сферах, как образование, культура, СМИ и некоторых других. Диалектные различия, присутствующие в речи носителей хакасского языка, проявляются в фонетическом оформлении высказываний и в лексических предпочтениях. Они продолжают оставаться объектом научных исследований и ресурсным источником развития лексической системы хакасского языка.

Социолингвистическое анкетирование по выявлению языковой ситуации проводилось путем опроса, фиксация языковых материалов – путем записи разговорной речи на электронные носители в непринужденной беседе, это связные рассказы о каких-либо событиях, биографии, а также произведения устного народного творчества. Языковой материал в настоящее время находится в обработке, происходит его перевод в текстовый формат.

В ходе проведенной экспедиции научными сотрудниками Хакасского НИИЯЛИ было опрошено более 30 информантов, владеющих сагайским диалектом хакасского языка, в возрасте от 40 до 90 лет.

Самые пожилые информанты зафиксированы: в д. Харой Таштыпского района, это Иван Яковлевич Боргояков, 1931 г.р.; в п. Малые Арбаты – Елизавета Кирилловна Сагалакова (Артонова), 1941 г.р.; в д. Большие Арбаты – Любовь Кирилловна Индыгашева, 1945 г.р.; в с. Чиланы – Лидия Гавриловна Жангазина (Ахпашева), 1948 г.р., Валерий Захарович Чебодаев, 1950 г.р. У них была записана разговорная речь на сагайском диалекте хакасского языка: рассказы о быте семьи, воспоминания о родственниках, об истории рода и т.д.

Приведем некоторые выдержки из образцов их речей, записанные на диктофон.

**Аудиозапись в п. Малые Арбаты
Таштыпского района РХ, информант
Саражакова Анисья Ивановна, 1954 г.р.**

А.С. Кызласов: *Постарыңнаңар чоохтап пириңер.*

А.И. Саражакова: *Мин төрөөм 1954 чылда, Тастып районда, Улуг Арбаты аалда. Абам тогынган совхозта, тракторист болуп, ичем пастап совхозтох тогынган, соонаң клубта техника полган. Пастагызын түрт классха читіре үргенем мында, соонаң Таштыпта он классы тоосхам. Пединститутта математика факультетинде үргенем. Хырых читі чыл, икi муң чибіргі икi чылга читіре Арбаттагы средняя школада тогынгам, ам пір чыл пенсия парыбысхам. Тогынганда көп палалар полганнар. Пір ле үргенчiм математик полча, Геннадий Петрович Сазанакоев. Калининская школада тогынча. Учитель годада республикада араласхан. Көп пала кiзi аразына кир салгам. Пастагы времьяда тогынчатханда мының алныда прай даа класстарда отысча үргенчi полчаң, ам асхынах, халганчы чылларда класста всего он пизер пала.*

А.С. Кызласов: *Нименең ол палгалыстыг?*

А.И. Саражакова: *Мында пастап интернат полган. Оныдаң паза Чистобойдаң олганнарны тартчаңнар. Ам аал икi алай ба үс хати кичіг пол парган. Сірер көрген полгазар, однако, ээн туралар толдыра. Ам совхоз чох пол парган, тогыс полган кiзiлерге, сплав полган, чииттер прай тисклебіскеннер.*

**Аудиозапись в п. Малые Арбаты
Таштыпского района РХ, информант
Николай Васильевич Тиспирекоев, 1958 г.р.**

А.С. Кызласов: *Тиспирекоев Николай Васильевич. Нинче чылда Сірер төрөөр?*

Н.В. Тиспирекоев: *Пір муң тогыс чүс илiг сигіс чылдамын, Улуг Арбытта төрөөм. Чибіргі частыгда армия пар килгем, анаң ипчiмең хон салып, чуртап салгабыс. Ипчiм Подыгейкадаң полган, Какова хыс фамилиязы. Анаң Балыксада чуртаабыс. Шофер полгам, лесовозта тогызон чылларга кире шофер болуп тогынгам. Горбачев закон сыгарыбысханда, олаңай тайгыда раскорчевицк болуп тогынгам. Анаң пенсия парыбысханда, илiг пис частыгда парыбысхам пу таежнай, а еше пис чылча тогынгам, алтон частыгда тохтадыбысхам. Анаң мында аптечной пункта заведующей полгам. Лесфармнаң полган, Генералов фамилиялыг минің ээзім. Ипчiм мында фармацевт полган, анаң үрөп парган. Анаң шахтада Абазанаң сыгара тогынгам.*

А.С. Кызласов: *Сірер специальность алгазар ба?*

Н.В. Тиспирекоев: *Олаңай шофер полгам, мының алнында армиядох руль кистіне одыргам. Астраханская областьта арбузтар тарт чөрчөмiн.*

А.С. Кызласов: *Ам чалгызан чуртапчазар ба? Нинче пала?*

Н.В. Тиспирекоев: *Я, ипчiмнің соонда. Үс пала, хызым Чапаевода, тоже фармацевт полча, Абаканда пір оолгым. Мында паза пірсі хости чуртапчалар.*

**Аудиозапись в д. Бутрахты Таштыпского
района РХ, информант Торокова
(Боргоякова) Нина Кононовна, 1957 г.р.**

А.С. Кызласов: *Нина Кононовна Торокова. Хыс фамилиязы Боргоякова. Постарыңнаңар чоохтап пириңер.*

Н.К. Торокова: *Мин Кызлас хырындагы Халарлар аалыцахта төрөөм, пір муң тогыс чүс илiг читі чылда. Школаа чөрчөбіс Кызласар. Хысхыда хысхы тібин. Пірееде машина тартчаң пісті, ол туста угаа пөзік*

көртіктер полған, мат парчаң машинабыс. Анаң кічигдең ала машиналыг школазар тарт чөрчеңнер, палгасха пат парза, машинанаң кічиг дее ползабыс, палчахтаң сыгара ітчеңміс, суға пат парчаңмыс. Ам минің палаларыма чоохтапчам, хайди піс школаа чөрчеңміс, пис километрче полчаң чолларыбыс. Суғча кис полбин, ирееленчең полгабыс. Хайди ла полза чөрчеңміс, анда ікі чирде Индіркі аалда паза Тунчух хыринда пат парчабыс. Кирзовай сапогтыг чөрчеңміс, ол времяда резиновой сапог чох полған. Ам мында чөрчем, Кызлассар чол иділік, ам мағат чөрерге, моста пар. Андада тунчухтарыбыс, наахтарыбыс тоорт салчабыс. Пабам-иңем, чабаннар полып, хада тоғынчаңнар. Папа оссеменатор полған, мама родильнайда, хой хосса, иртен иртөк тоғысха парчаң полчаң. Папа – чабан – хараа ла хонарға ла тоғыстаң килчеңнер, анаң иртох тоғысха парчаңнар. Кир абам паза кир иңем пісті көргеннер. Мин алты класста үгречеткенде, кир иңем үреен, кир абам аның соонаң үреенөк. Пабамның ады Конон Васильевич Боргояков, маманың хыс фамилиязы Пахтаева, Чахсы хоных аалдаң ол полған. Иңемнің Анчах пиңемнең хада аалдап парчаңмыс. Пиңемнең Чахсы хоныхсар чазаг чөрчең полгабыс от сабарға. Мының алнында, азых-түлүк чүктеніп алып, Халарлардаң Чахсы хоныхсар чазаг парчаңмыс.

Ам палаларны чазаг пір дее ыс полбассың. Алай ба таксиліг чөрерге хынчалар. Ам внуктар чуртапчалар. Хозяйство тудып, чуртапчалар. Никтер, хойлар тудып чуртапчалар. Мының алнында пір дее хазах сөзін испеен полчам, ам, тізең, пасха. Халарларда чаблах салып, пиңем аалқыларға хынча. Пеере ирге килгенде, покостарыбыс прай Чылангыда полғаннар, чазаг от сабарға чөрчебіс. Школаны мында тоосхабын. Сигіс классты тоозып, педучилищеде үгренип алгам. Педучилищені тоосхам пір муң тоғыс чүс читон алты чылда. Мының алнында районозар парчазың нооза. Районозар килгенде, Төрт тас аалда орын пол партыр. Анда тоғынгам, анаң, чуртас килистинчеткенде, Красноярскайзар парыбысхам. Анда пис чыл чуртап, крановицик полып тоғынгам. Нандыра айлангам.

Аудиозапись в д. Чиланы Таштыпского района РХ, информант Лидия Гавриловна Жангазина (Ахпашева), 1948 г. р.

А.С. Кызласов: Лидия Гавриловна Жангазина, Ахпашева хыс фамилиязы. Постарыңнаңар чоохтап пириңер, паба-іңелерің хайда тоғынғаннар? Нинче харындас-пиңе полгазар?

Л.Г. Жангазина: Төреем мин пір муң тоғыс чүс хырых сигіс чылда Чылангы аалда, пір муң тоғыс чүс илиг пис чылда үгречерге паргам Чылангыдагы школазара. Пис классха Таштыптагы пансионзар үгречерге паргам. Таштыптагы интернаттаң школазар үгречерге чөрчең полгабыс. Пір муң тоғыс чүс алтон алты чылда Таштыптагы школаны он классты тоосхам. Ивановодагы текстильной институтсар кіргем, кір полбаам. Красноярскай ДОК-сара тоғысха кірібіскем. Анаң ікі чыл пазынаң химикотехнологическойга кіргенде, пазох кір полбаам. Ол туста пір местога чибіргі-чибіргі пис кізі полған. Мин химик поларға сағынгам. Ікі чыл пазынаң туңмам андара кіріп алган. Төрт чыл пазынаң на піліп алгам вечерняй институттаңар, үс курс тоозыбысхам, иңем теен ир кізіні үгречерге, иңчі кізі ирге парыбызар. Анаң ирге парыбысхам, Казахстанзара парыбысхам. Анда сельсоветте тоғынгам, налоговик паза учетнай документацияны апаргам. Читі-сигіс чыл тоғынып алганда, меге главный бухгалтермең тоғынарзың ма, анда сельсоветте организациялар көп, сего ас пирербіс тіңчелер. Еңче читі чыл тоғынгам. Мама пісті хыгырыбысхан. Апчагым пеерөк килерге сағынган.

А.С. Кызласов: Казахстанның кибірлеріңер чоохтап пириңер.

Л.Г. Жангазина: Казахстан уғаа кічиг палаа ачынчатхан кізілер. Оларның палаларнаң палгалыстыг кибірлер толдыра, читі-сигіс часха читіре палага тиңминчелер. Абазы хыс полза, ирге парганча, чоохтанминча, хырыспинчалар, иңезі хыстарын үгретчи. Ир кізі хызыцахха пір дее чоохтанминча, ир кізі оолагастарын үгретче. Автобусха кірзе, улуғларға сах андох орын пирчелер, пістің мында андаг нимес. Кірзеңөк, чииттер турыбысчалар. Мында пістің автобустар чөрчелер,

кічіг палалар, наушниктер кизип, пір дее турбинчалар. Кізіні көрбеечік полыбысчалар.

Аудиозапись в д. Харой Таштыпского района РХ, информант Чебодаева Евдокия Степановна, 1959 г.р.

А. С. Кызласов: *Евдокия Степановна Чебодаева. 1959 чылда төреен Усть-Сос аалда. Постарыңнаңар чоохтап пириңер?*

Е. С. Чебодаева: *Мин мында төреем, пір муң тогыс чүс иліг тогыс чылда. Пис пиче полгабыс. Ікі харындас. Мин самый кічи. Асхыста чуртааннар. Саңай тадарлар чирінде. Ікі харындазым, пір пичем үрееннер.*

А. С. Кызласов: *Паза хайда тогынгазар?*

Е. С. Чебодаева: *Пір муң тогыс чүс читон төрт чылдаң сыгара үгренгем. Чибіргі чыл библиотекада тогынгам. Тадарлар толдыра даа полза, хазах ла тілінең чоохтасчалар. А палалар пір дее піл полбинчалар, хайда анаң хазах ла тілінең чоохтасчабыс. Хырыс пирчем тадар тілінең. Улуг хызым тадар тілінмең чоохтасча. Имекте тадар тілні прай пілче. Оолгым Асхыста пілібөкче, ол СТО-да тогынча, хазах тілінең пілчелер. Ам школада тадар тіліне үгретчелер, пір дее көңніме кірбинче. Минің хончыхтың палазы ікі сөс пілчем тіпче: «Часхы – это хорошо, алай ба часхы – это весна». Хончыхтың палазын нога иди үгретчезер тіпчем. Хотя ба олаңай сөстөргө үгредерге нізе.*

Мин мында пір муң тогыс чүс читон сизіс чылдаң сыгара чуртап парим.

Аудиозапись в с. Имек Таштыпского района РХ, информанты Галина Васильевна Чильчигашева, 1956 г.р., Василий Дмитриевич Чильчигашев, 1957 г.р.

А. С. Кызласов: *Василий Дмитриевич Чильчигашев Карагай аалда төреен 1954 чылда. Чильчигашева (хыс фамилиязы Мамышева) Галина Васильевна төреен 1956 чылда Безымянка аалда, анаң Чыланнга аалда чуртаан. Постарыңнаңар чоохтап пириңер.*

В. Д. Чильчигашев: *Мин Чильчигашев Василий Дмитриевич полчам. Төрөөм Харагай*

паары аалда пір муң тогыс чүс иліг түрт чылда. Ыс пичем полган, ам ікөлең не халгабыс. Анда өскем, школада түрт классха читіре үгренгем, анаң сизіс классы пансионда, он классы интернатта Таштыпта тоосхам. Школа тоосхан соонда пединститутха кіргем, анда физико-математической факультетте үгренгем. Аны тоозыбызып, пір муң тогыс чүс читон алты чылда пееге чуртирга килгем, аннаң сыгара мында тогынгам. Школада тогынып, отыс үс чыл стаж минің. Пенсия парыбысхам, аннаң сыгара мында. Ибде хозяйствонаң заниматься полчабыс.

А. С. Кызласов: *Галина Васильевна, постарыңнаңар чоохтап пириңер.*

Г. В. Чильчигашева: *Мин Безымянкада төреем, көрбеем мин аны. Папам разведкада ла полып, шахтада ла тогынып, агырыг пол парган. Чыланнгазара көс киліп чуртаабыс. Сизіс классха кире Чыланнгада үгренгем. Таштыпта он классы школаны тоосхам. Василий Дмитриевичке тогазып, он тогыс частыгда ирге парыбысхам. Анаң аны институт соонаң мындара ызыбысханнар. Аннаң сыгара мында чуртап парчибіс. Пастап изі чохтанып алып, Чыланнгазара автобуса одырыбып парыбысчаңмын. Анаң палалар полганча иди полган, ам үгрен тее партырбын. Тогынгам быткомбинат теен чирде, анда заведующай полып тогынгам, пенсия парганча. Пенсия алнында инсульт пол парганда, тогынминыбысхам. Пенсия сыгып алып, ам малмаң ікелең сірен парчибіс, палаларга полыс пирерге сагынып. Парализовать пол парганда, мині таныс ипчі Черногорсктаң, ол невропатологка үгреніп алган. Ам аның холынаң имненіп алгам. Черногорскта үрекеннермең чоохтазарга киліскен. Оолгы чаада парып, палыглаттыр килтір. Ол имчі тургыс салган тіпче. Аны прайзы даа Черногорсктагылар таныпчаттырлар. Анаң чашкалыг килгелчелер. Аннаң на азырапчалар. Встреча одноклассниковтарда чоохтаптыр.*

Хайди даа имниріп пілбеем, піс анаң иглоукалывање иртіргенде, пір дее хыймырабаан даа тіптір, аннаң на соонаң реагировать полтырбын. Мин ниге полабын тіп сагынтыр. Мин, тізең, пастап хорыхчам, магаа пастагызын килгеніндөк, хырых азыра інге хазап

пирген. Ёсті китаёсай иголкарның чай-халысчатханнар. Анаң иголканың ёстёне простынь тастабысчатса. Анаң на соонаң ёрген тее партырбын. Изі чох чат салып, хыймыраамда, как токмаң на сапхан чіли, пирген. Ол прай нервнай точкаларны таап алып, турғысчаттыр нёзе. Пазымда кровоизлияние полганда, имнебіскен. Ам чахсы полып алганда, пар килерчікпін, ам маң на чоғыл [Полевые материалы языковой экспедиции ХакНИИЯЛИ].

Данные примеры показывают уровень владения носителями сагайского диалекта устным хакасским литературным языком и степень использования русских слов в хакасской диалектной речи в зависимости от возраста информанта. Чем старше по возрасту информанты, тем меньше русских заимствований встречается в их речи. Особенности бельтырского говора заметны в произношении некоторых слов, например, *апарахча* – *ал парохча*, *парчибіс* – *парчабыс*, *меге* – *магаа*, *тадар тілінмең* – *тілінең*, *токмаң*, – *токнаң*, *иди* – *іди* и др.

Следует сказать, что этноним «бельтыры» (в хакасском языке *пилтір* во множественном числе) имеет несколько значений: «1) ‘устье реки’; 2) ‘белобокий, пестрый’; 3) ‘метис, помесь’» [ХРС, 2006, с. 360]. Существует несколько гипотез о происхождении термина «бельтыр». Основываясь на предположения М. И. Боргоякова, мы переводим термин «пилтірлер» как ‘устынцы’ (от слова *пилтір* ‘устье реки’) [Боргояков, 1973, с. 80].

Бельтыры в основном проживают в юго-западной части Республики Хакасия по обоим берегам среднего течения р. Абакан, начиная от населенного пункта Бельтыры (Апчинай аалы) до с. Арбаты Таштыпского района в непосредственном соседстве с сагайцами.

Во времена государственного строительства в 20–30-е гг. XX в. это самобытное племя потеряло свое самоназвание. А его язык, выделяющийся своими фонетическими, морфологическими и лексическими особенностями, в хакасоведческую науку вошел как говор сагайского диалекта, хотя внутри бельтырского говора отчетливо выделяются свои говоры, подговоры: бельтырский, мат-

кечикский, киндырлинский, монокский, усть-есинский, усть-таштыпский, чиланский, арбатский и др.

Бельтыры были самостоятельным племенем, участвовавшим в консолидации хакасской народности. Общее с сагайцами – вхождение в Сагайскую Степную думу разнородных племен и близкое соседство проживания, которое, несомненно, приводило к смешению языков.

По мнению О. В. Субраковой, материал по языку бельтыр, собранный участниками диалектологических экспедиций 50-х гг. XX в. и хранящийся в рукописном фонде ХакНИИЯЛИ, а также собранный «по программе ДАТЯС материал по всем пунктам расселения бельтыр позволили изучить особенности языка бельтыр в сравнении с сагайским диалектом хакасского языка, а также показать его сходство и отличие от сагайского диалекта и предположить самостоятельность бельтырского говора как диалекта» [Субракова, 2007, с. 224–226]. О. В. Субракова не успела завершить исследование данной темы, поэтому бельтырский говор в настоящее время еще не считается отдельным диалектом хакасского языка.

На сегодняшний день в исследуемом районе не осталось живых исполнителей хакасских героических эпосов, но в нем проживают люди, бывшие очевидцами исполнения героических сказаний.

Основной целью социолингвистического анкетирования было выявление языковой ситуации в селах компактного проживания носителей вышеназванного диалекта. Респондентам предлагалось ответить на ряд вопросов.

Представим основные из них: *знаете ли вы хакасский язык, знают ли ваши дети хакасский язык, какой язык вы считаете родным для себя, хотели ли бы, чтобы ваши дети изучали хакасский язык, на каком языке вы общаетесь на работе с коллегами, на каком языке вы общаетесь в кругу родных, друзей, соседей, на каком языке вы общаетесь в общественных местах, магазине и т. д., к какой национальности вы себя относите, ваши дети изучают хакасский язык, на каком языке вы чаще всего общались в детстве и т. д.*

Данные, полученные в результате анкетирования респондентов – носителей сагайского диалекта, представлены в таблице 1.

В ходе бесед с нашими информаторами (по данной теме специально опрошено 30 хакасов) сложилась следующая картина. В общей массе опрошенных нами людей можно довольно четко выделить три возрастные группы: 1) пожилые люди – родившиеся до середины XX в.; 2) люди среднего возраста – родившиеся в период с 1950 по 1965 г.; 3) люди молодого возраста – родившиеся в период до 1965 г. 94% опрошенных нами хакасов заявили, что родным языком для них является хакасский. Уровень владения родным языком выразился в следующих цифрах: 80% респондентов свободно разговаривают на родном языке.

На вопрос «Знают ли ваши дети хакасский язык?» респонденты ответили таким образом: свободно говорят, пишут и читают 53% детей; говорят, могут изъясняться на бытовом

уровне – 23%; понимают, но не разговаривают – 17%.

Большинство из опрошенных (60%) при общении дома используют хакасский язык, лишь 30% используют в этом случае оба языка. На вопрос «На каком языке вы говорите в кругу своих родных, друзей, соседей?» респонденты ответили таким образом: говорят только на хакасском языке 40%, на хакасском и русском языках – 67%, на русском языке – 13%.

В семьях, где один из родителей хакас, а другой – русский, хакасский язык также не используется. На вопрос «На каком языке вы говорите на работе с коллегами?» респонденты ответили таким образом: на хакасском языке – 17%, на хакасском и русском языках – 66%; в общественных местах 17% опрошенных говорят на хакасском языке, 63% хакасов говорят на русском и хакасском языках, только на русском языке общаются 20% опрошенных [Полевые материалы языковой экспедиции ХакНИИЯЛИ].

Таблица 1

**Результаты анкетирования информантов-носителей
сагайского диалекта хакасского языка**

Насколько хорошо Вы знаете хакасский язык?	Количество чел.	Процентное соотношение
Очень хорошо знаю хакасский язык	25	84 %
Не очень хорошо знаю хакасский язык	4	13 %
Плохо знаю хакасский язык	1	3 %
Не знаю хакасский язык	0	0 %
На каком языке Вы общались в детстве?		
На хакасском языке	23	77 %
На русском языке	4	13 %
И на хакасском, и на русском языках	2	7 %
На тувинском	1	3 %
Изучали ли Вы хакасский язык?		
Да, изучал в начальной школе	11	31 %
Да, изучал в основной школе	17	47 %
Да, изучал в училище, колледже, техникуме, институте, университете и т. д.	2	6 %
Да, изучал на курсах хакасского языка (в том числе, платно)	0	0 %
Нет, не изучал	6	16 %
Ваши родители владеют (владели) хакасским языком?		
Да, оба родителя знают (знали) хакасский язык	29	97 %
Хакасский язык знает (знал) только один из родителей	0	0 %

Продолжение таблицы 1

Насколько хорошо Вы знаете хакасский язык?	Количество чел.	Процентное соотношение
Нет, мои родители не знают (не знали) хакасский язык	1	3 %
Ваши дети владеют хакасским языком?		
Да, свободно говорят, пишут, читают	16	53 %
Могут изъясняться на бытовом уровне	7	23 %
Понимают, но не разговаривают	5	17 %
Нет, мои дети не знают хакасский язык	2	7 %
Нет детей	0	0 %
Хотели бы, чтобы ваши дети знали хакасский язык?		
Да, очень хотел бы	4	57 %
Было бы хорошо, если бы мои дети выучили хакасский язык	2	29 %
Если не выучат – ничего страшного	0	0 %
Нет, не хотел бы	0	0 %
Затрудняюсь ответить	1	14 %
На каком языке Вы разговариваете дома?		
На хакасском языке	18	60 %
На русском языке	3	10 %
И на хакасском, и на русском языках	9	30 %
На каком языке Вы общаетесь с членами семьи?		
На хакасском языке	13	44 %
На русском языке	4	12 %
И на хакасском, и на русском языках	13	44 %
На каком языке вы общаетесь с родственниками?		
На хакасском языке	12	40 %
На русском языке	4	13 %
И на хакасском, и на русском языках	14	47 %
На каком языке вы общаетесь с друзьями?		
На хакасском языке	7	23 %
На русском языке	3	10 %
И на хакасском, и на русском языках	20	67 %

Заключение

Научная экспедиция ХакНИИЯЛИ 2022 г. в Таштыпский район Республики Хакасия выявила, что большинство носителей сагайского диалекта хакасского языка, проживающих в районе, знают родной язык, общаются на своем диалекте дома и в общественных местах, но их дети чаще используют в повседневной речи русский язык. В школе дети изучают хакасский язык и разговаривают со своими сверстниками на своем родном

языке, но на улице обычно начинают общаться на русском языке. Некоторые из причин складывания этой ситуации – преобладание в обучении детей предметов на русском языке, доминирование русскоязычного вещания на телевидении и радио, интернет-ресурсы на русском языке. Заставить детей говорить только на хакасском языке трудно, родители сами порой забывают о необходимости говорить с детьми на родном языке и переходят к общению на русском языке. Современному поколению родителей не передалась тяга

к сохранению своего хакасского языкового и культурного пространства. Нарушилась связь поколений, когда мы получали от бабушек и дедушек неоценимые знания о прошлой жизни наших предков, их нравственные ориентиры помогали приспособиться к требованиям в повседневной жизни.

Как показали результаты опроса, уровень владения хакасским языком у носителей диалектов на достаточно высоком уровне. Они общаются на родном языке в семье, с родственниками, на работе, в общественных местах. Это напрямую связано с языковой средой.

Членами экспедиции установлено, что в настоящее время свободно владеют родным диалектом только представители старшего поколения, молодое поколение предпочитает использовать русский язык.

В настоящее время самой актуальной задачей для исследователей хакасского языка является фиксация данных диалектов, необходимо продолжение работ по записи на электронные носители как можно большего объема материала у представителей старшего поколения. Для этого крайне необходимо выезжать в села и работать на местах с информантами. Собранные исследователями комплексные материалы могут быть использованы как один из важнейших источников по истории формирования хакасского языка, пополнения базы современного литературного языка диалектизмами в современных условиях. Научная обработка собранных записей звучащей речи позволит ввести в тюркологию ценную информацию по диалектам хакасского языка.

Информанты

Лидия Гавриловна Жангазина (Ахпашева), 1948 г.р.
 Любовь Кирилловна Индыгашева, 1945 г.р.
 Анисья Ивановна Саражакова, 1954 г.р.
 Николай Васильевич Тиспирек, 1958 г.р.
 Нина Кононовна Торокова (Боргоякова), 1957 г.р.
 Евдокия Степановна Чебодаева, 1959 г.р.
 Василий Дмитриевич Чильчигашев, 1957 г.р.
 Галина Васильевна Чильчигашева, 1956 г.р.,

Источники

Полевые материалы языковой экспедиции ХакНИИЯЛИ:

Кызласов А.С. Отчет о комплексной экспедиции ХакНИИЯЛИ по местам проживания носителей сагайского диалекта хакасского языка (1,4 п.л.) // Рукописный фонд ХакНИИЯЛИ. Я. 4. Оп. 2. Д. 2290. 38 л.

Кызласов А.С. Расшифровка аудиозаписей по результатам поездки комплексной экспедиции ХакНИИЯЛИ в Таштыпский район РХ (21–25 августа 2023 г., 6,3 п.л.) // Рукописный фонд ХакНИИЯЛИ. Я. 4. Оп. 2. Д. 2290. 73 л.

Литература

Анжиганова О.П., Баскаков Н.А., Боргояков М.И., Инкижекова-Грекул А.И., Патачакова Д.Ф., Субракова О.В., Белоглазов П.Е., Каскаракова З.Е., Кызласов А.С., Сунчугашев Р.Д., Чертыкова М.Д. Хакасско-русский словарь = Хакас-орыс сөстiк. Новосибирск: Наука, 2006. 1114 с.

Боргояков М.И. Некоторые фонетические и морфологические особенности бельтырского говора хакасского языка // Ученые записки ХакНИИЯЛИ. Вып. X. Абакан: Хакасское кн. изд-во, 1964. С. 47–53.

Боргояков М.И. Бельтырский говор сагайского диалекта // Диалекты хакасского языка: очерки и материалы. Абакан: Хакасское отд-ние Красноярского кн. изд-ва, 1973. С. 80–104.

Боргояков В.А. Лексические особенности сагайского диалекта хакасского языка на современном этапе // Мир науки, культуры, образования. 2019. № 6 (79). С. 542–544.

Концепция преподавания хакасского языка и хакасской литературы в образовательных организациях Республики Хакасия (проект). Абакан: [б.и.], 2017. 62 с.

Кривоногов В.П. Хакасы в начале XXI века: современные этнические процессы. Абакан: Хакасское кн. изд-во, 2011. 252 с.

Карпов В.Г. Проблема сохранения хакасского языка как основы духовной культуры хакасского этноса // Summa summagum: В.Г. Карпов. К 80-летию со дня рождения и 60-летию научно-педагогической деятельности. Абакан: Изд-во ХГУ им. Н.Ф. Катанова, 2007. С. 89–93.

Карпов В.Г. Проблема сохранения хакасского языка как основы духовной культуры хакасского этноса // Формирование образовательных программ, направленных на создание нового типа гуманитарного образования, в условиях полиэтничного сибирского сообщества. Материалы Международной научной конференции. Новосибирск: Изд-во НГУ, 2004. С. 126–130.

Кызласов А.С., Белоглазов П.Е. Диалекты хакасского языка – основа для формирования его устной разговорной формы // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2024. № 2. С. 143–148.

- Инкижекова А. И.** Сагайский диалект хакасского языка: дис. ... канд. филол. наук. Москва, 1948. 232 с.
- Национальный состав населения Республики Хакасия // Режим доступа: <http://bde.ru/naselenie/respublika-hakasiya/> (дата обращения: 21.01.2025).
- Патачакова Д. Ф.** О роли диалектов в формировании национальных особенностей хакасского языка // Хакасская диалектология. Абакан: Хакасское кн. изд-во, 1992. С. 14–19.
- Субракова О. В.** К вопросу определения бельтырского говора сагайского диалекта как самостоятельного диалекта хакасского языка // Подвижники сибирской филологии: В. А. Аврорин, Е. И. Убрятова, В. М. Надеяев: тезисы докладов Всероссийской научной конференции. (Новосибирск, 27–29 сентября 2007 г.) Новосибирск: Изд-во Института филологии Сибирского отделения Российской академии наук, 2007. С. 224–226.
- Сунчугашев Р. Д., Чебокакова И. М.** Кызыльский диалект хакасского языка: современное состояние // Мир науки, культуры, образования. 2013. № 6 (43). С. 381–383.

Sources

- Field materials of the Combined Language Expedition of Khakass Research Institute for Language, Literature, and History:
- Kyzlasov A. S.** Otchet o kompleksnoi ekspeditsii KhakNIYaLI po mestam prozhivaniya nositelei sagaiskogo dialekta khakasskogo yazyka [Report on the Combined Language Expedition of Khakass Research Institute for Language, Literature, and History to the places of residence of native speakers of the Sagai dialect of the Khakass language]. The Manuscript Fund of KhRILLH, 1,4 pp. (In Russian)
- Kyzlasov A. S.** Rasshifrovka audiozapisei po rezul'tatam poezdki kompleksnoi ekspeditsii KhakNIYaLI v Tashtypskii raion RKH (21–25 avgusta 2023 g., 6,3 p.l.) [Transcription of audio recordings based on the results of the Combined Language Expedition of Khakass Research Institute for Language, Literature, and History to the Tashtyp District of the Republic of Khakassia (August 21–25, 2023)]. The Manuscript Fund of KhRILLH, Ya-4, list 2, file 2290, p. 73, 6,3 pp. (In Russian)

References

- Anzhiganova O. P., Baskakov N. A., Borgoyakov M. I., Inkizheкова-Grekul A. I., Patachakova D. F., Subrakova O. V., Beloglazov P. E., Kaskarakova Z. E., Kyzlasov A. S., Sunchugashev R. D., Chertykova M. D.** Khakassko-russkii slovar' = Khakas-orys söstik [Khakass-Russian dictionary = Khakass-orys söstik]. Novosibirsk, 2006, 1114 pp. (In Khakass and Russian)

- Borgoyakov M. I.** Bel'tyrskii govor sagaiskogo dialekta [The Beltyr subdialect of the Sagai dialect]. Dialects of the Khakass language: essays and materials. Abakan, the Khakass Branch of the Krasnoyarsk Publishing House, 1973, pp. 80–104. (In Russian)
- Borgoyakov M. I.** Nekotorye foneticheskie i morfologicheskie osobennosti bel'tyrskogo govora khakasskogo yazyka [Some phonetic and morphological features of the Beltyr dialect of the Khakass language]. *Scientific Notes of Khakass Research Institute for Language, Literature, and History*. Issue 10, Abakan, Khakass Publishing House, 1964, pp. 47–53. (In Russian)
- Borgoyakov V. A.** Leksicheskie osobennosti sagaiskogo dialekta khakasskogo yazyka na sovremennom etape [Lexical features of the Sagai dialect of the Khakass language at the present stage]. *The world of science, culture, education*. 2019, no. 6 (79), pp. 542–544. (In Russian)
- Inkizheкова A. I.** Sagaiskii dialekt khakasskogo yazyka [The Sagai dialect of the Khakass language]. The author's summary of the thesis for the degree of Candidate of Philological Sciences, Moscow, 1948, 232 pp. (In Russian)
- Karpov V. G.** Problema sokhraneniya khakasskogo yazyka kak osnovy dukhovnoi kul'tury khakasskogo etnosa [The preservation problem of the Khakass language as the basis of the spiritual culture of Khakass ethnic group]. Summa summarum: V. G. Karpov. On the 80th anniversary of his birth and the 60th anniversary of his scientific and pedagogical activities. Abakan, N. F. Katanov Khakass State University Press., 2007, pp. 89–93. (In Russian)
- Karpov V. G.** Problema sokhraneniya khakasskogo yazyka kak osnovy dukhovnoi kul'tury khakasskogo etnosa [The preservation problem of the Khakass language as the basis of the spiritual culture of Khakass ethnic group]. In: Formation of educational programs aimed at creating a new type of humanitarian education in the conditions of the multiethnic Siberian community. Proceedings of the International Scientific Conference. Novosibirsk, Novosibirsk State University Press., 2004, pp. 126–130. (In Russian)
- Kontseptsiya prepodavaniya khakasskogo yazyka i khakasskoi literatury v obrazovatel'nykh organizatsiyakh Respubliki Khakasiya (proekt)** [The concept of teaching the Khakass language and Khakass literature in educational institutions of the Republic of Khakassia (project)]. Abakan, 2017, 62 pp. (In Russian)
- Krivonogov V. P.** Khakasy v nachale XX veka: sovremennye etnicheskie protsessy [The Khakass at the beginning of the 21st century: modern ethnic processes]. Abakan, Khakass Publishing House, 2011, 252 pp. (In Russian)
- Kyzlasov A. S., Beloglazov P. E.** Dialekty khakasskogo yazyka – osnova dlya formirovaniya ego ustnoi razgovornoj formy [Dialects of the Khakass language – basis for the formation of its oral colloquial form]. *Modern Science: Relevant Problems of Theory and*

Practice. 2024, no. 2, Series: Humanities, pp. 143–148. (In Russian)

Natsional'nyi sostav naseleniya Respubliki Khakasiya [National composition of the population in the Republic of Khakassia]. [Electronic resource]. URL: <https://bdex.ru/naselenie/respublika-hakasiya/> (accessed on January 21, 2025). (In Russian)

Patachakova D.F. O roli dialektov v formirovani natsional'nykh osobennostei khakasskogo yazyka [On the role of dialects in the formation of national features of the Khakass language]. *Khakass dialectology*. Abakan, Khakass Publishing House, 1992, pp. 14–19. (In Russian)

Subrakova O.V. K voprosu opredeleniya bel'tyrskogo govora sagaiskogo dialekta kak samostoyatel'nogo

dialekta khakasskogo yazyka [On the issue of defining the Beltyr subdialect of the Sagai dialect as an independent dialect of the Khakass language]. In: *Aspects of Siberian philology*: V.A. Avrorin, E.I. Ubryatova, V.M. Nadelyaev: Proceedings of the All-Russian Scientific Conference. Novosibirsk, the Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, 2007, pp. 224–226. (In Russian)

Sunchugashev R.D., Chebochakova I.M. Kyzyl'skii dialekt khakasskogo yazyka: sovremennoe sostoyanie [The Kyzyl dialect of the Khakass language: current state]. *The World of Science, Culture, Education*. 2013, no. 6 (43), pp. 381–383. (In Russian)

СЕМАНТИЧЕСКОЕ ЯДРО «ВОДА» В ПИСЬМЕННЫХ ПАМЯТНИКАХ ТУРКМЕНСКОГО ЯЗЫКА

О. А. Нурыева

Институт языка, литературы и национальных рукописей имени Махтумкули АН Туркменистана, ул. 1984 (Пушкина, 13/а), г. Ашхабад, 744000, Туркменистан; email: enesh1961@gmail.com; ORCID: 0009–0007–6641–0458

В статье анализируются термины с семантикой «вода», употреблявшиеся в письменных памятниках туркменского языка. В текстах данных письменных памятников выявлены следующие слова: *suw* ‘вода’, *deňiz* ‘море’ *derýa* ‘река’, *umman* ‘океан’, *guduk* ‘колодец’ и т.д. Слова с семантическим ядром «вода» вошли в обиход с ранних времен и сохранились по настоящее время. Этимология слов, связанных с водой, своеобразна. Некоторые из них, такие как *guduk* ‘колодец’, берут свое начало в раннем Средневековье, и эти лексические единицы отражают уклад жизни туркмен. Отдельные слова в туркменском языке употребляются в переносном смысле. Например, слово *derýa* ‘река’ употребляется в том случае, когда речь идет о большом объеме (*derýa ýaly köp* ‘много, как река’).

В поэтике слово *derýa* ‘река’ имеет значение ‘море’. Очень интересный факт употребления с таким же значением этого слова обнаружен в туркменских диалектах. Исходя из результатов исследования лексических единиц с семантическим ядром ‘вода’, можно прийти к выводу, что они испокон веков активно употреблялись в туркменском языке.

Слова, обнаруженные в письменных памятниках, являются наидревнейшими. Некоторые лексические единицы со значением ‘вода’ в историческом прошлом функционировали иначе. Примером тому служит слово *üňüz*, встречающееся в орхонских памятниках в значении ‘река’.

Ключевые слова: туркменский язык, термин, понятие «вода», семантическое поле, письменные памятники, лексика письменных памятников.

SEMANTIC CORE “WATER” IN WRITTEN MONUMENTS OF THE TURKMEN LANGUAGE

Ogulsapar A. Nuryyeva

Magtymguly Institute of Language, Literature, and National Manuscripts of the Academy of Sciences of Turkmenistan, 13/a Pushkin Str., Ashgabat, 744000, Turkmenistan; email: enesh1961@gmail.com; ORCID: 0009–0007–6641–0458

The article analyzes the terms with semantics of “water” used in the written monuments of the Turkmen language. The following words are identified in the texts of these written monuments: *suw* ‘water’, *deňiz* ‘sea’, *derýa* ‘river’, *umman* ‘ocean’, *guduk* ‘well’, etc. Words with the semantic core “water” have been in use since early times and have been preserved to the present. The etymology of words, related to water, is peculiar. Some of them, such as *guduk* ‘well’, originate in the early Middle Ages, and these lexical units reflect the way of life of the Turkmen.

Some words in the Turkmen language are used figuratively. For example, word *derýa* ‘river’ is used when referring to a large volume (*derýa haly köp* ‘much like a river’).

In poetics, word *derýa* ‘river’ has the meaning of ‘sea’. A very interesting fact of using this word with the same meaning is found in the Turkmen dialects.

Based on the results of the study of lexical units with the semantic core “water”, it can be concluded that they have been actively used in the Turkmen language for centuries.

The words found in written monuments are the most ancient. Some lexical units with the meaning of ‘water’ functioned differently in the past. An example of this is word *üňüz* found in the Orkhon monuments in the meaning of ‘river’.

Keywords: Turkmen language, term, concept of “water”, semantic field, written monuments, vocabulary of written monuments.

Введение

Духовная и материальная культура туркменского народа уходит своими корнями в глубину веков. Выдающиеся образцы нематериального культурного наследия нашего народа имеют большое значение в деле воспитания молодого поколения. Поэтические диваны Байрам хана, Несими, стихотворное наследие выдающегося туркменского поэта XVIII в. Махтумкули Фраги, а также других поэтов, создававших свои стихи на тюркских языках, являются бесценными источниками по изучению истории туркменского языка. Творчество этих поэтов дошло до наших дней в виде сохранившихся бесценных рукописей.

В качестве источника исследования нами использовались фотокопии сборника стихотворений Байрам хана «The Persian and Turki Diwans of Baýram khan, khan-khanan», изданного в 1910 г. английским ученым Денисоном Россом, хранящиеся под номером 8325 в фонде рукописей Института языка, литературы и национальных рукописей им. Махтумкули АН Туркменистана.

Поэт Мухаммед Байрам хан служил во дворце могольских императоров в Индии в XVI в. За преданность императорам и за мужество он был удостоен титула *хан ханан*. Байрам хан вел работу по созданию и укреплению империи моголов.

Письменные памятники являются частью духовного богатства тюркских народов. По их текстам можно судить об исторических, литературных, языковых, культурных традициях того времени. Поэма «Кутадгу билиг» («Благодатное знание»), написанная в период существования исламского государства Караханидов и на его территории, была создана Юсуфом Баласагунским. «Кутадгу билиг» является ценнейшим памятником культурного наследия тюркских народов не только дидактического характера, но и в лингвистическом отношении.

Научной общественности известны три списка «Кутадгу билиг»: каирский, наманганский (ташкентский) и венский (гератский), названные так по месту их нахождения. Объектом нашего научного анализа была

избрана наманганская рукопись данной поэмы. При создании поэмы «Кутадгу билиг» автор опирался на средневековые традиции письма на арабской графике.

Одним из выдающихся поэтов, удостоенным всемирного признания своими письменными памятниками на тюрки, является Сейид Ымадеддин Несими. Поэт родился примерно в 1370 г. в местечке Несим г. Багдада в Ираке. Он был известен своими суфистскими стихотворениями на тюрки и фарси, которые будоражили ортодоксальное духовенство. Стихотворные строки поэта древности на тюрки богаты лексическими единицами, которые могут служить источником для изучения истории туркменского языка.

В рукописном фонде Института языка, литературы и национальных рукописей им. Махтумкули Академии наук Туркменистана хранятся письменные памятники, созданные Несими, под инвентарными номерами 2, 4, 24, 26, 77, 388, 707, 752, 11386, 1427, 1632 а. В рукописи под инвентарным номером 24 собраны стихотворения преимущественно на тюрки. По этой и некоторым другим рукописям туркменский ученый Н. Гуллаев издал в 1972 г. стихотворения Несими.

Творчество туркменского поэта-гения Махтумкули Фраги, 300-летие которого торжественно отмечалось в 2024 году в Туркмении и за ее пределами во многих странах мира, положило начало формированию туркменского литературного языка. Литературное наследие поэта, собранное у любителей поэзии и народных бахши, хранится в Институте языка, литературы и национальных рукописей им. Махтумкули Академии наук Туркменистана. Из года в год издаются сборники, тома стихотворений Махтумкули, которые также переводятся и на другие языки за рубежом.

Основная часть

Стихотворное наследие Байрам хана, Махтумкули Фраги, Сеида Ымадеддина Насими и других поэтов позволяет проследить развитие туркменского языка в средние века и изучить его лексический состав.

В текстах анализируемых письменных памятников встречаются термины со значениями ‘водная поверхность’, ‘водоем’, такие как *suw* ‘вода’, *deňiz* ‘море’, *derýa* ‘река’, *umtan* ‘океан’, *guduk* ‘колодец’ и т.д. Путем анализа производных значений, семантической сочетаемости этих слов можно выявить роль и значение объектов номинации в культурной и экономической жизни туркмен. Испокон веков туркмены занимались орошением земли с помощью сооруженных сардоб, искусственных водоемов, кяризных, колодезных вод, а также сбором снеговых и дождевых вод. Вода играет неопределимую роль в жизни человека, являясь ценным ресурсом, без которого не мыслится повседневная жизнь человека. Так как орошение земель, земледелие у туркмен – занятие очень древнее, корни которого идут вглубь веков, стало быть, и термины, обозначающие воду, искусственные, природные водоемы и водную поверхность, являются такими же наидревнейшими.

В языке рассматриваемых письменных памятников высока частотность употребления слова *suw* ‘вода’. Примеры: *Özünden aýy hijranýy, suw olup akaram sensiz* [Несими, 1972, с. 129] – ‘Из-за горькой разлуки, без тебя, утеку как вода’ [досл. пер. автора]; *Akar suwnyň fyra: kydan gözümden her dem akar suw* [Самойлович, 1917, с. 86] – ‘Из-за разлуки с проточной водой каждое время с глаз моих льется вода’ [досл. пер. автора].

В.В. Радлов в своем словаре «Опыт словаря тюркских наречий» приводит разные значения слова *suw*. К примеру, отмечено, что в казанском, киргизском языках это слово имеет значения ‘питьевая вода’, ‘напиток’: на казанском: *issi sü* ‘кипяченая вода’, *limun suwu* ‘лимонная вода’, ‘лимонный сок’ и т.д.). Он приводит и второе значение слова *suw*, отмечая, что в киргизском языке оно еще обозначает болезнь верблюдов. В «Словаре» слово *suw* приводится и в значении ‘река’. Например: в казанском языке: *sü başy* ‘берег реки’, *sü açyldy* ‘открылась вода’, *suga kitti* ‘утопился’ и т.д. [Радлов, 1963, с. 746].

Первое значение слова *suw* ‘вода’, приведенное В.В. Радловым, совпадает по смыслу со словом *suw* в туркменском языке.

У слова *suw* во всех тюркских языках представлено одно и то же значение ‘вода’. Это значит, что слово *suw* употреблялось в пратюркском языке и, будучи унаследованным из пратюркского лексического фонда, в тюркских языках сохранило это значение вплоть до сегодняшнего дня.

Древность *suw* подтверждает его употребление в древних орхонских письменных памятниках, например: *Any subyg baralym* – ‘Пойдем по воде реки Аны’ [Айдаров, 1971, с. 77–79].

Слово *suw* ‘вода’ в речи туркмен относится к высокочастотной лексике. Роль воды велика в жизни туркменского народа, она священна для него. Туркмены, приближаясь к водному источнику, произносят священные изречения, например: *Essalawmaleýkim, suw aga, el ýüzümi ýuw, aga!* – ‘Здравствуйте, вода-ага, руки и мое лицо помой, ага!’ [досл. пер. автора].

Слово *suw* вошло в состав туркменских фразеологизмов, пословиц и поговорок. Приведем примеры: *Suw getiren hem bir, küýze döwen hem* (пословица) – ‘Одинаковый спрос с того, кто принес воду, и с того, кто разбил кувшин’ [досл. пер. автора]; *At aýlanyp, gazygyn tapar, suw aýlanyp – ýarygyn* (пословица) – ‘Покрутившись, конь найдет свой кол, вода – расщелину’ [досл. пер. автора]; *Suw akar, daş galar* (пословица) – ‘Вода протечет, а камень останется’ [досл. пер. автора]; *Suw seňrikden agmak* – ‘Переполнить чашу терпения’ (букв.: дойти воде до переносицы) [досл. пер. автора]. *Suw ýaly okamak* – ‘о быстром чтении’ (букв.: читать, как вода); *Suwa salma etmek* – ‘говорится при сильном избиении кого-л.’; *Suwuna degmek* – ‘говорится, когда строго наказывают’; *Agzyna suw alan ýaly bolmak* – ‘Как будто в рот воды набрал’, употребляется в переносном смысле: упорно молчать, ничего не говорить; *Sesine suw sepilen ýaly bolmak* – ‘замолкнуть’ (букв.: как будто водой брызнули на голос’ [досл. пер. автора].

В большинстве письменных памятников слово *suw* ‘вода’ употребляется в значении питьевой воды. Примеры: *Pir goludan suw içgen hak nuryga batdyýa* [Ходжа Ахмед Ясави, 1992, с. 35] – ‘Тот, кто из руки Пира напьется водицы, тот достигнет сияния господни’ [досл. пер. автора]; *Dadyma hiç kimse ýetmez,*

bir ýazykly gul menem, // Suw gadryn balyk biler, gadry bilinmez sil menem [Махтумкули, 1976, с. 151] – ‘Никто не подоспеет ко мне на помощь, я, раб, виновен, // Цену воде знает рыба – я неблагодаренный *сель* (поток)’ [досл. пер. автора].

Таким образом, свойство быстротечности воды отразилось в переносном значении в сравнительных оборотах с разными значениями, свидетельствуя о том, что испокон веков это слово являлось активно употребляемой единицей в лексическом составе туркменского языка.

В средневековых письменных памятниках среди слов со значением водной поверхности встречается такая лексема, как *derýa* ‘река’: *Janyňy derýaýa atma göwheri-umman üçin* [Несими, 1972, с. 186] – ‘Не бросайся в реку ради океанского алмаза’ [досл. пер. автора]; *Gäh zerrey-u hurşy: d, gähi katraý-u derýa* [Байрам хан, 1910, с. 51] – ‘Иногда кусочек солнца, иногда капля реки’ [досл. пер. автора]; *Gözümiň ýaşyny derýa kylyp sen* [Байрам хан, 1910, 16 с.] – ‘Ты, обративший слезы моих глаз в реку’ [досл. пер. автора].

В словарях туркменского языка слово *derýa* ‘река’ представлено, оно означает воду, протекающую в достаточном количестве в природных условиях с истока до устья. Слово *derýa* ‘река’ в туркменском языке в переносном смысле употребляется в том случае, когда речь идет о множестве предметов, например, *derýa ýaly kör* ‘много, как река’ [ТДС, 1962, с. 252].

В языке туркменской классической литературы слово *derýa* ‘река’ имеет семантику ‘море’. Также оно встречается в диалектах, например, в диалекте западных емудов: *Derýa: dan hey'vere kör ba: lyk tutulardy* – ‘С реки очень много ловили рыбы’ [досл. пер. автора] [Аразкулиев, 1977, с. 77].

Существуют такие туркменские пословицы, как *göz-derýa* ‘очи-река’ (говорят о человеке с широким кругозором); *Derýa suwdan doýmaz, adam – ömürden* – ‘Река никак не насытится водой, человек – жизнью’ [досл. пер. автора]; *Namarda zar bolandan, gara derýa gark bol* – ‘Лучше утопиться в злосчастной реке, чем идти с просьбой к малодушному’ [досл. пер. автора].

Можно предположить, что в лексику туркменского языка слово *derýa* вошло в Средние века, когда официальным языком во дворцах был персидский язык, игравший немаловажную роль в процессе взаимодействия народов в тот период.

В раннем письменном памятнике вместо слова *derýa* ‘река’ употреблялось слово *ügüz*: *Ertis ügüzig keçe ýorydym* – ‘Перешел через реку Иртыш’ [Айдаров, 1971, с. 78].

Слово *ügüz* встречается и в письменном памятнике XI в. «Кутадгу билиг» Юсуба Баласагунского: *Ögüz (اوگوز – üñüz ‘peka’) kirse tolmaз ab ot ýem önür* – ‘Войдет река, не наполнив водой, будет трава и пища’ [досл. пер. автора] [Юсуф Баласагунский, 2015, с. 133].

Слово *ügüz* употреблялось в языке древних огузов. Туркменский ученый, доктор филологических наук, профессор Ата Аннануров отмечает, что слово *узбой* (название старого русла реки, которая протекала через устье, проходившее между Большим и Малым Балканом и простирающееся до котловины Сарыкамыш) восходит к слову *ügüz* ‘река’, поскольку вдоль берега этой реки в древности жили *огузы*, этот этноним способствовал образованию слова *ügüz*. По мнению ученого, слово *u:zboý* сперва употреблялось в виде *üñüz boý* ‘на протяжении огуз-реки’, а впоследствии компонент *üñüz* фонетически преобразовался [Аннануров, 1961, с. 43–75].

В процессе развития туркменского языка слово *ügüz* постепенно вышло из употребления, и вместо него стало активно функционировать слово *derýa*.

В туркменском языке слово *deňiz* ‘море’ также является термином со значением ‘вода, водная поверхность’, оно активно употребляется в языке восточной классической литературы. Приведем пример: *Düşmüş idim ol deňze derýaýu-ummanda idim* [Несими, 1972, с. 214] – ‘Провалился в то море, оказался в море-океане’ [досл. пер. автора].

Слово *deňiz* представлено во всех тюркских языках, оно имеет схожее значение, но его фонетический облик неодинаков по отдельным языкам. Этот факт отмечает Э.В. Севортьян в своем «Этимологическом словаре тюркских языков» [1974, с. 194].

В туркменском, крымско-татарском, каракалпакском, киргизском, узбекском, уйгурском языках, в диалектах турецкого, казахского языков это слово употребляется в форме *deñiz*. В турецком, азербайджанском, кумыкском языках и в одном диалекте турецкого языка это слово имеет форму *dengiz*. В азербайджанском диалекте имеет форму *dāngiz*.

В «Этимологическом словаре тюркских языков» Э. В. Севортяна отмечается, что в турецком, азербайджанском и других языках слово *deñiz* обозначает море, в алтайском, хакасском – океан, в турецком языке оно употребляется в смысле ‘морские волны’, в диалектах уйгурского языка обозначает озеро (озеро Балхаш), в восточно-тюркских языках означает реку [Севортян, 1974, с. 194]. Но, несмотря на такое широкое употребление слова *deñiz* в тюркских языках, можно констатировать, что эта лексическая единица появилась в последующем периоде формирования лексического состава туркменского языка, так как в ранних письменных источниках понятие ‘море’ выражалось словом *taluy*, ср.: *Türk kagan olurgaly Santuñ balykka taluy ügüzke tegmis ýok ermis* – ‘Тюркский каган для (дальнейшего) обитания (завоевания) не дошел до города Шандунга и до морской реки’ [Айдаров, 1971, с. 78].

В письменных памятниках позже VIII в. мы уже наблюдаем слово *deñiz*. Этот факт дает нам возможность проследить развитие лексического состава туркменского языка и прийти к выводу о том, что в раннем периоде развития языка слово *taluy* в значении ‘море’ использовалось активно. Каким путем и когда слово *deñiz* заменило лексику *taluy* в словарном составе туркменского языка, сказать трудно. Исследование этого вопроса является делом будущего и требует отдельного изучения.

В лирике поэтов Востока употребляется много слов, связанных с темой воды. Среди них встречается древнее название колодца – *кудук*. Приведем пример: *Ýusup bile bir gudukda ýuglar erdim zar-zar* – ‘Горестно плакал с Юсуфом в одном колодце’ [Несими, 1972, с. 10].

Слово *кудук* зарегистрировано в различных словарях тюркских языков, ср., например: *kudug* (бараб., тел., чулымское нар., саг., кир., кара-кирг., таранчинское нар.) [Радлов, 1963,

с. 1002], «...*Olarning ýer guduği*... – ‘Их земной колодец...’» [Радлов, 1963, с. 1003].

Термином *кудук* также именуются маленькие лунки, которые выкапываются для национальной туркменской игры *чили́к* ‘чижик’.

В современном туркменском языке слово *кудук* приняло форму *гуйы* ‘колодец’ (*kud>gud>guy*), то есть в аналауте произошел переход древнего глухого *к* в звонкий *г*, а в первом слоге – переход *д*→*й*. Формант *-uk* в этом слове является продуктивным именным суффиксом, ср.: *gazyk* ‘кол’, *üzük* ‘оторванный’, *ötük* ‘переход’, *serpik* ‘войлочное покрывало для верхнего отверстия юрты’ (от *serpmek* ‘открыть что-то, отбрасывая в сторону’). В говоре ставропольских туркмен в значении ‘колодец’ используется слово *gut*: *Taktaly gut da:rmeke?* – ‘Есть ли деревянный колодец?’ [досл. пер. автора] [Аразкулиев, 1977, с. 68].

Слово *гуйы* в туркменском языке настолько древнее, что оно вошло в состав фразеологизмов: *Iñňe bilen guýy gazmak* – ‘Иглой рыть колодец’; *Guýynyñ düýbüne düşen ýaly bolmak* – ‘Как будто провалиться на дно колодца’. В современном туркменском языке *кудук* сохранилось в сравнении *guduk ýaly* ‘как колодец’ (так говорят о человеке, который пьет много воды).

Таким образом, можно констатировать, что слово *кудук* – это древний вариант слова *гуйы*.

В письменных памятниках употребляется слово *umman* ‘океан’, обозначающее водоем. Например: *Düşmüş idim ol deñze, derýaýy – ummanda idim* [Несими, 1972, с. 214] – ‘Провалился в то море, оказался в море-океане’ [досл. пер. автора].

Слово *umman* ‘океан’ в языке классической литературы означает *uly deñiz* ‘большое море’: *Jeyhun umman içinde, Gark bolmuş eski-salyt* [Махтумкули, 1976, с. 141] – ‘Джейхун (море) в океане, потоп мой старый плот’ [досл. пер. автора]; *Sabalar geler ummandan* [Махтумкули, 1976, с. 114] – ‘С большого моря подует ранний утренний (ласковый, приятный) ветерок’ [досл. пер. автора].

Если слово *umman* в раннем периоде развития языка употреблялось в значении ‘большое море’, то в настоящее время функция этого слова в значительной мере изменилась. Уместно отметить то, что до обретения неза-

висимости Туркменистана в туркменском языке использовалось заимствованное слово *океан*, но после приобретения независимости страны, в результате национализации некоторых терминов туркменского языка, широкой общественностью стало употребляться слово *umtan* в значении 'океан'. Современное значение слова *umtan* отличается от прежнего, древнего, смысла 'большое море'. Это объясняется тем, что понятия «океан» и «море» различаются, необходимость разграничения смысла между объектами номинации объясняется их различными свойствами. Океан – это водная часть между материками. Море – это часть океана, обособленная сушей, также большое водное пространство с горьковато-соленой водой. Этим и объясняется различие обозначаемого смысла слов *umtan* и *deňiz*, то есть в туркменском языке выделяется определенное различие в современном употреблении слова *umtan*.

Заключение

Результаты анализа письменных текстов в памятниках туркменского языка показывают, что в них активно использовался ряд слов с семантическим ядром «вода». В большинстве тюркских языков эти слова представлены и имеют схожее значение. Некоторые из них характерны для высокого стиля литературного языка. Многие наименования водных объектов, водоемов архаичны. Термины со значением 'вода' берут свое начало с глубокой древности, на их древность указывает их использование во фразеологических оборотах. Встречаются архаичные слова со значением 'вода', фонетически отличающиеся от современного употребления.

Литература

- Айдаров Г.** Язык орхонских памятников древнетюркской письменности VIII в. Алма-Ата: Наука, 1971. 380 с.
- Радлов В.В.** Опыт словаря тюркских наречий. Т. II, ч. I. М.-СПб.: Изд-во восточной лит., 1963. 1052 с.
- Самойлович А.** Собрание стихотворений императора Бабура. Ч. 1. Петроград: «Вост. тип. И. Бораганского», 1917. 131 с.
- Севортян Э.В.** Этимологический словарь тюркских языков. М.: Наука, 1974. 767 с.
- The Persian and turki Divans of Bayram Khan, khan-khanan. Edited by E. Denison Ross. Calcutta: Calcutta Asiatic Society, 1910. 91 c.
- Annanurov A.** «Uzboy» sözünüň gelip çykyşy hakynda // Известия АН ТССР. Серия общественных наук. 1961. № 1. С. 73–76.
- Arazkulyýew S., Atanyýazow S., Berdiýew R., Saparowa G.** Türkmen diliniň gysgaça dialektologik sözlügi. Ashgabat: Ylym, 1977. 216 c.
- Hoja Ahmet Ýasawy.** Hikmetler. M.: Ikar, 1992. 360 c.
- Magtymguly.** Saýlanan goşgular. Ashgabat: Türkmenistan, 1976. 678 c.
- Nesimi.** Şygrylar. Ashgabat: Türkmenistan, 1972. 288 c.
- Türkmen diliniň sözlügi. Ashgabat: Türkmenistan SSR Ylymlar akademiýasynyň neşirýaty, 1962. 866 c.
- Ýusup Balasagunly.** Kutadgu bilig (namangan nusgasy). Ankara: Türk Dil Kurumu Yayınları, 2015. 445 c.

References

- Aidarov G.** Yazyk orhonskih pamyatnikov drevnetyurkskoy pismennosti VIII v. [Language of Orkhon monuments of the ancient Turkic writing system of 8th century]. Alma-Ata, Nauka, 1971, 380 pp. (In Russian)
- Annanurov A.** «Uzboy» sozunin gelip chykyshy hakynda [About the origin of the word “Uzboy”]. *Bulletin of the TSSR Academy of Sciences. Social science series*, 1961, no. 1, pp. 73–76. (In Turkmen)
- Arazkuliev S., Ataniyazov S., Berdiev R., Saparova G.** Turkmen dilinin gysgacha dialectologic sozlugi [Brief dialectological dictionary of the Turkmen language]. Ashgabat, Nauka, 1977, 216 pp. (In Turkmen)
- Hoja Ahmet Yasavi.** Hicmetler [Hicmetler]. Moscow, Ikar, 1992, 360 pp. (In Turkmen)
- Machtymguli.** Saylanan goshgular [Selected poems]. Ashgabat, Turkmenistan, 1976, 678 pp. (In Turkmen)
- Nesimi.** Shygrylar [Poems]. Ashgabat, Turkmenistan, 1972, 288 pp. (In Turkmen)
- Radlov V.V.** Opyt slovary tyurkskikh narechiy [Experience of a dictionary of Turkic dialects]. Vol. 2, part 1, Moscow-Saint-Petersburg, Publishing House of Eastern Literature, 1963, 1052 pp. (In Russian)
- Samoilovich A.** Sobraniye stihotvoreniy Imperatora Babura [Collection of poems by Emperor Babur]. Part 1, Petrograd, I. Boragansky's Eastern Printing House, 1917, 131 pp. (In Turkic)
- Sevortyan E.V.** Etimologicheskii slovar' tyurkskikh yazykov (Obshchetyurkskie i mezhtyurkskie osnovy na glasnye) [Etymological dictionary of Turkic languages (common Turkic and inter-Turkic vowel bases)]. Moscow, Nauka, 1974, 767 pp. (In Russian)
- The Persian and turki Divans of Bayram Khan, khan-khanan. Edited by E. Denison Ross. Calcutta, Calcutta Asiatic Society, 1910, 91 pp. (In Turkic)
- Türkmen dilinin sozlugi [Dictionary of the Turkmen language]. Ashgabat, the TSSR Academy of Sciences, 1962, 866 pp. (In Turkmen)
- Yusuf Balasagunli.** Kutadgu bilig [Kutadgu bilig] (namangan example). Ankara, Türk Dil Kurumu Yayınları, 2015, 445 pp. (In Turkic)

ОБРАЗЫ БОГАТЫРЕЙ И БОГАТЫРОК В ГЕРОИЧЕСКОМ СКАЗАНИИ ХАКАСОВ

Н. В. Майнагашева

Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории, ул. Щетинкина, 23, Абакан, 655017, Россия; email: natalya.shulbaeva@yandex.ru

В данном исследовании основное внимание уделяется образам богатырей и богатырок как центральным персонажам героических произведений. Эти образы наделены качествами героизма, мужества, силы и несокрушимости, что подчеркивает их ключевое значение в сюжете и их идейную направленность. В эпосе особое место занимает чудесное рождение героя, что указывает на его высокое предназначение. Это может выражаться в разных формах появления главного персонажа, как в хакасском эпосе: естественное рождение, происхождение из камня, рождение от коней или чудесное зачатие через сказочное событие, например, поедание золотой рыбы или яйца сказочных птиц.

Ключевые слова: алыптыг ныхмах, центральный персонаж, богатырь, женские образы, чудесное рождение, чудесное зачатие, сюжет.

IMAGES OF HEROES AND HERO MAIDENS IN THE KHA Kass' HEROIC LEGEND

Natalya V. Mainagasheva

Khakass Research Institute for Language, Literature, and History, 23 Shchetinkin Str., Abakan, 655017, Russia; email: natalya.shulbaeva@yandex.ru

In this study, the main focus is on the images of heroes and hero maidens as the central characters of heroic works. These images are endowed with the qualities of heroism, courage, strength, and indestructibility which emphasizes their key importance in the plot and their ideological goal. In the epic, a special place is occupied by the hero's miraculous birth which indicates his high destiny. This can be expressed in various forms of the appearance of the main character as in the Khakass epic: natural birth, origin from stone, birth from horses, or miraculous conception through a fabulous event such as eating golden fish or eggs of fabulous birds.

Keywords: alyptyg nymakh, central character, hero, female images, miraculous birth, miraculous conception, plot.

Введение

Сюжеты и образы хакасского героического эпоса имеют глубокие корни, уходящие в древнюю историю народа. Хотя точная датировка эпических историй невозможна, исследователи предполагают их возникновение в VI–X вв., связывая это с историей Южной

Сибири, а также с подъемом и упадком крупных государственных объединений и империй [Трояков, 1991, с. 4].

Е. М. Мелетинский отмечает общие черты героического эпоса тюрко-монгольских народов Сибири, вытекающие из общего исторического, социально-политического и культурного фона. Он подчеркивает, что

военно-политическая доминирующая роль тюрков сыграла важную роль в трансформации устных традиций, где герои превращались в воинов-богатырей, но при этом сохраняли элементы сказочной и мифологической основы [Мелетинский, 1963, с. 251–252].

Женские образы

Женские образы, представленные в хакасском эпосе, такие как Алтын Арыг и Ай Хуучин, обладают уникальной художественной и исторической значимостью. Исследователи М. А. Унгвицкая и В. Е. Майногашева считают их появление связанным с переходным периодом от родового строя к классовому обществу [Унгвицкая, Майногашева, 1972, с. 97]. П. А. Трояков также указывает на поздний характер женских образов, предостерегая от прямого связывания их с эпохой матриархата. Он утверждает, что элементы матриархата со временем преобразовались в эпосе, приобретя новую семантику и функцию [Трояков, 1991, с. 114]. Исторические свидетельства подтверждают существование воительниц в древней Хакасии. Археологи С. В. Киселев и Л. Р. Кызласов, обнаружили захоронения женщин с оружием, что доказывает их высокое социальное положение и участие в войнах. Например, курганы женщин-защитниц XI–XII вв., найденные и исследованные Л. Р. Кызласовым на горе Оглахты, иллюстрируют этот факт [Унгвицкая, Майногашева, 1972, с. 97].

Образы богатырок несут архетипические и мифологические черты, восходящие к материнскому роду и семейным отношениям древних обществ. Их характеристики представляют синтез сакрального и профанного и воплощают идеалы крепкого здоровья, физической силы и выносливости. Например, гиперболизированный образ героини Алтын Арыг в сказании П. В. Курбижекова «Сын Ах Хана Сайын Хан» [Ах Ханның палазы Сайын Хан, д. 514, 272 л.] представляет могущественную воительницу, способную защитить родную землю от врагов. Женщины-богатырки особенно ярко отображены в тюрко-монгольском эпосе, включая бурятские и якутские

сказания. Их присутствие, наряду с мужчинами-богатырями, создает многогранный образ героизма в народной традиции, отражая глубинные изменения в культуре и социальной структуре народов Центральной Азии.

Женский образ в героическом эпосе занимает особое место: богатырка, превосходящая всех по силе, после поражения в единоборстве с главным героем нередко становится его супругой, признавая его превосходство и подчиняясь его воле. Примером такого сюжетного хода является бурятская богатырка Алма Мэргэн из улигера «Абай Гэсэр Могучий» [Абай Гэсэр Могучий, 1995, с. 483], якутские героини Кыыс Мюлгун из олонхо Н. Ф. Попова «Тойон Нюргун» [Емельянов, 2000, с. 115] и Кылааннаах Кыыс Нюргун из олонхо К. Г. Оросина «Нюргун Боотур Стремительный» [Емельянов, 2000, с. 172]. В этот же ряд включается и хакасская богатырка Алтын Арыг.

Чудесное происхождение богатыря

Одной из традиционных черт героико-эпических произведений является их зачин, который часто начинается описанием сотворения мира. Этот период связывается с начальным этапом мировой истории, временем первотворения, когда природа только начинает принимать свои первые формы. Как отмечал Е. М. Мелетинский, данный момент иногда изображается как идеальное время – своего рода «золотой век». Однако неизбежно возникает противоречие: сцена начального творения соседствует с описанием уже сформированной, упорядоченной жизни главного героя, богатого скотовода-воина [Мелетинский, 1988, с. 360]. В противовес классическому времени первотворения, где земля только начинает обретать свои очертания и появляются первые природные объекты, в эпических текстах упоминается уже обустроенный мир. Люди здесь не только организовали свой быт, но и обрели устойчивый уклад жизни с закрепленными занятиями. Таким образом, в большинстве случаев эпос отсылает ко времени, когда основные природные элементы – луна, солнце, горы, леса – уже созданы, но все еще

воспринимаются как части относительно нового мира. Именно в этот период представлен центральный герой: это либо правитель, осматривающий свои обширные владения, либо бездетная пара, находящаяся в ожидании наследника. Нередко главный герой изображается одиноким, причем его существование в столь недавно созданном мире остается необъясненным. Такой мотив одиночества не является уникальным для одной традиции. В эпосе монголоязычных народов он встречается достаточно часто. Например, Е. Э. Хабунова в своем исследовании эпоса «Джангар» отмечает, что прологи калмыцкой версии, а также вступления монгольских и синьцзянских версий рассказывают об уединенности богатыря как о проявлении его предопределенного героизма [Хабунова, 2016, с. 14].

Богатыри в эпическом повествовании изображаются как носители героизма, мужества, силы и несокрушимости. Они выполняют важные роли и несут определенную идейную нагрузку. Особое место в сказаниях занимает тема чудесного рождения героя, через которую раскрывается его предназначение и исключительность. Необычные обстоятельства рождения и сверхъестественная сила героя указывают на его высокое предназначение. По наблюдениям тувинской исследовательницы Л. К. Хертек, такие персонажи, как правило, появляются на свет необычным образом, что подчеркивает их уникальность. Исследовательница выделяет несколько форм происхождения эпических героев: естественное рождение в человеческой семье, божественное происхождение и рождение из предметов природы, например из камня [Хертек, 2014, с. 27]. Этот мотив отражает убеждение в том, что выдающийся герой изначально наделен особым статусом и миссией в рамках мифологического мировоззрения его народа.

В героическом эпосе хакасов описания появления главных персонажей разнообразны. Как и в тувинской традиции, герой может быть рожден в обычной семье или явиться на свет из камня. Однако в хакасских сказаниях встречаются еще более необычные варианты: герой рождается от коней или же

происходит зачатие у бездетной пары после употребления в пищу волшебной золотой рыбы или яйца сказочных птиц Хан Кире. В некоторых случаях рождение богатыря вовсе не упоминается, и он предстает перед нами как данность, существующая с самого начала. Например, в эпосе «Ах сараттыг Ах Хан» («Ах Хан на светло-соловом коне») [Ах сараттыг Ах Хан, д. 75, л. 99–129], записанном от К. А. Бастаева, рассказывается о пожилой супружеской паре. Главный герой, Ах Хан, отправляется осматривать свои владения и вступает в схватку с Айдолаем. Когда богатырь оказывается на грани поражения, на поле битвы внезапно появляется малолетний ребенок (*час пала*), рожденный в отсутствие отца от престарелой матери. Этот младенец вступает в борьбу с врагом и побеждает его. Впоследствии становится ясно, что малолетний воин – сын Ах Хана, появившийся на свет чудесным образом. Мотив рождения героя для спасения своей земли от врагов широко распространен в героическом эпосе. Несмотря на юный возраст, такие дети обладают невероятной силой и верным боевым товарищем – жеребенком. Их внешний облик может быть обманчив: даже будучи ребенком, богатырь и его конь способны сражаться как равные с опытными воинами. Малолетний герой растет вместе со своим жеребенком, который со временем превращается в сильного богатырского коня. Они наделены схожими чертами: как по младенческому возрасту, так и по проявлениям богатырской мощи. В сказании особое внимание уделяется описанию юного жеребенка, чей маленький размер подчеркивается деталями – у него еще не выросли хвост и грива. Хозяин жеребенка столь же мал и юн. По мнению исследователя Н. С. Чистобаевой, мотив рождения богатыря у пожилых родителей указывает на вмешательство высших сил. Обычно ребенок появляется тогда, когда отца нет дома, и в моменты наибольшей опасности для родной земли или народа [Чистобаева, 2015, с. 28]. Такой младенец с первых дней жизни обладает удивительной силой, быстро взрослеет («растет не по дням, а по часам»), совершает подвиги и становится спасителем своего народа. Его чудесное происхождение

подчеркивает избранность и предопределенность судьбы, делая его достойным продолжателем своего рода. В другом эпосе, «Хасха Хараттыг Хан Харахчыл» («Хан Харахчыл на вороном коне с отметиной на лбу»), записанном М. К. Добровым в 1948 г. [Хасха Хараттыг Хан Харахчыл, д. 92, 95 л.], также упоминается мотив быстрого роста героя. Бездетная пара находит младенца, которого вскармливают коровьим молоком. Ребенок стремительно растет. В этом сказании прослеживаются этнографические детали: младенцу шьют соску из высушенной кожи животного, что отражает реальные традиции скотоводческих народов. Например, известно, что для таких целей использовали коровьи рога или оболочку желудков животных. Примечательно и гиперболическое описание размеров этой соски: младенец настолько велик и прожорлив, что ему требуется молоко от множества (шестьдесят или семьдесят) коров. Это преувеличение подчеркивает его богатырскую природу.

В хакасском героическом эпосе прослеживается богатый пласт мифологических и культурных элементов, глубоко укорененных в архаических представлениях и образах. Этот жанр дает возможность рассмотреть изначальные представления о героизме, происхождении персонажей и их месте в окружающем мире. Уже с младенчества герои проявляют себя как добытчики. Так, отец ребенка Ханныг Хылыс в вышеуказанном сказании плетет своему сыну кисточку, делает лук из таволожника, с помощью которого малолетний ребенок начинает охотиться. Эпическая традиция подчеркивает самостоятельность и природную смекалку таких персонажей. Интересным примером можно считать эпос «Ах Пораттыг Алтын Сабах» («Алтын Сабах на светло-сером коне»), записанный от К. А. Бастаева в 1949 г. [Ах пораттыг Алтын Сабах, д. 75, л. 131–175]. Здесь – история маленькой девочки, выросшей в разрушенном жилище. Ничего не зная о своих родителях, она связывает свое происхождение с природой, считая себя рожденной от степи. Это представление о генетической связи с природным миром типично для эпоса, где могучие герои нередко имеют в родителях

природные силы – горы, кедровники или другие природные объекты. Любопытен мотив добычи необходимых средств для выживания. Девочка, обыскав жилище, находит снасть для лова рыбы и казан для ее приготовления, что демонстрирует черты культурного героя. Согласно Е. М. Мелетинскому, такие действия отражают специфику «присваивающего» хозяйства архаичных обществ [Мелетинский, 1963, с. 26]. Мотив чудесного рождения – неизменный элемент сказаний. Примером являются хакасская богатырка Алтын Арыг, Пис Тумзух и героиня Ах Чибек Арыг, которые рождаются из камня в Белой скале. Подобные образы перекликаются с нартским эпосом Кавказа, где герой Сасрыкуа также появляется на свет из камня. Исследователи подчеркивают мифопоэтическую древность такого сюжета, восходящего ко временам матриархата [Джапуа, 2016, с. 95]. В сказании «Хара тораттыг Хара Хан» в исполнении К. А. Бастаева [Хара тораттыг Хара Хан, д. 75, л. 90] описывается оригинальный сюжет о бездетности. По совету девочки супруги отправляются к Каменной горе, где в Черном озере ловят волшебную рыбу с золотой чешуей. Только съев эту рыбу, героиня рождает сына.

Интересен также мотив чудесного рождения героя в сказании В. Т. Сагалакова «Хан Сабах алып хыстаңар ныхмах» [Хан Сабах алып хыстаңар ныхмах, д. 1366, л. 75]. Главная героиня Хан Сабах спасает от града яйца сказочных птиц – Хан Киреде, в знак благодарности они отдают ей одно яйцо. По совету своего коня она съедает яйцо, смешав его с молоком. Так она оказывается беременной и у нее рождается сын Ойрат Оол, которого называют «хус палазы» («ребенком птиц»).

В данном сказании мотив рождения от съеденного яйца, думается, приобретает сакральный смысл, связывая рождение героя с высшими силами и миром природы. Чудесное рождение Ойрат Оола подчеркивает его исключительность. Символика птичьего яйца, дарованного Хан Киреде, указывает на связь героя с небесным миром и покровительством духов, тем более что это яйцо мифических птиц.

По словам исследователей, «причастность птиц к силам порождения, к созидательному

началу со всей очевидностью проявляется в космогонических мифах Южной Сибири, утверждающих первичность аморфной водной стихии. Превращение хаоса в космос в алтайских и хакасских мифах связано с деятельностью двух уток <...> С представлением о крылатом божестве или птице-демиурге, преобразующей водный хаос, коррелирует мифологическая концепция творения мира из яйца, распространенная у многих народов» [Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири, 1989 с. 154]. А молоко, с которым смешивает яйцо героиня, также «...выступает носителем качественных характеристик верхнего мира. Оно – воплощение белизны, символизирующей истинность, великолепие, сакральную чистоту» [Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири, 1988, с. 123].

Также особый интерес здесь представляет мотив непорочного зачатия. Исследовательница Ю. И. Чаптыкова отмечает, что «непорочное зачатие составляет основу сюжетов во всех мировых религиях и исследовано в специальной литературе. Вера в возможность зачатия без участия мужчин восходит к представлениям о душе как отдельно существующей субстанции. Создательницей рода издревле считалась женщина, главенствующая в период матриархата» [Чаптыкова, 2020, с. 67].

Интересно, что в сказании конь выступает в роли советчика. Это отражает традиционное почитание коня в культуре хакасов как верного спутника и помощника в жизни и подвигах. Конь наделяется мудростью и знаниями.

Мотив «хус палазы» наделяет Ойрат Оола особыми качествами и силой. Он становится не просто человеком, а избранником, отмеченным небесными силами. Этот мотив подчеркивает героический характер Ойрат Оола и его предназначение совершать подвиги во благо своего народа.

Таким образом, мотив чудесного рождения в сказании В. Т. Сагалакова «Хан Сабах алып хыстаңар ныхах» не только отражает древние верования и представления о мироздании, но и наделяет главного героя особыми качествами, предопределяющими его героическую судьбу.

Символика горы, озера, рыбы, яйца подчеркивает мифологическую основу этих образов.

Основная функция героя – борьба с врагами (будь то захватчики или демонические существа) и преобразование мира вокруг. В эпосе «Сын Ах Хана Сайын Хан» [Ах Ханның палазы Сайын Хан, д. 514, л. 272] главный герой Манан Сайын действует против дяди-тирана Хара Молата. Он возвращает угнанный скот, освобождает людей, побеждает демонических существ Чик Сарыг («желтая нечисть») и Хара Нинчи («черный жемчуг»). Герой также является целителем – он воскрешает братьев и обладает уникальными знаниями, помогающими другим персонажам. Имена героев раскрывают их сущность. Например, белый цвет (*ах*) символизирует чистоту и добродетель, а черный (*хара*) или желтый (*сарыг*) ассоциируются с Нижним миром и отрицательными фигурами. Е. П. Войтенко отмечает, что желтый цвет особенно значим в хакасской мифологии как символ подземного мира [Войтенко, 2009, с. 54]. Таким образом, героический эпос хакасов насыщен мифологическими мотивами и культурными архетипами, формируя уникальную картину архаического мировоззрения и представлений о героизме.

Богатыри и богатырки в эпической традиции искусно используют магические способности для достижения своих целей. Их умение трансформировать собственный облик или изменять форму окружающих, включая своих помощников, представляет собой естественное проявление их героической природы. Ярким примером выступает сказание А. С. Бурнакова «Ах ой аттыг Алтын Іргек» («Алтын Іргек на бело-буланом коне») [Ах ой аттыг Алтын Іргек, д. 564, л. 153], где главный герой многократно использует эту способность: он превращает свою супругу и коня, а также сам перевоплощается в насекомых, животных, других людей и персонажей сказания, включая своего сводного брата, появившегося на свет от союза матери героя с богатырем из Нижнего мира. Кроме того, подчеркивается, что у главного героя имеется живой лук и стрелы, что усиливает его образ как всесильного и многофункционального персонажа.

Заключение

Образы богатырей и богатырок в эпосе воплощают надежды и чаяния их создателей и отличаются уникальной многогранностью, они воплощают в себе силу, мужество и героизм, занимают центральное место в устном народном творчестве многих народов.

Основной задачей богатырей является защита родной земли от врагов, противостояние захватчикам и поиски суженой. Физическая мощь героев гиперболизирована, причем особое внимание уделяется описанию богатырских поединков и подвигов. Особое место занимает чудесное рождение героя, что указывает на его высокое предназначение. В поздних стадиях сюжетного развития эпических сказаний центральное место начинает занимать тема борьбы с ханами-захватчиками, что отражает исторические и социальные реалии, нашедшие отражение в фольклорной традиции. Таким образом, эпические образы богатырей остаются символами силы, упорства и борьбы за справедливость в культурно-историческом контексте.

Литература

- Абай Гэсэр Могучий.** Бурятский героический эпос. М.: Вост. лит. РАН, 1995. 526 с.: ил. (на бурят. и рус. яз.).
- Ах ой аттыг Алтын Иргек** (запись сделана Н. А. Кичеевым от сказителя А. С. Бурнакова в 1986 г.); Ф. 1. Оп. 1. Д. 564. 153 л.
- Ах пораттыг Алтын Сабах** (запись сделана А. Т. Кызласовой от сказителя К. А. Бастаева в 1949 г.); Ф. 1. Оп. 1. Д. 75. Л. 131–175.
- Ах сарттаг Ах Хан** (запись сделана А. Т. Кызласовой от сказителя К. А. Бастаева в 1949 г.); Ф. 1. Оп. 1. Д. 75. Л. 99–129.
- Ах Ханнун палазы Сайын Хан** (запись сделана П. В. Курбижековым (самозапись) в 1964 г.); Ф. 1. Оп. 1. Д. 514. 272 л.
- Войтенко Е. П.** Эпитетика хакасского героического эпоса «Ай Хуучин» // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2009. Том 8. Вып. 2: Филология. С. 50–55.
- Джапуа З. Д.** Абхазский нартский эпос: текстология. Семантика. Поэтика. М.: Наука: Восточ. лит., 2016. 381 с.
- Емельянов Н. В.** Сюжеты олонхо о защитниках. Новосибирск: Наука, 2000. 190 с.
- Емельянов Н. В.** Сюжеты якутских олонхо. М.: Наука, 1980. 375 с.

- Мелетинский Е. М.** Избранные статьи. Воспоминания. М.: Наука, 1988. 460 с.
- Мелетинский Е. М.** Происхождение героического эпоса [Текст]: ранние формы и архаические памятники. М.: Изд-во вост. лит., 1963. 462 с. (Исследования по теории и истории эпоса).
- Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири.** Пространство и время. Вещный мир / Э. Л. Львова, И. В. Октябрьская, А. М. Сагалаев, М. С. Усманова. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1988. 225 с.
- Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири.** Человек. Общество / Э. Л. Львова, И. В. Октябрьская, А. М. Сагалаев, М. С. Усманова. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1989. 243 с.
- Трояков П. А.** Героический эпос хакасов и проблемы изучения (исследование и приложение). Абакан, 1991. 326 с.
- Унгвицкая М. А.** Хакасское народное поэтическое творчество / М. А. Унгвицкая, В. Е. Майнагашева. Абакан: Хакасское отд. Краснояр. кн. изд-ва, 1972. 222 с.
- Хабунова Е. Э.** Героический эпос «Джангар»: поэтические константы богатырского жизненного цикла (сравнительное изучение национальных версий). Ростов-на-Дону: Изд-во СКНЦ ВШ, 2006. 256 с.
- Хан Сабах алып хыстаңар нымах** (запись сделана А. К. Манаргиным от сказителя В. Т. Сагалакова в 1945 г.); Ф. 1. Оп. 1. Д. 1366. 75 л.
- Хара тораттыг Хара Хан** (запись сделана К. Г. Толмашовым от сказителя Е. П. Миягашева в 1949 г.); Ф. 1. Оп. 1. Д. 74. Л. 49–89.
- Хасха хара аттыг Хан Харахчыл** (запись сделана М. И. Добровой от сказителя М. К. Доброва в 1948 г.); Ф. 1. Оп. 1. Д. 92. 95 л.
- Хертек Л. К.** Мифологические традиции в тувинских героических сказаниях (сюжеты и образы). Кызыл: Изд-во Тувинского гос. ун-та, 2014. 182 с.
- Чаптыкова Ю. И.** Мотив чудесного рождения героя в хакасском героическом эпосе // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова. 2020. Серия: Эпосоведение. № 2 (18). С. 64–73.
- Чистобаева Н. С.** Героический эпос хакасов: тематика и поэтика. Абакан: Бригантина, 2015. 170 с.

References

- Abai Geser Moguchii. Buryatskii geroicheskii epos [Mighty Abai Geser. Buryat heroic epic]. Moscow, Oriental Literature of the Russian Academy of Sciences, 1995, 526 pp. (In Buryat and Russian)
- Akh Khannun palazy Saiyn Khan [Akh Khannin palazy Sayin Khan (recorded by P. V. Kurbizhekov (self-recording) in 1964)]. Fund 1, list 1, file 514, 272 pp. (In Khakass)

- Akh oi attyg Altyn Irgek [Akh oi attyg Altyn Irgek (recorded by N.A. Kicheev from storyteller A.S. Burnakov in 1986)]. Fund 1, list 1, file 564, 153 pp. (In Khakass)
- Akh porattyg Altyn Sabakh [Akh porattyg Altyn Sabakh (recorded by A.T. Kyzlasova from storyteller K.A. Bastaev in 1949)]. Fund 1, list 1, file 75, pp. 131–175. (In Khakass)
- Akh sarttayg Akh Khan [Akh sarttayg Akh Khan (recorded by A.T. Kyzlasova from storyteller K.A. Bastaev in 1949)]. Fund 1, list 1, file 75, pp. 99–129. (In Khakass)
- Chaptykova Yu. I.** Motiv chudesnogo rozhdeniya geroya v khakasskom geroicheskom epose [Motif of the hero's miraculous birth in Khakass heroic epic]. *Bulletin of M.K. Ammosov Northeastern Federal University*. 2020, Series: Epic Studies, no. 2 (18), pp. 64–73. (In Russian)
- Chistobaeva N. S.** Geroicheskii epos khakasov: tematika i poetika [Khakass heroic epic: themes and poetics]. Abakan, Brigantine, 2015, 170 pp. (In Russian)
- Japua Z. D.** Abkhazskii nartskii epos: tekstologiya. Semantika. Poetika [Abkhazian Nart epic: textual history. Semantics. Poetics]. Moscow, Nauka, Oriental Literature, 2016, 381 pp. (In Russian)
- Khabunova E. E.** Geroicheskii epos «Dzhangar»: poeticheskie konstanty bogatyrskogo zhiznennogo tsikla (sravnitel'noe izuchenie natsional'nykh versii) [Heroic epic «Dzhangar»: poetic constants of the heroic life cycle (comparative study of national versions)]. Rostov-on-Don, Publishing House of the Russian Research Center of Higher School of Economics, 2006, 256 pp. (In Russian)
- Khan Sabakh alyp khystaḡar nymakh [Khan Sabakh alyp khystaar nymakh (recorded by A.K. Manargin from storyteller V.T. Sagalakov in 1945)]. Fund 1, list 1, file 1366, 75 pp. (In Khakass)
- Khara torattyg Khara Khan [Khara torattyg Khara Khan (recorded by K.G. Tolmashov from storyteller E.P. Miyagashev in 1949)]. Fund 1, list 1, file 74, pp. 49–89. (In Khakass)
- Khaskha khara attyg Khan Kharakhchyl [Khaskha khara attyg Khan Kharakhchyl (recorded by M.I. Dobrova from storyteller M.K. Dobrov in 1948)]. Fund 1, list 1, file 92, 95 pp. (In Khakass)
- Khertek L. K.** Mifologicheskie traditsii v tuvinskikh geroicheskikh skazaniyakh (syuzhety i obrazy) [Mythological traditions in Tuvan heroic tales (plots and images)]. Kyzyl, Tuvan State University Press., 2014, 182 pp. (In Russian)
- Meletinsky E. M.** Izbrannye stat'i. Vospominaniya [Selected articles. Memories]. Moscow, Nauka, 1988, 460 pp. (In Russian)
- Meletinsky E. M.** Proiskhozhdenie geroicheskogo eposa [Tekst]: rannie formy i arkhaiskie pamyatniki [Origin of heroic epic [Text]: early forms and archaic monuments]. Moscow, Oriental Literature, 1963, 462 pp. (In Russian)
- Traditsionnoe mirovozzrenie tyurkov Yuzhnoi Sibiri. Chelovek. Obshchestvo [Traditional worldview of the Turks in South Siberia. Human. Society/Lvova E. L., Oktyabrskaya I. V., Sagalaev A. M., Usmanova M. S]. Novosibirsk, Nauka, the Siberian Branch, 1989, 243 pp. (In Russian)
- Traditsionnoe mirovozzrenie tyurkov Yuzhnoi Sibiri. Prostranstvo i vremya. Veshchnyi mir [Traditional worldview of the Turks in South Siberia. Space and time. Material world/Lvova E. L., Oktyabrskaya I. V., Sagalaev A. M., Usmanova M. S]. Novosibirsk, Nauka, the Siberian Branch, 1988, 225 pp. (In Russian)
- Troyakov P. A.** Geroicheskii epos khakasov i problemy izucheniya (issledovanie i prilozhenie) [The Khakass' heroic epic and problems of its studying (research and appendix)]. Abakan, 1991, 326 pp. (In Russian)
- Ungvitskaya M. A.** Khakasskoe narodnoe poeticheskoe tvorchestvo [Khakass folk poetry / M. A. Ungvitskaya, V. E. Mainogasheva]. Abakan, the Khakass Branch of the Krasnoyarsk Publishing House, 1972, 222 pp. (In Russian)
- Voitenko E. P.** Epitetika khakasskogo geroicheskogo eposa «Ai-Khuuchin» [Epithetics of Khakass heroic epic «Ai-Khuuchin»]. *Bulletin of Novosibirsk State University*. Series: History, Philology, vol. 8, issue 2, Philology, Novosibirsk, 2009, pp. 50–55. (In Russian)
- Yemelyanov N. V.** Syuzhety olonkho o zashchitnikakh [Olonkho stories about defenders]. Novosibirsk, Nauka, 2000, 190 pp. (In Russian)
- Yemelyanov N. V.** Syuzhety yakutskikh olonkho [Plots of Yakut olonkhos]. Moscow, Nauka, 1980, 375 pp. (In Russian)

ХАКАССКИЙ ФОЛЬКЛОР В ЗАПИСЯХ И ПЕРЕВОДАХ А.А. КУЗНЕЦОВОЙ

Е. С. Торокова

Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории, ул. Щетинкина, 23, Абакан, 655017, Россия; email: torokovay@mail.ru; ORCID: 0000-0001-5914-1973

Статья посвящена научному наследию А.А. Кузнецовой, внесшей большой вклад в исследование этнографии и фольклора хакасов конца XIX в. Все публикации собранных ею текстов впервые представлены в хронологической последовательности и с определением их жанра. Записанные и переведенные ею фольклорные материалы увидели свет в российских научных журналах и в сборнике научных статей в 1892, 1899 и 1909 гг. Всего она опубликовала 7 сказок, 1 мифологический рассказ, 2 героических сказания, 2 шаманские легенды. Сравнительно-сопоставительный анализ сюжетов и мотивов сказок и мифологического текста позволил выявить их варианты в хакасском фольклоре и в фольклоре разных народов. Были рассмотрены идейно-художественные отличия хакасских вариантов от вариантов западноевропейских и восточнославянских сказок. В переводах сказок отмечены сохраненные переводчиком стилистические особенности хакасских текстов. Пересказы содержания героических сказаний отличаются подробным изложением их мотивов и эпизодов, что позволяет определить принадлежность этих текстов к определенной локальной традиции. Все тексты имеют паспортизацию с указанием имени информанта и места записи и могут быть надежным и достоверным источником при проведении ареальных исследований сюжетно-мотивного фонда хакасского фольклора. Некоторые сюжеты и мотивы зафиксированы только в этих единственных записях, их варианты отсутствуют. Записи А.А. Кузнецовой имеют большую культурную и научную ценность и востребованы в ареальных исследованиях фольклора народов Евразии и мира.

Ключевые слова: хакасский фольклор, эпос, мифы, предания, сказки, сюжеты, мотивы, варианты, шаманская легенда.

KHAKASS FOLKLORE IN RECORDINGS AND TRANSLATIONS BY A. A. KUZNETSOVA

Yevgeniya S. Torokova

Khakass Research Institute for Language, Literature, and History, 23 Shchetinkin Str., Abakan, 655017, Russia; email: torokovay@mail.ru; ORCID: 0000-0001-5914-1973

The article is devoted to the scientific legacy of A. A. Kuznetsova who made a great contribution to the study of the Khakass' ethnography and folklore at the end of the 19th century. For the first time, all publications of the texts, which she collected, are presented in chronological order and with the definition of their genre. The folklore materials, recorded and translated by her, were published in Russian scientific journals and in a collection of scientific articles in 1892, 1899, and 1909. In total, she has published 7 fairy tales, 1 mythological story, 2 heroic tales, and 2 shamanic legends. A comparative analysis of plots and motifs of fairy tales and mythological text revealed their variants in Khakass folklore and in folklore of different peoples. The ideological and artistic differences of the Khakass variants from the variants of Western European and East Slavic fairy tales were considered. In the translations of the fairy tales, the stylistic features of the Khakass texts, preserved by the translator, are noted. Retellings of the contents of heroic tales are distinguished by a detailed description of their motifs and episodes which makes it possible to determine whether these texts belong to a particular local tradition. All texts are certified with the name of the informant and the place of recording and can be a reliable and responsible source when conducting areal research of the plot-motif fund of Khakass folklore. Some plots and motifs are recorded only in these single recordings; there are no variants of them. A. A. Kuznetsova's recordings have great cultural and scientific value, and are in demand in areal studies of folklore of the peoples of Eurasia and the world.

Keywords: Khakass folklore, epic, myths, legends, fairy tales, plots, motifs, variants, shamanic legend.

Введение

Александра Александровна Кузнецова (1872–1949) является единственной женщиной среди российских исследователей XIX в., внесших неоценимый вклад в изучение культуры и быта хакасов. В отечественной науке наиболее известна ее этнографическая статья «Жилища, одежда и пища минусинских и ачинских инородцев» [Кузнецова, 1898, с. 105–213]. В 1897 г. она вместе с А. А. Яриловым и П. Е. Кулаковым по заданию Енисейского губернского статистического комитета проводила исследование социально-экономического и культурно-религиозного состояния минусинских и ачинских инородцев. По результатам опроса, осуществленного по программе собирания сведений о жилище, одежде и пище у минусинских и ачинских инородцев, она написала данную статью, богато проиллюстрировав ее фотографиями, большая часть которых была сделана лично ею, А. А. Яриловым и А. П. Кузнецовым [Кузнецова, 1898, с. IV]. Она вместе с А. А. Яриловым также ездила на свои средства в командировки в населенные пункты Мелецкой управы, собранные ею материалы вошли в книгу «Мелецкие инородцы» [Ярилов, 1899, с. VI].

Надо сказать, что ее интерес к культуре хакасов возник задолго до этой масштабной работы, чему немало способствовали летние каникулы, которые она проводила на семейной даче в Хакасии, а также общая атмосфера просвещения и знаний, столь характерная среде, в которой она выросла. Александра Александровна родилась в известной семье красноярских золотопромышленников и меценатов Кузнецовых. Представители этого семейства занимались благотворительностью и способствовали созданию и развитию школ, музеев, библиотек, театра в Красноярске и губернии, заботились о малоимущих, поддерживали передовые идеи и начинания, перспективных писателей и ученых [Сысоева, 2010]. В Хакасии, в местности Узун-Джун (на берегу р. Узунчул – притока р. Камышта. –

Е. Т.), находилась одна из резиденций семьи Кузнецовых, служившая им летней дачей. Среди самых известных людей, гостивших у них, можно отметить знаменитого русского художника В. И. Сурикова, который в свою первую поездку в Хакасию в 1873 г. жил в Узун-Джуле. В детские и отроческие годы Александра Александровна лето проводила здесь [Германн, 2020, с. 148–154], поэтому она с детства была знакома с хакасами, их жизнью. Видимо, в те же годы она выучила хакасский язык, и первые хакасские сказки были записаны и переведены ею в гимназические годы.

Основная часть

«Шесть сказок Минусинских татар, записанных со слов качинца Т. З. Тутатчикова г-жей А. А. Кузнецовой (Усть-Камышта)». С таким заглавием в 1892 г. были опубликованы переводы хакасских сказок, записанных А. А. Кузнецовой, в журнале Императорского Русского географического общества [Кузнецова, 1892, с. 36]. К тому времени русскоязычные читатели уже были знакомы с героическими сказаниями хакасов из работ В. Титова, Н. А. Кострова и Н. Ф. Катанова. А. А. Кузнецова же впервые представила образцы хакасских волшебных и бытовых сказок. В связи с этим редакция журнала посчитала нужным дать такое пояснение: «Сказки эти рассказываются, а не поются под аккомпанемент комыса или чатхана, как богатырские поэмы. В последних речь мерная, как в русских былинах, язык изобилует архаизмами, терминами, которые и сами сказители зачастую не понимают. Сказка рассказывается прозаическим языком, разговорным языком современных татар» [Кузнецова, 1892, с. 36].

В этом «сборничке» опубликованы две волшебные сказки, одна новеллистическая сказка, две сказки о животных и одна кумулятивная сказка. Все они записаны от одного исполнителя Т. З. Тутатчикова в улусе Усть-Камышта в августе 1890 г. Сказки даны без названия¹ и пронумерованы римскими цифрами.

¹ Здесь отсутствие названий сказок могло быть связано с неопытностью собирателя. Как показывают рукописные материалы ХакНИИЯЛИ, в записях начинающих собирателей фольклора отсутствие названий сказок, преданий и т. д. вызвано тем, что информант мог забыть сказать название, а собиратель мог не спросить и не записать его – Е. Т.

Первая сказка является вариантом сказок на сюжет АТУ 555 (Рыбак и его жена), СУС 555 (Коток – золотой лобок (золотая рыбка, чудесное дерево). В сюжете западноевропейских сказок бедные старик и старуха просят исполнить их желания камбалу, в конце они наказываются за свою жадность и снова становятся бедными. В вариантах восточнославянских сказок старик ловит золотую рыбку или, поехав за дровами, находит в лесу чудесное дерево или пенёк, из которого появляется кот (дрозд, птичка-невеличка). Они все исполняют желания жены старика. Как отмечают исследователи, в вариантах русских сказок, записанных в Западной и Восточной Сибири, старик и старуха не противопоставлены друг другу и исполнителем их желаний выступает птица, в то время как в сказках, отмеченных влиянием сказки о золотой рыбке А. С. Пушкина, между стариком и старухой возникают иерархические отношения, а исполнителем их желаний является золотая рыбка [Матвеева, Леонова, 1993, с. 300]. Когда старуха захотела быть царицей (богом), то наказывается за свою жадность и гордыню: в конце сказки она и муж снова становятся бедными или превращаются в медведей. В национальных вариантах данного сюжета, например, у мордвы [Бараг, Новиков, 1984, с. 456], у башкир [Хусаинова, 2014, с. 60], исполнителем желаний жены бедного старика является чудесная птичка, в конце сказки герои теряют все свои приобретения и остаются жить как прежде. В варианте, записанном от Т. З. Тутатчикова, герой охарактеризован бедным и ленивым: *«Лень ему было ездить за дровами, он и рубил углы своей избышки и ими топил печку»* [Кузнецова, 1892, с. 36]. Когда уже нечем было топить, а дома стало холодно, старик пошел за дровами. В лесу из пня вылетает птичка, которая исполняет желания старика и старухи (они просят дрова, богатство и хороший дом, хотят быть губернатором и губернаторшей, царем и царицей, Иисусом Христом и Богородицей). Если в других национальных вариантах сказки герой возвращается домой и сразу видит результат исполненного желания, то в хакасском варианте старик с женой вечером молятся иконе Спасителя, а утром имеют исполненное желание. В хакасской сказке жадность героев объясняется их глу-

постью, которая высмеивается в конце: *«Рано утром старик проснулся и говорит старухе: «Я что-то замерз». «И мне что-то тоже холодно, – отвечает старуха. – Может быть, это оттого, что Богородица и Иисус Христос в холодном месте живут». А когда совсем рассвело, то старик со старухой увидели, что они снова в своей старой избышке с отрубленными углами и не осталось у них ни царства, ни богатства»* [Кузнецова, 1892, с. 38]. Похожим образом показана легковёрность и глупость героев в варианте русской сказки, записанной в Енисейской губернии и сохранившейся в записях Н. А. Афанасьева. Старик просит птичку-невеличку сделать их святыми. *«Старик воротился домой – нет ни дворца, ни денег, ни запасов; стоит старая избышка, набок покосилась, а в избышке старуха в прежнем дырявом сарафане сидит. Как быть? Чем кормиться? Говорит старуха: «Ну, старик, поди к птичке, попроси хлеба и денег; не умирать же нам с голоду!» Пошел старик: «Матушка птичка-невеличка, дай нам хлеба и денег, ведь нам есть нечего». Отвечает ему птичка: «А разве святые едят? А разве святым нужны деньги?» Сказала и улетела...»* [Бараг, Новиков, 1984, с. 456]. Здесь сказочники творчески переработали конец сказки, исходя из народных представлений хакасов и русских о жизни святых. Различие этих представлений в народном мировоззрении отразилось на акцентировании внимания на разные особенности образа жизни святых и обыгрывании его в диалоге, построенном на юморе и иронии.

Таким образом, вариант Т. З. Тутатчикова не является прямым пересказом русской сказки на сюжет АТУ 555, в нем имеются особенности хакасской национальной сказки, которые сохранились в переводе А. А. Кузнецовой. Как видно из текста, она переводила с записи на хакасском языке, на это указывает дословный перевод отдельных слов: *синий пенёк, синяя птичка*. Сохранился стиль рассказчика, присущий хакасским волшебным сказкам: *«Тут старик рассказал ей, как он в лесу нашел синий пенёк и ударил его топором, как из пня вылетела синяя птичка и велела ему вернуться домой и помолиться иконе Спасителя: а наутро будут вам дрова. Вечером старик со старухой»*

хой помолились, как велела им птичка, и легли спать...» [Кузнецова, 1892, с. 37]. Этот повтор встречается после второй просьбы старика: «Старик пришел домой и рассказал старухе, что птичка точно так же велела вечером помолиться иконе Спасителя. Когда пришел вечер, старик и старуха помолились и легли спать. Утром же они встали богатыми людьми, дом их сделался новым и всего-то в нем стало вдоволь. Хорошо зажили старик со старухой» [Кузнецова, 1892, с. 37]. В переводе А. А. Кузнецовой использованы слова, взятые из русской сказки, *жил-был, избушка, печка, икона, дом, царь, царица* и сохранилось несколько заимствованных слов: *Спаситель, Богородица, Иисус Христос, губернатор*.

Вторая сказка на сюжет АТУ 834 (Сокровище бедного брата), СУС 834 А (Клад не дается в руки тому, кому он не предназначен (Деньги в дупле) классифицируется разными исследователями волшебной или новеллистической сказкой. В западноевропейских сказках этот тип включает в себя различные сказки, в каждой из которых есть выражение «Бог определяет» или «Бог позаботится обо всех». По сюжету сказки человек рассказывает свой сон о кладе, зарытом в определенном месте, другой человек пытается откопать это сокровище, но вместо него находит мертвую собаку (мертвого кота, жаб, жуков, муравьев, змей, тлеющие угли, навоз, скелет). Разгневанный, он бросает животное, горшок в дом сновидца, где его находка превращается в золото, деньги, серебро. В восточнославянских сказках богат прячет клад (деньги) в дупле дерева, когда это дерево подплывает к его сыну, он его отталкивает, и дерево с богатством достается бедняку. В других вариантах богат не хочет принимать от бедных людей хлеб или пирог, внутри которого находятся деньги его отца, и отправляет его обратно. Как видим, в восточнославянских сказках герои противопоставлены по их социальному положению, и в итоге оказывается, что богатства достоин бедный, а не богатый человек.

В отличие от других национальных вариантов в сюжете хакасской сказки поднимается вопрос о нравственно-этическом характере героя, достойного получить наследственное богатство. В записи А. А. Кузнецовой отец непослушных сыновей прячет свои деньги в дупле тополя с заклинанием, что

они достанутся им только при послушании. Его средний сын, проследив за отцом, ищет спрятанный им клад и два раза упускает возможность обрести его. В первый раз он отдает хлеб, внутри которого лежат деньги отца, другому человеку, а в следующий раз он и его братья не до конца режут этот хлеб. В итоге заговоренные деньги остаются в семье, где невестка уважительно и внимательно относится к свекру. Главная мысль в хакасской сказке – уважительное и заботливое отношение взрослых детей к своим постаревшим родителям. В варианте, записанном во второй половине XX в. от сказителя Т. Боргоякова, причиной отказа отца оставлять наследство сыну послужило плохое обращение снохи к старому свекру. Герой сказки безуспешно ищет золото отца, и в одном доме он видит пример уважительного отношения невестки к своему старому свекру. Старик уже не ходит и лежит в постели, а рядом с ним поставлены чашки с разной пищей. Хозяйка дома угощает героя едой и дает хлеб в дорогу. По пути домой он отдает свой хлеб старику, который заходит в прежний дом и оставляет этот хлеб хозяевам. Внутри хлеба добрая сноха находит золотые деньги [Хакасские сказки, 1964, с. 71–72].

Третья сказка является вариантом сказок на сюжет АТУ 155 (Неблагодарная змея вернулась в ловушку), СУС 155 (Старая хлеб-соль забывается). В западноевропейских сказках говорится, что человек освобождает змею (волка, медведя, тигра) из капкана. Взамен змея хочет убить спасителя. Они спрашивают у других зверей, за добро платят ли злом. Лиса как судья просит змею показать, как она попала в ловушку. Обманутая змея остается в прежней ловушке. В вариантах восточнославянских сказок лиса попадает на хитрость спасенного ею человека и погибает. В хакасских вариантах сказки с похожим финалом нам неизвестны. В сказке, записанной А. А. Кузнецовой, человек по имени Арап спасает придавленную камнем змею, за его добро она желает отплатить ему злом. Они обращаются к старому колесу, к собаке и лисе, чтобы они рассудили их дело. Лиса просит показать ей, как все изначально было. Сказка заканчивается тем, что змея остается под прежним камнем, а человек уезжает домой. В варианте, записанном Н. Ф. Катановым, человек спасает

змею от пожара, в благодарность она хочет ужалить его. Их судьями выступают собака, лошадь и лиса. По совету лисы человек убивает змею [Образцы... 1907, с. 512]. Аналогичный вариант сказки с уклоном на социальную сатиру был записан от известного хакасского сказителя М. К. Доброва, конец этой сказки близок финалу восточнославянских сказок: спасенный бай хочет убить лису, но ей удастся убежать, и она разоблачает его алчность [Хакасские народные сказки, 1956, с. 113–115]. В переводе А. А. Кузнецовой сохранился стиль сказочника, она дословно перевела отдельные выражения: *объезжал свои табуны, змея сделалась свободною, возьми меня за пазуху, пустой летник*.

Четвертая сказка на сюжет АТУ 222 В* (Мышь и воробей) известна в фольклоре многих народов под названием «Война птиц и зверей». В ней рассказывается, как ссора мыши и воробья из-за собранного ими урожая привела к большой войне зверей и птиц, во время которой был ранен орел. Человек три раза прицеливается в орла, но передумывает убивать и уносит домой, где лечит его. Этот сюжет обычно является вводным эпизодом в более крупных сказках и встречается в контаминации с сюжетами АТУ 313 (Волшебный полет), АТУ 537 (Полет на благодарном орле). Хакасский вариант в записи А. А. Кузнецовой представлен как самостоятельная сказка: орел в благодарность дает человеку три тысячи рублей. Такая концовка сказки весьма необычна и не является традиционной для данного сюжета.

Пятая сказка на сюжет АТУ 118 (Лев и лошадь) одинакова в западноевропейских и восточнославянских вариантах. Лев спрашивает, сможет ли лошадь выжать воду из камня. Она говорит, что может высекать искры из камня. Лев очень испугался и рассказал волку (медведю) о лошади. Волк хвастается, что ест много лошадей. Лев схватил и поднял вертикально волка, сжимая его до смерти по ошибке. Но он думает, что взгляд лошади убил волка. Как отмечают исследователи, русские сказки на этот сюжет известны только по сибирским изданиям [Матвеева, Леонова, 1993, с. 297]. При переводе хакасской сказки А. А. Кузнецова оставила хакасское название тигра «Ала-барс» и дала пояснение к слову «Ала» как «пестрый-полосатый». В хакасском

варианте сказки тигр, убегая от лошади, встречает и ненароком убивает медведя и волка. Этот эпизод бегства тигра повторяется в хакасской сказке, где рассказывается о состязании тигра с человеком, напугавшем его выстрелом из ружья [Хакасские предания и сказки, 1960, с. 212–213].

Шестая сказка на сюжет АТУ 2031 (Сильнее и самый сильный) по построению является кумулятивной сказкой. Герой (заяц, воробей) поранился на льду и думает, что лед сильнее всех на свете. Далее следует череда вопросов и ответов, из которых герой узнает, кто же сильнее всех. В сказке он спрашивает об этом у льда, солнца, тучи, горы, травы или мыши, кошки и т. д. (огня, воды, коровы или быка, ножа, мясника). В конце выясняется, что самое сильное существо – кошка (крыса, Бог, человек), или же вопрос остается нерешенным. Этот сюжет был зафиксирован в VIII в. в книге «Калила и Димна» на арабском языке: мышь, превращенная в девушку, хочет выйти замуж за самого сильного на свете, и ее приемный отец поочередно задает этот вопрос солнцу, облаку, ветру, утесу, крысе. Когда крыса заявляет, что женится только на крысе или мыши, девушка снова становится мышью и уходит жить к крысе [Ибн аль-Мукаффа, 1986, с. 183–184].

В варианте сказки, записанной А. А. Кузнецовой, мальчик спрашивает у льда, солнца, горы, мыши, кошки, собаки, бабы, мужика, начальника, кто сильнее на свете. Сказка заканчивается на том, что мальчику надоело спрашивать и он не идет спрашивать у царя. В других вариантах сказки герой (селезенка-обжора, корова или заяц) задает свои вопросы льду, солнцу, горе, мыши, кошке, собаке, женщине, мужу, айне, шаману, ветру, морю [Торокова, 2014, с. 683]. В конце сказки выясняется, что самое сильное существо – шаман или человек. В некоторых текстах, как, например, у А. А. Кузнецовой, этот вопрос остается нерешенным. Сказка была широко распространена среди хакасов, Н. Ф. Катанов записал два ее варианта в 1889–1890 гг.

«Четыре сказки Минусинских инородцев». В 1899 г. в журнале «Живая старина» были опубликованы записанные и переведенные А. А. Кузнецовой сказка, миф и героические сказания хакасов [Кузнецова,

1899, с. 140–150]. Она записала их в июле 1898 г. недалеко от оз. Ши́ра в улусе Спи́рин со слов хакасов-качинцев Н. Т. Щетинина и М. Спириной. Надо сказать, что в том же году была опубликована ее большая этнографическая работа по быту и культуре хакасов, поэтому на момент записи этих произведений фольклора А. А. Кузнецова уже имела опыт сбора и обработки полевого материала. Это подтверждает хорошее качество ее переводов на русский язык опубликованных текстов.

Н. Т. Щетинин рассказал ей волшебную сказку, миф и героическое сказание. Сюжет волшебной сказки «Кара-хан (черный хан) и Пай-биг (богатый чиновник)» является локальным. В нем рассказывается, как сыновья Кара-хана и Пай-бига проходят обучение у Сарыг-хана. Если сын Кара-хана не смог пройти испытания, то сын Пай-бига успешно проходит их и превосходит своего учителя в знаниях. Сарыг-хан делает его приемным сыном, но мальчик не хочет быть одним из его людей и не ест их пищу. На одном из этапов обучения герой видит сцены воздаяния грешникам в загробном мире, отсюда можно заключить, что Сарыг-хан жил в Нижнем мире. Став хозяином скота и имущества Сарыг-хана, мальчик встречает девушку, которую также привезли на обучение, и они вдвоем уезжают на его родину. Сарыг-хан, не сумев остановить его, едет на землю Пай-бига и срубает березу, отчего герой теряет все полученные знания. Но благодаря двум листам из божественной книги, которые мальчик взял себе, он смог спасти себя, и Сарыг-хан со слугами не смог увезти его обратно. Он узнает, что люди Сарыг-хана боятся двух вещей: знаний, записанных на листах божественной книги, и шамана, который родится в роду героя. В дальнейшем опасения Сарыг-хана сбылись: герой женился на спасенной им девушке, и в его роду родился шаман, а слуги Сарыг-хана больше не могли уже вредить людям. Сказка имеет оригинальный сюжет, и только некоторые ее эпизоды встречаются в волшебных сказках, записанных от хакасов-кызыльцев.

Второй текст без названия является мифом и состоит из контаминации двух сюжетов. Первый сюжет АТУ 221 (Выборы хана птиц) был очень распространен среди хакасов, в фольклорных сборниках, выхо-

дивших для массового читателя, он публиковался как сказка. Второй сюжет, присоединенный к первому, в аналитическом каталоге Ю. Е. Березкина и Е. Н. Дувакина обозначен как С 28 «Опрометчивое обещание» [Березкин, Дувакин]. Худай (в переводе А. А. Кузнецовой «Господь». – Е. Т.) хочет взять обратно души людей у своего брата Ирлик-хана (в переводе А. А. Кузнецовой «нечистый». – Е. Т.), поэтому созывает птичий сход, чтобы птицы придумали способ вернуть их. Глава птиц ала-гус смеется над хромотой коростеля, а тот, обидевшись, покидает собрание птиц. Худай отправляет ласточку за ним, она подслушивает, что говорит сам с собой коростель, и узнает, как вернуть души людей. Худай задает Ирлик-хану задачи: поймать и посадить около себя то, что он увидит в зеркале, а также поймать свою тень. Ирлик-хан не смог сделать это и вернул Худая отнятых им людей. Вариантом данного сюжета является один из эпизодов мифа о сотворении мира и первых людях, записанный Н. Ф. Катановым в 1890 г. [Образцы... 1907, 524–525]. В указателе Ю. Е. Березкина и Е. Н. Дувакина этот эпизод соответствует сюжету С 31 а «Светила или огонь обещаны черту» [Березкин, Дувакин]. Бог хочет вернуть обратно солнце и луну у Эрлик-хана. Коростель советует ему попросить Эрлик-хана поймать эхо скал, свою тень, топот ста лошадей. Не сумев исполнить просьбу, тот вынужден отдать солнце и луну. Здесь в обоих вариантах главным персонажем является коростель. Контаминация первого и второго сюжета в мифе также происходит на основе общего персонажа – коростеля.

Третий текст «Агой аттыг Ах-хан» является прозаическим пересказом содержания героического сказания. В первой части рассказывается, как престарелый Ах-хан печалится из-за отсутствия наследника и уезжает из дома, в пути он встречает демоническую женщину-богатырку ку-гат (в переводе А. А. Кузнецовой «баба-яга». – Е. Т.) и, потерпев поражение в сражении с ней, обещает отдать ей то, что она потребует. В его отсутствие жена родила двоих сыновей, однако Ах-хан не признает их, думая, что они сотворены нечистым, и приказывает убить детей. Одного мальчика забирает себе баба-яга, второго в землянке тайком растит слуга Ах-хана

богатырь Хулатай. Вторая часть эпоса посвящена судьбе и богатырским подвигам сыновей Ах-хана. Старший из сыновей получил коня и богатырское имя Алтын Сулазын от встречного старика и отправился на поиски младшего брата. Тот нашел в амбаре бабы-яги двух коней, освободил их от цепей и убегает с ними домой. Баба-яга догоняет мальчика и сражается с ним. В это время старший брат находит его и убивает бабу-ягу. Они узнают друг друга и возвращаются на родину. После этого старший брат едет свататься к своей невесте, они бьются друг с другом до тех пор, пока с неба не спускается лист, на котором написано, что он предназначен ей в мужья. После свадьбы старшего брата младший просит богатыря Хулатая дать ему богатырское имя, тот рассказал ему, где и как найти ездового коня и суженую. Богатырь Алтын Сугсул отправляется пешком на высокую гору, где растет береза с золотыми листьями, там он находит коня и невесту, превратившуюся в кукушку. Из текста сказания видно, что в нем сохранены все мотивы, варианты которых можно найти в других героических сказаниях.

Четвертый текст без названия также относится к жанру эпоса *алыптыг ныхам* и является прозаическим пересказом содержания сказания. Он записан со слов Манньки Спириной, 70–80 лет, в том же улусе Спирин. Здесь основной темой является героическое сватовство и женитьба богатыря Айджиджилы на своей суженой. По пути к невесте он нарушает запрет старшей сестры и женится на девушке из Нижнего мира. Благодаря советам помощниц ему удастся обойти козни и хитрости своих противников и избежать неминуемой смерти. Во время богатырской схватки с соперником герою помогает его старшая сестра, а две девушки – одна из них его невеста, вторая – его всезнающая помощница – уничтожают все вражеское войско и мать противника – хуу иней. Герой берет замуж обеих девушек, а его старшая сестра привозит из Нижнего мира его первую жену с ребенком.

В этой публикации переводы А. Кузнецовой сделаны тщательно и с детальной передачей отдельных эпизодов и мотивов. Здесь она привела образцы хакасской речи при переводах собственных имен, выделив

их курсивом и заключив в круглые скобки их дословный перевод. Например: *Кара-хан* (черный хан), *Пай-Биг* (богатый чиновник), *Сарых-ханом* (желтым, беловолосым ханом), *Кара-курень* (чернобурый) *аттыг* (конь), *Канныг* (кровавая) *Кылыс* (сабля), *Кан* (кровь) *Арыг* (чистая), *алтон* (шестьдесят) *аймог* (разных сортов) *кус* (птиц) *пазы* (голова) *алтон* (шестьдесят) *чюглюг* (перья) *ала* (пестрая) *гус* (птица) и т. д. Из отдельных мотивов и эпизодов перевода можно понять, к какой локальной сказительской традиции относятся данные тексты. Например, этот отрывок характерен для сказок хакасов-кызыльцев: «В конце концов оба они узнали друг друга, поздоровались, заплакали и вместе поехали домой. Дома они застали отца с матерью еще в живых, только такими старыми, что они совсем не могли двигаться» [Четыре сказки, 1899, 146].

«Два рассказа о шаманах». В 1909 г. вышел в свет сборник статей в честь 70-летия известного путешественника и востоковеда Г. Н. Потанина, где были опубликованы «Два рассказа о шаманах», записанные А. А. Кузнецовой-Яриловой. По жанру они относятся к шаманским легендам (в примечании к первому тексту собирателем дано определение этих рассказов, данное самим рассказчиком как рассказ «из бытности». – Е. Т.). Надо отметить, что до 1917 г. в печати были опубликованы только эти два рассказа и одна запись Н. Ф. Катанова, содержавших нарративы о шаманских сражениях, путешествиях. Возможно, что это было связано с тем, что такие рассказы могли записать лишь люди, владевшие языком носителей фольклора. Н. Ф. Катанов записал шаманскую легенду в 1890 г. и опубликовал ее в 1907 г. [Образцы... 1907, с. 282–285]. А. А. Кузнецова записала оба рассказа со слов старика Тархова Троякова без указания времени и места записи. В примечаниях собиратель написала, что информанту было 70 лет и его мать была шаманкой.

В первом рассказе говорится о соперничестве одной шаманки с шаманом Джалбак, она хотела убить его, но духи-помощники шамана оказались сильнее ее духов, поэтому она, пытаясь спастись, бежала к себе домой, попутно превращаясь в горностаю, шуку, чтобы запутать следы. В конце она была вынуждена принять

свой настоящий облик и отдать вместо себя душу своей единственной дочери.

Во втором тексте рассказывается о знаменитом шамане Суррас Тачееве, как он во время камлания посетил Урянхайскую землю и на обратном пути встретил еле заметную душу (сюнезы) человека. Он прикрепил ее к своему бубну и нашел человека, которому она принадлежала в Кызыльской земле. Шаман вернул сюнезы больному человеку, и тот выздоровел. Далее говорится, что причина исцеления больного человека стала известна только после того, как сам шаман рассказал своим близким про это.

В обоих текстах А. А. Кузнецова сделала ссылки с развернутыми пояснениями к топонимам (р. Туба, р. Абакан, р. Белый Июс), этнографизмам (*сюнезы*, *орба* или *самнах*). Например, слово «сюнезы» она объясняла, используя сведения своих информантов Н. И. Окунева и И. С. Доможакова, а также отчет Н. Ф. Катанова о поездке в Минусинский уезд в 1896 г. Кроме сюнезы, она охарактеризовала еще две души – *куду*, *джулазы* – имеющиеся у человека, согласно мировоззрению хакасов. Таким образом, эти два текста, несмотря на небольшой объем, оказались очень информативными для читателя: здесь точно указано место действия, характеры шаманов, их поступки, даны сведения из духовной культуры хакасов.

Заключение

Записанные А. А. Кузнецовой тексты вносят большой вклад в изучение отдельных жанров хакасского фольклора. Многие из них не имеют вариантов в современных записях и являются уникальными. Имена информантов, как и места записей, имеющиеся в публикациях А. А. Кузнецовой, дают основание для изучения географии бытования сюжетов и мотивов в локальных традициях.

В последние годы тексты, записанные А. А. Кузнецовой, стали вводиться в широкий научный оборот благодаря различным указателям мотивов и сюжетов сказок, мифологических рассказов, шаманских легенд. Они используются не только в пределах хакасской фольклористики, но и служат для сравнитель-

ных исследований с их аналогами в фольклоре разных народов. Это еще раз свидетельствует о востребованности фольклорных записей А. А. Кузнецовой в отечественной науке.

Литература

- Бараг Л. Г., Новиков Н. В.** Примечания // Народные русские сказки А. Н. Афанасьева. В 3 т. Т. I / изд. подгот. Л. Г. Бараг и Н. В. Новиков. М.: Наука, 1984. С. 432–505.
- Березкин Ю. Е., Дувакин Е. Н.** Тематическая классификация и распределение фольклорно-мифологических мотивов по ареалам. Аналитический каталог [Электронный ресурс] // Фольклор и постфольклор: структура, типология, семиотика. URL: <https://ruthenia.ru/folklore/berezkin/index.htm/> (дата обращения: 15.02.2025).
- Германн Ш.** От Пайерна до Красноярска / Шарлотта Германн (пер. с франц. Н. Ф. Гавриловой). Красноярск: ООО «КАСС», 2020. 160 с.
- Два рассказа о шаманах / записала А. А. Кузнецова-Ярилова // Сборник в честь семидесятилетия Г. Н. Потанина. СПб., 1909. С. 141–144.
- Ибн аль-Мукаффа.** Калила и Димна / пер. с араб., предисл. и коммент. Б. Шидфар. М.: Худож. лит., 1986. 303 с.
- Кузнецова А. А.** Шесть сказок Минусинских татар // Известия восточно-сибирского отдела ИРГО. Т. XXIII. № 4–5. Иркутск, 1892. С. 36–45.
- Кузнецова А. А.** Жилища, одежда и пища минусинских и ачинских инородцев // Минусинские и ачинские инородцы: (материалы для изучения): ст. А. А. Кузнецовой и П. Е. Кулакова. Красноярск: Енис. губ. стат. ком., 1898. X, 298 с., 5 л. ил.
- Матвеева Р. П., Леонова Т. Г.** Примечания // Русские сказки Сибири и Дальнего Востока: Волшебные. О животных / сост. Р. П. Матвеева, Т. Г. Леонова. Новосибирск: Наука, 1993. 352 с. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока).
- Образцы народной литературы тюркских племен, изданные В. Радловым. Ч. IX. Наречия урянхайцев (сойотов), абаканских татар и карагасов. Тексты, собранные и переведенные Н. Ф. Катановым. Перевод. С.-Петербург, 1907. 658 с.
- Сысоева Л. А.** Во славу любезного Отечества. Семья Кузнецовых в истории Красноярска и России. Красноярск: Изд-во «Сибирский печатный двор», 2010. 120 с.
- Торокова Е. С.** Примечания // Хакасские народные сказки / сост. Е. С. Торокова, Г. Б. Сыченко. Новосибирск: Омега Принт, 2014. 770 с. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока. Т. 33).
- Хакасские народные сказки. Абакан, 1956. 156 с. (На хакас. яз.).
- Хакасские предания и сказки / сост. П. А. Трояков, Т. Г. Тачеева. Абакан, 1960. 233 с. (На хакас. яз.).

- Хакасские сказки / сост. П. А. Трояков. Абакан, 1964. 115 с. (На хакас. яз.).
- Хусайнова Г. Р.** Башкирские волшебные сказки: поэтика и текстология. Уфа: Гилем, Башк. Энциклопедия. 2014, 216 с.
- Четыре сказки Минусинских инородцев / записала и перевела А. А. Кузнецова // Живая старина. Вып. 1. СПб., 1899. С. 140–150.
- Ярилов А. А.** Мелецкие инородцы. Юрьев, 1899. 150 с.
- СУС – Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка / сост. Л. Г. Бараг, И. П. Бerezовский, К. П. Кабашников, Н. В. Новиков. Л.: Наука, 1979. 437 с.
- ATU – Uter H.-J. The Types of International Folktales a Classification and Bibliography. Parts I–III. Helsinki, 2004.
- References**
- ATU – Uter H.-J. The types of international folk tales. Classification and bibliography. Parts 1–3, Helsinki, 2004. (In English)
- Barag L. G., Novikov N. V.** Primechaniya [Notes]. In: Russian folk tales by A. N. Afanasev. In 3 volumes. Vol. 1. Prepared by L. G. Barag and N. V. Novikov. Moscow, Nauka, 1984. pp. 432–505. (In Russian)
- Berezkin Yu. E., Duvakin E. N.** Tematicheskaya klassifikatsiya i raspredelenie fol'klornomifologicheskikh motivov po arealam. Analiticheskii katalog [Thematic classification and distribution of folklore and mythological motifs according to areas. Analytical catalog]. In: Folklore and post-folklore: structure, typology, semiotics. [Electronic resource]. URL: <https://ruthenia.ru/folklore/berezkin/index.htm/> (accessed on February 15, 2025). (In Russian)
- Chetyre skazki Minusinskikh inorodtsev [Four tales of the Minusinsk indigenous dwellers/written and translated by A. A. Kuznetsova]. *Living Antiquity*, 1899, vol. 1, pp. 140–150. (In Russian)
- Dva rasskaza o shamanakh [Two stories about shamans/written by A. A. Kuznetsova-Yarilova]. In: Collection in honor of the 70th anniversary of G. N. Potanin. Saint-Petersburg, 1909, pp. 141–144. (In Russian)
- Germann Sh.** Ot Paierna do Krasnoyarska [From Payerne to Krasnoyarsk/Sharlotta Germann (translation from French by N. F. Gavrilova). Krasnoyarsk, KASS, 2020, 160 pp. (In Russian)
- Ibn al-Mukaffa.** Kalila i Dimna [Kalila and Dimna/Translation from Arabic, preface, and comments by B. Shidfar]. Moscow, Khudozhestvennaya Literatura, 1986, 303 pp. (In Russian)
- Khakasskie narodnye skazki [Khakass folk tales]. Abakan, 1956, 156 pp. (In Khakass)
- Khakasskie predaniya i skazki [Khakass legends and fairy tales/Compiled by P. A. Troyakov, T. G. Tacheeva]. Abakan, 1960, 233 pp. (In Khakass)
- Khakasskie skazki [Khakass tales/Compiled by P. A. Troyakov]. Abakan, 1964, 115 pp. (In Khakass)
- Khusainova G. R.** Bashkirskie volshebnye skazki: poetika i tekstologiya [Bashkir fairy tales: poetics and textual criticism]. Ufa, Gilem, Bashkir Encyclopedia, 2014, 216 pp. (In Russian)
- Kuznetsova A. A.** Zhilishcha, odezhda i pishcha minusinskikh i achinskikh inorodtsev [Dwellings, clothing, and food of the Minusinsk and Achinsk indigenous dwellers]. In: Minusinsk and Achinsk indigenous dwellers: (Materials for study): Articles by A. A. Kuznetsova and P. E. Kulakov]. Krasnoyarsk, the Yenisei Governorate Statistical Committee, 1898, 10, 298 pp. (In Russian)
- Kuznetsova A. A.** Shest' skazok Minusinskikh tatar [Six tales of the Minusinsk Tatars]. *Buletin of the East Siberian Department of the Imperial Russian Geographical Society*. Vol. 23, no. 4–5, Irkutsk, 1892, pp. 36–45 (In Russian)
- Matveeva R. P., Leonova T. G.** Primechaniya [Notes]. In: Russian fairy tales of Siberia and the Far East: Magical. About animals/Compiled by R. P. Matveeva, T. G. Leonova. Novosibirsk, Nauka, 1993, 352 pp. (In Russian)
- Obraztsy narodnoi literatury tyurkskikh plemen, izdannye V. Radlovym. Ch. IX. Narechiya uryankhaitsev (soiotov), abakanskikh tatar i karagasov. Teksty, sobrannye i perevedennye N. F. Katanovym. Perevod [Samples of folk literature of Turkic tribes published by V. Radlov. Part 9. Dialects of the Uryankhai people (Soyots), Abakan Tatars and Karagas. Texts collected and translated by N. F. Katanov. Translation]. Saint Petersburg, 1907, 658 pp. (In Russian)
- Sravnitel'nyi ukazatel' syuzhetov. Vostochnoslavianskaya skazka [Comparative index of plots. The East Slavic tale/Compiled by L. G. Barag, I. P. Berezovsky, K. P. Kabashnikov, N. V. Novikov]. Leningrad, Nauka, 1979, 437 pp. (In Russian)
- SUS – Sravnitel'nyi ukazatel' syuzhetov. Vostochnoslavianskaya skazka [CIP – Comparative Index of Plots. The East Slavic fairy tale / Compiled by L. G. Barag, I. P. Berezovsky, K. P. Kabashnikov, N. V. Novikov]. Leningrad, Nauka, 1979, 437 pp. (In Russian)
- Sysoeva L. A.** Vo slavu lyubeznogo Otechestva. Sem'ya Kuznetsovykh v istorii Krasnoyarska i Rossii [For the glory of the dear Fatherland. The Kuznetsov family in the history of Krasnoyarsk and Russia]. Krasnoyarsk, Siberian Printing House, 2010, 120 pp. (In Russian)
- Torokova E. S.** Primechaniya [Notes]. In: Khakass folk tales / Compiled by E. S. Torokova, G. B. Sychenko. Novosibirsk, Omega Print, 2014, 770 pp. (In Khakass / Russian)
- Yarilov A. A.** Meletskie inorodtsy [Meletsk indigenous dwellers]. Yurev, 1899, 150 pp. (In Russian)

ИДЕЙНО-ХУДОЖЕСТВЕННОЕ СВОЕОБРАЗИЕ ПОВЕСТЕЙ НИКОЛАЯ ТЮКПИЕКОВА

Л. В. Челтыгмашева

Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории, ул. Щетинкина, 23, Абакан, 655017, Россия; email: cheltygmasheval@mail.ru; ORCID: 0000-0002-9476-0611

Статья посвящена исследованию малоизученных в хакасском литературоведении произведений Николая Тюкпиекова – повестей «Чайлагда» («На летнем пастбище») и «Хыстагда» («На заимке»). Актуальность исследования обусловлена необходимостью на основе анализа произведений Н. Тюкпиекова выявления художественной специфики эволюции жанра хакасской повести в 1960–1980-х гг., наиболее активного этапа в развитии и становлении жанровой системы хакасской литературы. С целью выявления художественного своеобразия повестей Н. Тюкпиекова рассматриваются проблематика, образы героев, формы поведения персонажей, эстетические функции пейзажа, специфика национального мировосприятия. Были использованы аналитический, сравнительный, культурно-исторический методы исследования. Установлено, что произведения Н. Тюкпиекова, соответствуя идеологическим требованиям литературы советской эпохи, поднимающей тему человека труда, показывают народную жизнь и быт сельчан, трудовые будни животноводов. Научная новизна исследования состоит в том, что в нем впервые предпринимается попытка комплексного анализа идейно-художественного своеобразия повестей Н. Тюкпиекова. Обосновывается вывод о том, что в повестях Н. Тюкпиекова изображение повседневного труда молодых чабанов, доярок, пастухов органично сочетается с описаниями душевных переживаний, чувств героев, обращением к теме любовных взаимоотношений, стремлением писателя к психологизации повествования, использованию пейзажа как формы косвенного психологизма в создании эмоционального тона произведения, раскрытии характеров героев. Повести Н. Тюкпиекова внесли определенный вклад в развитие жанра хакасской повести.

Ключевые слова: Николай Тюкпиеков, хакасская проза, повесть, герой, идейно-художественное своеобразие.

IDEOLOGICAL AND ARTISTIC DISTINCTNESS OF NIKOLAI TYUKPIEKOV'S NOVELS

Larisa V. Cheltygmasheva

Khakass Research Institute for Language, Literature, and History, 23 Shchetinkin Str., Abakan, 655017, Russia; email: cheltygmasheval@mail.ru; ORCID: 0000-0002-9476-0611

The article is devoted to the study of the little-studied works of Nikolai Tyukpiekov in Khakass literary criticism - novels "Chailagda" ("On the summer pasture") and "Khystagda" ("In the lodge"). The relevance of the research is due to the need to identify the artistic specifics of the evolution of the Khakass story genre in the 1960s-1980s – the most active stage in the development of the genre system of Khakass literature – using the analysis of N. Tyukpiekov's works. In order to describe the artistic distinctness of N. Tyukpiekov's novels, it is necessary to examine the problems, images of heroes, behavior of characters, aesthetic functions of the landscape, and specifics of the national worldview. Analytical, comparative, cultural and historical research methods were used. It is established that N. Tyukpiekov's works, conforming to the ideological requirements of the literature of the Soviet era which raises the theme of the man of labor, show the folk life and household of villagers, working days of livestock breeders. The scientific novelty of this study lies in the fact that it is the first attempt at a comprehensive analysis of the ideological and artistic distinctness of N. Tyukpiekov's novels. The author substantiates the conclusion that in N. Tyukpiekov's novels the depiction of the daily work of young shepherds, milkmaids, shepherds organically combines with the description of emotional experiences, feelings of the characters, an appeal to the theme of love relationships, the writer's desire to psychologize the narrative, the use of landscape as a form of indirect psychologism in creating the emotional tone of the work, revealing characters' tempers. N. Tyukpiekov's stories made a definite contribution to the development of the genre of the Khakass story.

Keywords: Nikolai Tyukpiekov, Khakass prose, novel, hero, ideological and artistic distinctness.

Введение

В истории многих национальных литератур 1960–1980-е гг. являются периодом наиболее интенсивного и плодотворного развития литературных жанров. Например, в истории адыгской литературы 1960–1980-е гг. характеризуются как кульминационные, когда «окончательно завершился процесс становления и произошел переход на новый уровень развития» [Хавжокова, 2021, с. 125], в балкарской литературе «возрос интерес к нравственным и социальным проблемам, к становлению новых отношений» [Элекуева, 2010, с. 89], достижением чувашской литературы становится «глубокое и полнокровное изучение вопросов духовно-нравственной жизни, социально-производственных проблем» [Мышкина, 2015, с. 87], в алтайской литературе 1960–1980-е гг. являются «наиболее активным этапом в развитии и становлении алтайской повести» [Текенова, 2023, с. 75].

В 1960–1980-е гг. в хакасской прозе происходят заметные изменения, утвердились жанры рассказа и повести, появилась романистика. Вышли в свет романы «Ыраххы аалда» («В далеком аале», 1960) Н. Г. Доможакова, «Чибекхур» («Шелковый пояс», 1966) И. М. Костякова, «Кöгim хорымнарда» («У синих утесов», 1983) К. Т. Нербышева. В хакасской прозе 1960–1980-х гг. художественные произведения строились главным образом на материале революционной истории и Великой Отечественной войны и современной деревни. Как отмечает В. А. Карамашева, «содержание хакасской повести шестидесятых годов составляет проблема социального и производственно-технического преобразования деревенской жизни и быта, решаемая в контексте «вечных» вопросов нравственного и духовного развития человека» [Карамашева, 1996, с. 81]. В процессе поиска новых методов и приемов художественного изображения интерес хакасских прозаиков вызывает повседневная жизнь людей, актуальные проблемы современности: нравственное взросление молодежи, взаимосвязь человека и природы, возвращение к национальным истокам. Изображению характеров молодых людей посвящены

повести «Чайлагда» («На летнем пастбище») и «Хыстагда» («На заимке») Николая Владимировича Тюкпиекова (1936–2006). Национально-художественное своеобразие произведений Н. В. Тюкпиекова, посвященных деревне, «человеку на земле», осмыслению социально-нравственных проблем деревенской жизни, еще не было предметом специального литературоведческого изучения. Цель исследования – выявить идейно-художественное своеобразие повестей Н. Тюкпиекова «На летнем пастбище» и «На заимке».

Основная часть

Началом литературной деятельности Н. Тюкпиекова являются 1960-е гг., когда в национальной газете «Ленин чолы» («Ленинский путь») и художественно-публицистическом альманахе «Ах тасхыл» («Белогорье») стали публиковаться его стихи, рассказы и одноактные пьесы. Первая одноактная пьеса Н. Тюкпиекова «Чöскin» («Бродяга») была опубликована в 1960 г. в газете «Ленин чолы». Первая повесть «Чайлагда» («На летнем пастбище») вышла в свет сначала в альманахе «Ах тасхыл» в 1971 г., затем отдельной книгой – в 1972 г.

Отрывки из второй повести Н. Тюкпиекова «Хыстагда» («На заимке») были опубликованы в 1975 и 1976 гг. в альманахе «Ах тасхыл». Полностью она была издана в 1977 г. в сборнике «Сельские будни», наряду с другими его произведениями – рассказами и сатирическими одноактными пьесами. В 1993 г. вышел сборник рассказов «Чуртас тохтабинча» («Жизнь продолжается»).

Николай Владимирович, уроженец аала Малый Монок Бейского района Хакасии, с юных лет работавший в колхозе и совхозе, никогда не порывал связь с «малой родиной». Для своих произведений материал он брал из жизни тружеников хакасского аала, чабанов, пастухов, доярок. Главные герои – Антип в повести «На летнем пастбище» и Роман в «На заимке» – комсомольцы, по определению А. Г. Кызласовой, «люди с сильным характером, борцы с расточительством и безнравственностью» [Кызласов, 1985, с. 150],

ответственные, честные, справедливые, душой радеющие за общее дело. Антип в повести «На летнем пастбище» по примеру своей прославленной матери – доярки Типтон работает животноводом, пасет совхозный скот, делая все возможное, чтобы повысить надои молока. Главный герой повести «На заимке» Роман не дает старшему коллеге Симоку Ивановичу расточать совхозное добро – пресекает продажу корма овец, создает комсомольскую бригаду чабанов.

Характеры героев Н. Тюкпиекова раскрываются посредством сюжета, речевых характеристик, портрета и пр. Например, так дано портретное описание Антипа: *Антиптің чалбах пурны тегілек хызыл-күрең сырайына киліскек полған. Улуғ хоор харахтарының үстү чалбах хара көміскезі тартылтыр. Күлімзіребіссе, хыстарни осхас, чугацах ирнілерінің кистінде тип-тиң сіліг тістері хазарыза түсче. Абани осхас, чалбах хулахтығ. Пёзік сынына хара тоғысха кисчең костюмы ипти чатхан* [Тюкпиеков, 1972, с. 14] – ‘Широкий нос Антипа соответствовал его круглому бронзовому лицу. Над большими серыми глазами прочерчены широкие черные брови. Улыбнется – за нежными, как у девушки, губами видны ровные красивые зубы. Как у медведя, с большими ушами. Его высокую фигуру ладно облегал черный рабочий костюм’ (здесь и далее подстрочные переводы наши. – Л. Ч.).

О моральных качествах Романа, например о его честности, говорят слова, сказанные им в первый день работы на заимке людям, которые загружали себе совхозный овес, купленный ими у Симока: *Ам на тоғысха кірдім, поэңар піліңер, істеніс чолын оғыр идіп пастабаспын* [Тюкпиеков, 1977, с. 5] – ‘Сейчас только устроился на работу, знайте, что не буду начинать свой трудовой путь с воровства’; неприятии им лжи, обмана: *Чойланғаны – хомай ниме* [Тюкпиеков, 1972, с. 70] – ‘Вранье – плохое дело’.

Активно используется Н. Тюкпиековым как способ создания характера персонажа в литературном произведении характеристика героев другими персонажами. Кирилл Антипа характеризует: *Светаа турыстығ оол, күстіг*

полар, неке, – ачыргана сағынчатхан Кирилл – сынап ир кізі [Тюкпиеков, 1972, с. 14] – ‘Достойный Светы парень, сильный, – с досадой подумал Кирилл, – настоящий мужик’.

Через восприятие Латона наглядно представляется портрет красавицы Светы: *Пёзік хамахтығ, я. Тос ах сырайлығ, хызыл пулгах наахтығ. Сылағай хазың сынның, кил. Улуғ харахтарына пат парғадағ. Ниске пилін хучахтап, чугацах ирнін охсан көрзе, я!* [Тюкпиеков, 1972, с. 11–12] – ‘Высоколобая. Белолицая, краснощекая. Стройная, как береза. Кажется, что утонешь в ее больших глазах. Обняв за тонкую талию, поцеловать бы ее в нежные губы!’ К описанию привлекательности Светы Латон добавляет характеристику ее умственных способностей: *Света сіліг дее полза, хыйгазы улуғ нимес, ікі чыл Агбанзар имцілге үгрэнерге чөріп, кір полбаан* [Тюкпиеков, 1972, с. 12] – ‘Света хоть и красивая, но ума у нее мало, два года ездила в Абакан поступать на врача, не поступила’.

Латон же дает точную характеристику Кириллу, которого на летнее пастбище привел работать пастухом его отец – Сидор Иванович: *чабал оңдайлығ*, т.е. человек с недобрыми мыслями, поведением. Характер Кирилла раскрывается такой повествовательной формой, как несобственно-прямая внутренняя речь, которая содержит и авторскую речь, и мысли Кирилла: *Кириллге пасха-пасха сағыстар кірчеткен. Мындағ алығларзар килібіскенін хатап-хатап харғанчатхан. Ирік чох ирткен тус харах алнында көрінібіскен. Музыка училищезінең, пір оол көөктірбеен полза, пүдірігзер парбасчых. Ам тоос париған поларчых, ізіг-соохты пілбин, тоғынарчых. Пір ипчінең хынызып, арага иртіре іспеен полза, пүдірігдең сыгартпасчых. Тимір чолда тоғынып, соохтаң тискен, пес одынып – ізігдең. Э-эх, ну мал осхас малчыларзар килерін кем пілген?* – ‘Кириллу разные-разные мысли приходили. Проклинал, что среди таких дураков оказался. Перед глазами былые года промелькнули. Из музыкального училища в стройку не ушел бы, если его один парень не уговорил бы. Сейчас уже заканчивал бы, не зная жары-холода, работал бы. Связавшись с одной женщиной, не пил бы чрезмерно

спиртное, не выгнали бы со стройки. Работая на железной дороге, от холода сбежал, разжигая печь – от жары. Э-эх, кто же знал, что окажется среди этих, словно скот, животноводов’. В данном отрывке повествование от третьего лица переходит в некоторый внутренний монолог, передающий и сожаление, и злость, и пренебрежительное отношение Кирилла к сельским животноводам.

В повести «На заимке» охарактеризовать главного героя Романа помогает мнение старшего чабана Алексея Кирилловича, вставшего на защиту молодого чабана, у которого из отары пропали ягнята: *Ўр ниместе ле армиядаң айланган, семьязы улуг, хай-пирее чииттер чили городсар тиснеен. Позы тогынарга кустенче. Сымдах, иртеці.* [Тюкпиеков, 1977, с. 49] – ‘Совсем недавно пришел из армии, большая семья, как некоторые молодые, в город не сбежал. Сам старается работать. Старательный, рано встает’.

Характер другого старшего чабана Симоки, всегда недовольного работой Романа, наговаривающего на него, будто он лентяй и лгун, раскрывается через отзыв о нем Микея: *Анынаң пір деє кизи истіг тогынмаан. Хомай кизи ол. Ўлуг ничемнең чуртапча. Оларның алныларына көп чүгүргем, анаң, тўк ахказына харанып, мині, аргаас тіп, чистем сүрібіскен... Чистем – оғыр ол. Пір чабанның ікі хойын оғырлап туттыр салган* [Тюкпиеков, 1977, с. 30] – ‘С ним никто не смог хорошо сработаться. Плохой он. Живет с моей старшей сестрой. Я много им помогал, потом он, позарившись на деньги, вырученные за шерсть, обвинив в воровстве, выгнал меня... Зять – он вор. Попался на воровстве двух овец у одного чабана’. Представление о Симоке Ивановиче дополняет его речевая характеристика: *Пірдеезіне киртінме, тіріг оғыр чон. Прайзынаң нанчы пол, наныңда пычахтыг пол* [Тюкпиеков, 1977, с. 11] – ‘Никому не верь, кругом воры. Со всеми дружи, за пазухой нож держи’.

Повествование от третьего лица позволяет автору детально и глубоко показать процессы внутренних состояний персонажей. Для раскрытия образов Антипа, Латона и Кирилла в повести введена сцена национальной борьбы

күрес. Обрисовка поведения героев дает представление о внутренней сущности каждого из них. Латон, еще не взявшись за пояса, бросает Антипа, но, ловко увернувшись, Антип падает лицом вниз, что не считается по правилам борьбы поражением. В свою очередь Антип, прежде чем положить Латона на лопатки, предупреждает его. Проигравший Антипу Латон, вызвав на схватку Кирилла, кидает его так, что тот, сильно ударившись головой об землю, не может прийти в себя. По манере ликовать в ситуациях, неудачных для других (*Кирилл, айязын сабыныбызып, харагы сугланганча, хыыхтап-хыыхтап, хатхырчатхан* [Тюкпиеков, 1972, с. 17] – ‘Кирилл, прихлопывая, гикая, до слез смеялся’; *Латон, хатхырып, изірік кизи чили, көк отта агахтанчатхан* – ‘Латон, как пьяный, катался по зеленой траве, смеялся’ [Тюкпиеков, 1972, с. 17]), Латон и Кирилл характеризуются как тип личности незрелой, неспособной к сочувствию и состраданию, говоря словами Антипа – *олган осхас кизи* ‘словно ребенок человек’.

Эмоциональное состояние персонажей воспроизводится при помощи косвенной формы, когда изображаются внешние признаки: *Латон мөнек одыр салган* – ‘Латон грустно сел’; *Кирилл сірлезібіскен, сырайы хызарып, хуурта тарт парган* – ‘Кирилл затрясло, его лицо покраснело, затем побледнело’; *Антип, ах-тик пол парып, пазын чайхаан* – ‘Антип, недоумевая, качал головой’; *Латон, нимее салбаанына хомзына, ирнін хыймырадып, ирнін сол саринза хойралтыбысхан* [Тюкпиеков, 1972, с. 16] – ‘Латон, обидевшись на небрежное отношение к себе, пошевелив губами, скривил их в левую сторону’; *Кирилл, илектенчеткеніне, хызар парган, тарынганын пілдіртпеске сілегейін удаа азыр сыххан* [Тюкпиеков, 1972, с. 16] – ‘Кирилл из-за того, что над ним подшучивают, покраснел, стараясь, чтобы остальные не заметили, что он обижается, часто глотал слюни’.

В состав художественного мира произведения входят портрет и пейзаж как детали, участвующие в показе чувств и эмоций персонажей. Так, в эпизоде, когда управляющий Сидор Иванович, узнав от бригадира Анны

о снижении надоев молока, отчитывает доярок, эмоции персонажей выражают портретные детали. Непосредственно о состоянии рассерженного Сидора Ивановича и девушек, которых ругают, говорят детали («обжигающий взгляд», «ноздри сердито раздувались», «грустный взгляд», «покраснела»): *Ол өртөпчеткен харахтарын пірде пірсінзер хази көрген, танаазы тарынчах сыылаан. Анна, пабазының алнында пыро ит салган хызыцах чили, улуг хап-хара харахтарын мөнек көр салып, хыймыранарга даа хорыхчатханга төбөй. Чуганцах сөлбөң ах сырайы хызар пар-тыр, пөзік хамағы тирлебистір, ол уламох аястыг, чүрекке толдыра көрінчеткен. Света, Аннаның чоон кичегезін сыйбаглап, пір нимее сагысырабин турчатхан, пастыхсар даа көні көрерге тидінібісчеткен. Ол өөрелерінең прайзынаң көрімніг, прайзынаң пөзік полган. Кунара тарантастың пір саринда турган, тигір көк харахтарын чирзер көр салып, көп нимес сипкіліг аппагас сырайы хызарыбыстыр* [Тюкпиеков, 1972, с. 6] – ‘Он обжигающим взглядом одного за другим всех обвел, ноздри сердито раздувались. Анна, словно провинившийся ребенок перед отцом, грустно глядя большими черными глазами, даже пошевелиться боялась. Тонкое удлиненное белое ее лицо покраснелось, высокий лоб взмок, на нее было жалко смотреть. Света, поглаживая толстую косу Анны, стояла не переживая ни о чем, даже на начальника могла прямо посмотреть. Среди подруг она была самой видной, самой высокой. Кунара стояла по другую сторону тарантаса, опутив небесно-голубые глаза, немного в прыщах белое лицо ее покраснелось’. Состояние Сидора Ивановича передает также такая деталь предметного мира, как трубка, которую он чаще курил в минуты волнения: *Сидор Иванович улуг тын салган, анаң хаңзазына пазох наа махорка таарлапчатхан (тарынза, махоркаа читірчең, анаң хараа тооза чиділчең)* [Тюкпиеков, 1972, с. 7] – ‘Сидор Иванович тяжело вздохнул, снова стал набивать махоркой трубку (когда сердился, доставалось махорке, а потом всю ночь кашлял)’.

Пейзаж выполняет отраженную в заглавиях повестей функцию обозначения места

и времени действия. Повесть «На летнем пастбище» начинается с пейзажной зарисовки, где наряду с художественным описанием природы представлена картина, изображающая летнюю стоянку: *Күн ыраххы харалып көгерчеткен таглар кистінең көдіріл киліп, тигірдегі саях пулуттарны хызарта өртегли, сыхтыг арыгны чылыда, чоғар өөрлепчеткен. Хара суғ пилтіріндегі чайлагдағылар иртенгі тоғыстарынаң маңнан таа салдылар. Пу чайлаг пасхаларынаң пір дее пасха нимес: суғ хазында ікі агас тура ырахтыңох хас-хай турча, хости чазы хазаалары ағарысча, ортызында «елкацах», мал төллендірчеңнің аңмарычағы; анда-мында чоон хазыңнар көгерісче, улуг нимес ачых, ибіре саринда мал чөрерге чаразыг, алғым хол өзеннері чая тасталтыр* [Тюкпиеков, 1972, с. 3–4] – ‘Солнце, поднявшись из-за чернеющих вдали гор, окрасив редкие облака на небе, согревая теплом влажный лес, поднималось вверх. На летнике у устья родника с утренними работами уже управились. Этот летник от других ничем не отличался: на берегу реки издалека видны два деревянных домика, рядом белеют загоны, посредине – «елочка», родильное помещение для коров; то там, то здесь зеленеют высокие березы, небольшая поляна, вокруг пригодная для пастбы скота растительность лога раскинулась’.

Описание летней стоянки с домиками, загонами и другими постройками позволяет наглядно представить изображаемое Н. Тюкпиековым современное ему время. В те годы с целью выполнения планов по производству и продаже государству молока дойных коров на лето перегоняли в подтаежные пастбища. Здесь же жили и работали доярки и пастухи. Если в повести «На летнем пастбище» изображается их работа и быт, то в повести «На заимке» сюжетные действия происходят в степи, дано описание зимнего пейзажа: *Чил харны сұр парыбыстыр. Ибіркі чазылар, пөзік нимес таглар хоор-сарыг өңніглер. Паар хыралары ла ырахта хара плис часхан чили харалысча* [Тюкпиеков, 1977, с. 10] – ‘Ветер угнал снег. Лежащая вокруг степь и невысокие горы стали серо-желтого цвета. Вспаханная с осени на весенний посев

земля издали чернеет, словно покрытая черным бархатом’.

Элементами художественной картины мира повестей Н. Тюкпиекова являются цвет, запахи, звуковые образы. Автор в создании красочного таежного пейзажа активно использует цвет и запах: *Ибіре аймах-пасха көк тонныг ағастар хоосталысчалар... Хызылгат, харагат, сиңнелер хойыг чыстарын ибіре тиксі чайча. Нымырттарға хар тўс парған осхас, хазарысчалар анда-мында. Қўн чахаягының тўлўғи, арам ағастар аразында хызарып сарғалысчалар. Аймах сырлыг чахаяхтарға арыг істі, хырых чібекнең хоостаан алтын кибіс чіли, чатхан. Чагынғы ағастыг тағлар хара-көк өңнең, ыраххылары от көк өңнең көгеріскеннер. Тигір төзінде хыр настыг Соян тасхыллары тигір тіре турғлабыстыр* [Тюкпиеков, 1972, с. 15–16] – ‘Вокруг разные деревья, одетые в зеленые шубы, рисуются... Красная смородина, черная смородина, марьин корень далеко вокруг разносят свой ароматный запах. Черемухи, словно покрытые снегом, белеют то там, то здесь. Меж деревьев краснеют жарки. От многоцветья цветов лес устился, будто вышитым сорока нитками, золотым ковром. Близлежащие покрытые деревьями горы темно-синим цветом синели, дальние – зеленым зеленели. На горизонте седоголовые Саянские горы стояли, подперев небо’. В повести «На заимке» в художественном воплощении зимнего пейзажа доминирует белый цвет: *Ибіркі чазылар, тағлар ах чорғаннаң чабыныбыстылар* [Тюкпиеков, 1977, с. 36] – ‘Окружающие степи, горы белым одеялом укрылись’; *Хысхы арыг кўн ыраххы ах тубаннарнаң чабын салған тағлар кистінең көлңе көдіріл килген* [Тюкпиеков, 1977, с. 42] – ‘Зимнее солнце медленно поднялось из-за дальних гор, укутанных белым туманом’. Наравне с белой степью и белым туманом предметно-изобразительный мир повести составляют стога соломы, сравниваемые с белыми грибами: *Ибіркі ах чазылар тубаннаңар ырах көрінминче. Сызырлыг уламнар ах мискелер чіли турғлапча* [Тюкпиеков, 1977, с. 36] – ‘Из-за тумана недалеко видны окружающие белые степи. Словно белые грибы, стоят стога соломы’. Так, в зимнем пейзаже органично присутствует вещь, связанная с чабанским делом.

Соносфера в повести «На летнем пастбище» представлена природными звуками, раскрывающими многообразие таежной фауны и флоры. Совокупность звуков животных, журчания речки, шелеста деревьев и т.д. создает впечатление физического присутствия в изображаемом пространстве: *Арыг көлңеен усхун настаан. Паядаң көлңе солбыраан сууцах таа ўнін чарытхан, тағ настары, сыбыхтазып, амыр суулас настаан. Хусхацахтар пір-ікі ўйгулыг ўн хосханнар. Ол ўннер, пола-пола тыып, хойып, сыңыразыбысхан. Хайда-да ўгў истерге ачырғастыг, соогын ўўктебіскен. Хол озаринда хорлаңа сугзар киик оорли тўскен. Соонаң кўркўнің сыгырганы истіл парған, агаа пасха хырдаң пулбырап нандыр пиргеннер. Аннадаң ырах ниместе кем-де сапхы хайыр сыххан. Хара сабан тіп улуг хус, харагай салааларына ханаттарынаң урунып, хаах-хуух тібинен, талбаңни халған. Оох хорбыцахтарда сымнар, сыгырысхлап, учугыс настааннар. Ибіре тайга, аймах сыгырыстарны, сарыннарны, табыстарны пір көге піріктіріп, кўўлебіскен* [Тюкпиеков, 1972, с. 44] – ‘Лес неторопливо стал просыпаться. Недавно тихо журчащая речка усилила свой голос, верхушки гор, перешептываясь, постепенно зашумели. Птички раз-два сонно звуки добавили. Эти звуки, со временем усиливаясь, укрепляясь, зазвенели. Где-то филин издал крик, неприятный и будоражащий. За логом у журчащего ручья громко крикнула косуля. Позже послышался свист тетерева, ему с другого холма ответили. Недалеко от Анны кто-то начал косу точить. Крупный глухарь, крыльями задевая сосновые ветки, издавая громкие звуки, быстро и неуклюже улетел. В невысоких зарослях рябчики, пересвистываясь, начали летать. Кругом тайга, собрав в одну мелодию разные свисты, песни, звуки, зашумела’.

В современном литературоведении цвет, запахи, звуковые образы все чаще становятся предметом научных исследований. Колоративные, звуковые, ольфакторные явления литературоведами рассматриваются как органические компоненты художественно-

эстетической структуры произведения. К примеру, С. А. Исакова, рассматривая по зрительным, цветовым, звуковым и тактильным параметрам образ дождя в рассказе «Время дождей» хантыйского писателя Е. Айпина, пишет, что «в его составе доминирует визуальный и звуковой образы, а метафорический образ дождя может воплотиться в религиозный образ-символ, что ярко отображает богатство и оригинальность индивидуально-авторских представлений и ассоциаций» [Исакова, 2015, с. 124]. В сюжете повести Н. Тюкпиекова развитие событий и кульминация сопровождается описанием дождя, который имеет визуальные различия в зависимости от его вида и интенсивности – он идет, моросит, сеет, льет: *Наңмыр ам даа чаапчатхан. Ибіре суг ла чайылча* [Тюкпиеков, 1972, с. 61] – ‘До сих идет дождь. Вокруг вода разлилась’; *Наңмыр чіміреҕеен не чімірепче* [Тюкпиеков, 1972, с. 61] – ‘Дождь все моросит и моросит’; *Наңмыр ундуттыр тохтирын. Сеелепче* [Тюкпиеков, 1972, с. 65] – ‘Дождь забыл остановиться. Льет’; *Наңмыр, тохтап, пазох сыылада пирче* [Тюкпиеков, 1972, с. 69] – ‘Дождь, остановившись, снова сильно льет’.

Н. Тюкпиеков создает видимую, слышимую, осязаемую картину, позволяющую читателю представить, как независимо от погодных условий работали на летней стоянке. Эмоционально-негативную окраску дождливой ночи, когда на дорогах – размякшая грязь, то здесь, то там бурлит дождевая вода, придает использование изобразительного сравнения с гробом: *Хомды ла істіндегі осхас, чыплама харасхы хараа* [Тюкпиеков, 1972, с. 56] – ‘Как в гробу, кромешная темная ночь’. Ночью в морозящий дождь герои повести идут на поиск потерявшейся в тайге коровы, которая должна была вскоре отелиться. Вместе с описанием ночной темноты таежного пространства в дождь Н. Тюкпиеков показывает эмоциональное состояние героев, их страх, раздражение: *Агас аразында чыплама харасхы. Салаага тегзең, суг урыла тўсче. Төкпес, чадыз, хайа, харалып, аба чілі, чагыннапча. Хорыгып, сарнас-хысхырыс чөргеннер. Хол істі яңыланчатхан. Тўнегедгі хус, чочыбызып, учуга халча. От узун.*

Салым. Наңмыр чімірепче. Ибіре суг ла суг. Угаа чархастыг [Тюкпиеков, 1972, с. 69] – ‘Меж деревьев – кромешная тьма. Заденешь ветку, окатывает водой. Пень, валежник, скала, чернея, приближаются, как медведь. От страха пели, кричали. В логу эхо раздавалось. Расположившаяся на ночлег птица, испугнувшись, улетела. Трава высока. Роса. Моросит дождь. Кругом вода да вода. Очень надоедливо’. В преодолении трудностей, которые чинит природа, раскрываются характеры персонажей: в то время как все, промокшие насквозь, до утра были в тайге, Латон, обманув товарищей, вернулся в стоянку и лег спать, ответственный Антип же через три дня пригнал пропавшую первотелку.

Дождливый пейзаж, данный через восприятие персонажа, характеризует его эмоционально-психологическое состояние. У не углядевшего за коровами пастуха Латона дождь вызывает чувство грусти и раздражения: *Латон, тарасхлап парган інектерні чыглап, мөнек пастыр чөрчеткен. Наңмыр ілгеҕеен не ілгенчеткен. Тигір, хоох ла істіндегі чілі, туу тартылыбыстыр. Тагларда хойыг тубан пулттары чүзісклеп чөрче. Ибіре суг ла суг. Чархастыг кўн* [Тюкпиеков, 1972, с. 53] – ‘Латон, собрав коров, ходил грустным. Дождь лил и лил. Небо, как внутри пузыря, полностью затянуло. В горах облака густого тумана плавали. Вокруг вода да вода. Надоедливой день’.

В повести «На заимке» пейзаж у Н. Тюкпиекова точен и выразителен: без многословных эпитетов и сравнений автор создает образную картину снежного бурана, обрушившегося на чабанскую стоянку: *Таң алнынзар улуг чил кірібіскен. Сыгырып, тураны илеңнеде саапча, сўлейкелерін хыгдыратча... Тасхар сыхсалар, пір дее ниме көрінминче. Хас-пораан на хайнап, тигірнең чир пірік парган осхас* [Тюкпиеков, 1977, с. 44] – ‘К рассвету поднялся сильный ветер. Свищет, бьет, расшатывая дом, грохочет стеклами... Вышли из дома – ничего не видно. Неистовый буран бушует так, словно небо и земля соединились’. Природная стихия использована автором как мотив испытания для раскрытия характеров Романа и Ларисы в экстремальной ситуации:

проявив смелость и находчивость, они спасли ягнят от гибели.

Описание природы составляет эмоциональный фон для развития сюжета любовной линии. В повести «На летнем пастбище» через пейзажные зарисовки раскрываются чувства Антипа. Так, эмоциональному состоянию Антипа, почувствовавшего холод со стороны Светы, сопутствует гроза: *Чил улгадып, арыг істі, талай ла чіли, хыймырабысхан, салгынабысхан. Улуг тайгаларзар, үзікти, үзікти, тигір чирні илеңнеде көксенібіскен. Сагын сагылган. Наңмырның чоон кизектері тоолада пирген. Хайдаг-да харга, чабал кўн поларын төлкелеп, чабал табыснаң хаахтап-чатхан. Саасханнар сайразып, өөрнең учугып, кииде, чыланнар ла чіли тоғалысханнар. Таллар аразында көрік тапсапча. Сарыг сеектер, тобыннар пулут чіли турыбысхан* [Тюкпиеков, 1972, с. 45] – ‘Поднялся ветер, лес, как море, зашевелился, заколыхался. В сторону большой тайги небо, раскачивая землю, прерывисто, прерывисто заругалось. Сверкнула молния. Закапали большие капли дождя. Где-то ворона, предвещающая ненастный день, противно каркала. Сороки, стрекоча, летая стаей, в воздухе извивались, как змеи. Среди ивы бурундук издает звуки. Комары, мошка как тучи стали’. Внутреннее состояние (волнение, непонимание причины изменения отношения Светы) Антипа сливается с ненастьем, описанным Н. Тюкпиековым языковыми средствами, придающими повествованию эмоционально-негативную окраску. Ветер, дождь, молнии, карканье вороны, предвещающей ненастный день, сороки, как змеи, извивающиеся в воздухе, – все это подчеркивает тревогу Антипа. И наоборот, позитивным, жизнерадостным светом наполнен в конце повести эпизод признания в любви Антипа Анне: *Чалахай күнічек, тағ кистінең күлімзіреп, өрініп ала көдірілчеткен, алтын-хызыл чібек пастағы сустары ағас салаалары аразынча атылысхан. От нұрлерінде иртенгі салым күмүс чылтызахтар чіли, пызыңнасхан. Иртенгі чилічек, наа күннең алғыстап, ағас салааларын икчеглеен* [Тюкпиеков, 1972, с. 94] – ‘Ласковое солнышко, улыбаясь, радуясь, поднималось из-за горы, между ветками

деревьев видны золотисто-красные шелковые первые его лучи. На траве утренняя роса, как серебряные звездочки, блестит. Утренний ветерок, поздравляя с новым днем, раскачивал ветки деревьев’. Проявление глубокого и настоящего чувства Антипа к Анне, стоящих на пороге нового этапа в жизни молодых героев, сопровождается соответствующей картиной солнечного утра.

Пейзаж играет важную роль в раскрытии темы любви и в повести «На заимке». Если Н. Тюкпиеков в повести «На летнем пастбище» тонко и проникновенно пишет о таежной местности, то в повести «На заимке» эмоциональный фон для восприятия сюжета и судеб героев создает пространство степи. Рассматривая эстетические функции пейзажа в произведениях калмыцкого прозаика А. Бадмаева, М. А. Лиджиев и Л. А. Лиджиева отмечают, что «в картинах степного пейзажа, в описаниях зеленой травы, жадно тянущейся к солнцу, теплу, звучит одна из самых возвышенных, органично присущих всей поэтике тем – тема жизнеутверждения» [Лиджиев, Лиджиева, 2016, с. 101]. В финальной главе повести «На заимке» описание весеннего степного пейзажа гармонирует с чувствами влюбленных Романа и Ларисы: *Ибіркі чазылар, чазы-тағлар көк кибіснең сулғаныбысхан. Романнаң Ларисаның хыныстары уламох пөзік өөрленібіскен, түрче дее чара чөрбинчелер, удаа хой хадарарға ікөлең парыбысчалар. Пүүн ідөк, часхының чылыг танына удур күлімзірезіп, өрініп ала чидек-тес салып пастырчалар, соохтарға, чиллерге сырайларын күрең иде чалгат салган хыснаң оол... Чиит хынысчатхан чүректерге удур прай нима күлінчеткен, өрінчеткен осхас. Чииттерні көгліг чайгы күннері, чылтыстыг чылыг хыныс хараалары сагыпчатхан. Көк порчолыг ине чазыларының көгліг торғайлары оларға иң чахсы көглерін тимнеп салган осхастар. Пірсі пірсінің соонча тигірінің алғым хойнынзар көдіріле, аймах көглерін ибіре тиксі чайчалар. Тағларда көк табызы яңыланчатхан* [Тюкпиеков, 1977, с. 47] – ‘Близлежащие степи, горы укутались зеленым ковром. Любовь Романа и Ларисы еще более поднялась вверх, даже ненадолго

не расстаются, часто вместе пасут овец. Сегодня, так же улыбаясь навстречу теплому ветерку весны, радуясь, взявшись за руки, идут парень и девушка, с холодом, ветрами облизанными смуглыми лицами... Казалось, что любящим сердцам навстречу все вокруг улыбается, радуется. Молодых ждут веселые летние дни, звездные теплые ночи. Кажется, что веселые жаворонки материнских степей в синих цветах приготовили им свои самые лучшие мелодии. Один за другим поднимаясь в широкие объятия неба, распространяют далеко вокруг разные свои песни. В горах голос кукушки отзывался’.

В советской многонациональной литературе значительное внимание уделялось изображению темы производства. М. А. Гусейнов к достижениям «производственной» прозы относит, помимо убедительного воспроизведения событий и лиц, народной жизни, «актуализацию проблем нравственности, акцентированное изображение этноментальных черт образов в русле психологической мотивации их поступков» [Гусейнов, 2018, с. 199]. Для повестей Н. Тюкпиекова характерно значительное внимание автора к изображению совхозной жизни, воспроизведение каждодневной работы доярок, пастухов, чабанов, описание быта: *Тура істі чарых паза арыг полган, кігі дее полза, чара пөлілтір, пір хыринда – хызыл пулуң, ікі хызыл иснең чапхан столда кнйгалар, журналлар, наа килген газеталар чатхлаан. Пулунда кнйгалыг тасхах. Стенелерде сомнар, лозунгтар ілілгелтір. Пір пөлінде үс орган* [Тюкпиеков, 1972, с. 8] – ‘Дом внутри светлый и чистый, хоть и маленький, разделен надвое, в одной стороне – красный угол, на двух столах, покрытых красной тканью, лежали книги, журналы, свежие газеты. В углу книжная полка, на стене фотографии, лозунги. В другой комнате стояли три кровати’. Но при всем этом Н. Тюкпиеков стремится показать особенности мировосприятия героев, явить читателю национальный мир. Его повести содержат этнографические подробности, связанные с описанием быта скотоводов, чабанов, воссозданием особенностей материальной и духовной культуры хакасского народа. Представители старшего

поколения: управляющий фермой Сидор Иванович, учитель Арсений Романович, мать Антипа – Типтона, старший чабан Алексей Кириллович и др. – олицетворяют мудрость народа, передают молодежи свой жизненный опыт и знания, накопленные народом в процессе многовековой хозяйственной деятельности хакасов-скотоводов. Так, Сидор Иванович наставляет сына Кирилла: *Син бригадирнің, пастухтарның чоогын чаксы ис. Оой тогыс нимес, пастухтың сымдах, сиргек, көйтік поларын кирексіңче. Пулар мал оңдайын чаксы пілчелер. Сизіктіг, күлүк пол* [Тюкпиеков, 1972, с. 12] – ‘Ты хорошо слушай, что говорят бригадир и пастухи. Нелегкая эта работа, пастух крепким, внимательным, хитрым должен быть. Эти о скоте хорошо знают. Будь внимательным и старательным’; Аким Сергеевич учит Романа: *Малда тогынарға сагынчатсаң, иртеезін турарға көнік. Малчы иртеці полчаң. Иртеці кізіні ікі үлүстіг тіпчелер* [Тюкпиеков, 1977, с. 20] – ‘Если хочешь быть животноводом, привыкай вставать рано. Животновод должен быть рано встающим. Как говорят, рано встающий имеет две доли’, *Прай ние поэцінаң, хайди көргезің тогызыңа, малың азыгына. Аннаңар удаа чоохтапчабыс. Испес кізее чүс хати чоохта, туза полбас. Азыралны үзүрлеп піліңерөк, хатыг хысхы ам на пасталча* [Тюкпиеков, 1977, с. 21] – ‘Все зависит от тебя самого, как относишься к работе, кормам. Об этом мы часто говорим. Невнимательному сто раз скажи – толку не будет. Корм знайте расходовать экономно, суровая зима только начинается’; старший чабан Алексей Кириллович, смотрящий за овцематками, рассказывает молодым нехитрые, но жизненно важные правила в чабанской работе: *Мал хадарчатсаң, чылыглан на чөр, чон аразында нимесің, чазанарға кирек чоғыл* [Тюкпиеков, 1977, с. 10] – ‘Когда пасешь овец, тепло одевайся, не среди людей работаешь, незачем наряжаться’, *Мал хадарчатсаң, чылыг ла тонан чөр, күнге пір дее ізенме. Пурунғы чон айнаа киртінчең. Айна – ол соох полтыр. Соохха хаптырып, асхынах кізі үреді ни?* [Тюкпиеков, 1977, с. 14] – ‘Когда пасешь овец, тепло одевайся, на солнце никогда не надейся. Наши предки верили в черта. Оказывается,

черт – это холод. Смеясь над холодом, мало ли народа умерло?», *Ит чирге айаба. Ит кўстїг тамах. Соохха ник поларзың. Чиитсїң, кўзїң дее хозылар* [Тюкпиеков, 1977, с. 14] – ‘Не жалей есть мясо. Мясо – сильный продукт. К холоду будешь крепким. Молодой, и сила прибавится’, *Мал чїтчең – табылчаң нїме. Пір чабан полған, тарын парзох, пўўрлер нїме кўрче полчаңнар, пу хойларны чїглебин тїчең. Улуг чоохтанарға малдағы кїзее чарабинча. Соонаң он артишинаң хой аңа кїр парған. Аң ол чир хулахтығ нїме* [Тюкпиеков, 1977, с. 45] – ‘Скот теряется – находится. Был один чабан, который, когда рассердится, все говорил: куда смотрят волки, не поедая этих овец. Тому, кто работает с животными, нельзя говорить лишнее. Впоследствии больше десяти его овец задрал зверь. Дикий зверь – он всеслышащий’.

Н. Тюкпиеков приводит этнографические наблюдения, сосредоточивая внимание на изображении человека-труженика, показывает не только повседневный труд доярок, пастухов, чабанов, но и их отдых. В его повестях нашли отображение обычаи, связанные с проведением хакасской свадьбы, исполнение тахпахов, традиционная кухня хакасов (*Чарбалыг јүгүрее арчы салып, угаа хынып іскен, чїлің пазын салдап салған, наа иткен нымзах халас позы ла сурынчатхан осхас ахсынзар* [Тюкпиеков, 1977, с. 14–15] – ‘С большим удовольствием поел ячменный суп, заправленный арчы¹, поел мясо с мозговой кости, свежее испеченный мягкий хлеб так и просился в рот’). На национальное своеобразие видения мира указывает художественный язык произведений, включающий в себя паремии, идиоматические выражения, сравнения: *Пір дее сўр полбинчалар, тербен тазы ла чїли айлахтынасчалар* [Тюкпиеков, 1977, с. 44] – ‘Не могут загнать, как мельничный жернов крутятся’; *Антип чалчысха угаа тың чапсаан, аат ирепчї осхас, ынаг кїзілер пўўн хайди полды* [Тюкпиеков, 1972, с. 46] – ‘Антип был очень удивлен ссоре, что стряслось с дружными, как пара турпанов, людьми’, *Чойланганы – хомай нїме* [Тюкпиеков, 1972, с. 70] – ‘Ложь – пло-

хое дело’, *Тўрче полбинаң, чоғархы чолца Хысторий, сымна хус чїли, сыылат париган* [Тюкпиеков, 1972, с. 79] – ‘Немного погодя по верхней дороге Хысторий, словно рябчик, понеслась’, *Чуртасха сїліг кирек чоғыл, сїліг – тойда ла* [Тюкпиеков, 1972, с. 81] – ‘Для жизни красота не нужна, красота – лишь на свадьбе’; *...чатхан тасты чара хатхырыс турлар...* [Тюкпиеков, 1972, с. 100] – букв. ‘смеялись до раскола лежащего камня’; *Худай кўні тардаң даа кўп...* [Тюкпиеков, 1977, с. 6] – ‘Божьих дней больше пороха...’, *Оолгы тогыста сабланчатса, хайдаг паба махтан чўрбинче тїп, јдес халған* [Тюкпиеков, 1977, с. 12] – ‘Проводил со словами: когда сын на работе славится, какой отец не будет гордиться’ и др.

Заключение

Повести Н. Тюкпиекова внесли определенный вклад в развитие жанра хакасской повести. Соответствуя идеологическим требованиям литературы советской эпохи, поднимающей тему человека труда, они показывают народную жизнь и быт сельчан, трудовые будни животноводов. Изображение повседневного труда молодых чабанов, доярок, пастухов, раскрытие образов Антипа и Анны, Романа и Ларисы как энергичных, решительных, активных героев хакасской советской литературы органично сочетаются с описаниями душевных переживаний, чувств героев, обращением к теме любовных взаимоотношений, попыткой писателя к психологизации повествования, использованием пейзажа как главного средства раскрытия внутреннего мира и эмоциональных состояний персонажей. На заявленные в произведениях Н. Тюкпиекова особенности поэтики, использование в повествовании элементов, придающих произведению этнохудожественную ценность, будут ориентироваться в своем творчестве хакаские прозаики последующих десятилетий.

¹ Арчы – кисловатый, творожистый осадок, остающийся после перегонки вина из араки (Хакасско-русский словарь. Новосибирск: «Наука», 2006. С. 19).

Литература

- Гусейнов М. А.** «Производственная» тема в кумыкской прозе: особенности художественного воплощения // *Litera*. 2018. № 2. С. 194–200. DOI: 10.25136/2409–8698.2018.2.25652 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=25652 (дата обращения: 28.02.2025).
- Загидуллина Д. Ф.** Поиск путей обновления в татарской прозе 1960–1980 гг.: творчество Гумера Баширова // *Вестник Челябинского государственного университета*. 2016. № 1 (383). Филологические науки. Вып. 99. С. 63–67.
- Исакова С. А.** Образное содержание концепта «дождь» в рассказе «Время дождей» хантыйского писателя Е. Айпина // *Вестник Бурятского государственного университета*. Язык. Литература. Культура. 2015. Вып. 2. С. 120–124.
- Карамашева В. А.** Становление хакасской прозы: жанр, проблематика, характер. Абакан: Изд-во Хакасского гос. ун-та им. Н. Ф. Катанова, 1996. 136 с.
- Кызласова А. Г.** Проза. Хакасская литература 70–80-х годов // *Очерки истории хакасской советской литературы*. Абакан: Хакасское отд-ние Красноярского кн. изд-ва, 1985. С. 131–158.
- Лиджиев М. А., Лиджиева Л. А.** Пейзаж и его функции в прозе А. Бадмаева // *Вестник Калмыцкого университета*. 2016. № 4 (32). С. 100–107.
- Мышкина А. Ф.** Чувашская проза 1955–1968 годов: некоторые аспекты исторического развития // *Вестник Марийского государственного университета*. 2015. № 1 (16). С. 79–88.
- Текенова У. Н.** Типология и эволюция жанра повести в алтайской литературе // *Научное обозрение Саяно-Алтая*. 2023. № 2 (38). С. 73–90.
- Тюкпиеков Н.** Хыстагда. Абакан: Хакасское отд-ние Красноярского кн. изд-ва, 1977. 112 с.
- Тюкпиеков Н.** Чайлагда. Абакан: Хакасское отд-ние Красноярского кн. изд-ва, 1972. 108 с.
- Хавжокова Л. Б.** История адыгской литературы 60–80-х годов XX века: тенденции эволюции // *Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН*. 2021. № 5 (103). С. 125–136.
- Элекуева Л. М.** Балкарская повесть 1960–1980-х годов: темы, идеи, образы // *Культурная жизнь Юга России*. 2010. № 2 (36). С. 89–91.

References

- Elekuyeva L. M.** Balkarskaya povest' 1960–1980-kh godov: temy, idei, obrazy [The Balkarian story of the 1960s–1980s: themes, ideas, images]. *Cultural Life of the South of Russia*. 2010, no. 2 (36), pp. 89–91. (In Russian)

- Guseinov M. A.** «Proizvodstvennaya» tema v kumykskoi proze: osobennosti khudozhestvennogo voploshcheniya [The “industrial” theme in Kumyk prose: features of artistic expression]. *Litera*. 2018, no. 2, pp. 194–200. [Electronic resource]. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=25652 (accessed on February 28, 2025). (In Russian)
- Isakova S. A.** Obraznoe sodержanie kontsepta dozhd' v rasskaze «Vremya dozhidei» khantyiskogo pisatelya E. Aipina [The figurative content of the concept of rain in story “The Time of Rains” by a Khanty writer E. Aipin]. *Bulletin of Buryat State University. Language. Literature. Culture*. 2015, issue 2, pp. 120–124. (In Russian)
- Karamasheva V. A.** Stanovlenie khakasskoi prozy: zhanr, problematika, kharakter [Formation of Khakass prose: genre, problems, character]. Abakan, N. F. Katanov Khakass State University Press., 1996, 136 pp. (In Russian)
- Khavzhokova L. B.** Istoriya adygskoi literatury 60–80-kh godov XX veka: tendentsii evolyutsii [The history of Adyghe literature of the 60s–80s of the 20th century: trends in evolution]. *Bulletin of Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*. 2021, no. 5 (103), pp. 125–136. (In Russian)
- Kyzlasova A. G.** Proza. Khakasskaya literatura 70–80-kh godov [Prose. Khakass literature of the 70s–80s]. Essays on the history of Khakass Soviet literature. Abakan, the Khakass Branch of the Krasnoyarsk Publishing House, 1985, pp. 131–158. (In Russian)
- Lidzhiev M. A., Lidzhieva L. A.** Peizazh i ego funktsii v proze A. Badmaeva [Landscape and its functions in A. Badmaev's prose]. *Bulletin of Kalmyk State University*. 2016, no. 4 (32), pp. 100–107. (In Russian)
- Myshkina A. F.** Chuvashskaya proza 1955–1968 godov: nekotorye aspekty istoricheskogo razvitiya [Chuvash prose of 1955s–1968s: some aspects of historical development]. *Bulletin of Mary-El State University*. 2015, no. 1 (16), pp. 79–88. (In Russian)
- Tekenova U. N.** Tipologiya i evolyutsiya zhanra povesti v altaiskoi literature [Typology and evolution of the novel genre in Altai literature]. *Sayan-Altai Scientific Review*. 2023, no. 2 (38), pp. 73–90. (In Russian)
- Tyukpiekov N.** Chailagda [Chilagda]. Abakan, the Khakass Branch of the Krasnoyarsk Publishing House, 1972, 108 pp. (In Russian)
- Tyukpiekov N.** Khystagda [Khystagda]. Abakan, the Khakass Branch of the Krasnoyarsk Publishing House, 1977, 112 pp. (In Russian)
- Zagidullina D. F.** Poisk putei obnovleniya v tatarskoi proze 1960–1980 gg.: tvorchestvo Gumeri Bashirova [Search for ways of renewal in Tatar prose 1960–1980: Gumer Bashirov's works]. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2016, no. 1 (383), Philological Sciences, issue 99, pp. 63–67. (In Russian)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Зубков Валерий Серафимович – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова (Абакан, Россия)

Кривоногов Виктор Павлович – доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории Сибирского федерального университета (Красноярск, Россия)

Кызласов Артем Самуилович – кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник сектора языка Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории

Майнагашева Наталья Владимировна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора фольклора Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории (Абакан, Россия)

Маншеев Доржа Михайлович – доктор исторических наук, доцент кафедры философии, истории и культурологии Восточно-Сибирского государственного университета технологий и управления (Улан-Удэ, Россия)

Нурыева Огулсапар Атаевна – кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник Института языка, литературы и национальных рукописей им. Махтумкули АН Туркменистана (Ашхабад, Туркменистан)

Прудникова Татьяна Николаевна – кандидат географических наук, ведущий научный сотрудник Центра биосферных исследований Республики Тыва (Кызыл, Россия)

Торокова Евгения Семеновна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора фольклора Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории (Абакан, Россия)

Челтыгмашева Лариса Викторовна – кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник сектора литературы Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории (Абакан, Россия)

Шекшеев Александр Петрович – кандидат исторических наук, член правления Хакасской республиканской ассоциации жертв политических репрессий (Абакан, Россия)

НАУЧНОЕ ОБОЗРЕНИЕ
САЯНО-АЛТАЯ
№ 1 (45) 2025

SAYAN-ALTAI SCIENTIFIC REVIEW

No. 1 (45) 2025

Исторические науки / Historical sciences
Филологические науки / Philological sciences

Редактор *Е. В. Чезыбаев*
Технический редактор *О. П. Субракова*
Компьютерная верстка *С. И. Тюкпиековой*

Макет подготовлен
ГБУ РХ «Хакасское книжное издательство
имени В. М. Торосова».
655017, г. Абакан, ул. Щетинкина, 75-18н.
Тел. / факс: +(3902) 244-354, 243-039.
Email: izdatel@sibnet.ru

Подписано в печать 21.03.2025.
Формат 60х84 1/8.
Печ. л. 13,0. Усл. печ. л. 12,09.
Тираж 100 экз. Заказ №495.
Дата выхода в свет 25.03.2025.

Отпечатано в типографии
ГБУ РХ «Хакасское книжное издательство
имени В. М. Торосова».
655017, г. Абакан, ул. Советская, 173.